

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

НАШЕСТВИЕ
ЧУЖИХ
ПОЧЕМУ К ВЛАСТИ
ПРИХОДЯТ ВРАГИ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Нашествие чужих. Почему
к власти приходят враги
Серия «Русская история»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713848

Валерий Шамбаров. Нашествие чужих. Почему к власти приходят враги: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0318-0

Аннотация

Февральская и Октябрьская революция стали результатами не классовой борьбы или русского бунта, а тщательно спланированных и подготовленных операций спецслужб Антанты. Целью ставилось уничтожение конкурентки России и захват ее богатств, для чего западные закулисные силы сумели искусственно расколоть русский народ и натравить одну его часть на другую. Осуществлялась операция через сеть агентов, занимавших важные посты в российском и советском руководстве. Такими агентами были Барк, Ломоносов, Протопопов, Терещенко, Керенский, Чернов, Скобелев, Мартов, Троцкий, Свердлов, Коллонтай, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Крупская...

Содержание

От автора	5
1. Откуда приходят революции?	6
2. Кто становился революционерами	13
3. А что такое – «интернационал»?	20
4. Как возникла Антанта	26
5. Революционеры «плаща и кинжала»	32
6. Почему заглохла первая революция	37
7. Как эмиграция бедствовала и перессорилась	43
8. Как Россию решили поставить на колени	48
9. Как нагнеталась напряженность	54
10. Как была развязана мировая война	60
11. Кто погубил наших солдат?	66
12. Как политические страсти мешались со шпионскими	71
13. Чьим было «германское золото»?	76
14. В какие игры играла Америка	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Валерий Шамбаров
Нашествие чужих. Почему
к власти приходят враги

© Шамбаров В. Е., 2013

© ООО «Алгоритм-Книга», 2013

От автора

Февральская революция... Октябрьская революция... Гражданская война... Это была величайшая из катастроф, которые довелось пережить России в своей истории. И не случайно о революции написано огромное количество научных, публицистических трудов, монографий, сборников, статей, снято множество фильмов и передач, пытающихся осветить грандиозную русскую трагедию и с «красной», и с «белой», и с более менее «нейтральной» точек зрения. Но, несмотря на такое обилие источников, интерес к данному периоду истории остается неизменно высоким. Снова и снова поднимаются вопросы – почему так получилось? Кто был виноват? На чьей стороне была правда – красных или белых?

Однако по мере углубления разработок и исследований вскрываются и новые «слои» архивных материалов. Обнаруживаются новые документы, ранее неизвестные или невосстановленные свидетельства. И теперь уже можно сказать вполне определенно: революция в России вообще не была вызвана ее внутренними экономическими или социальными проблемами. Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно и расчетливо расколоть русский народ. Расколоть искусственно – с тем, чтобы стравить людей между собой. Участвовали в этом деле транснациональные корпорации, правительственные, финансовые круги и спецслужбы западных держав. Причем не только и не столько тех держав, которые находились с Россией в состоянии войны, но и государств, считавшихся ее друзьями и союзниками, – в первую очередь США и Великобритании, для которых наша страна в начале XX в. стала слишком сильным конкурентом.

А непосредственными проводниками их разрушительных планов, исполнителями политических, экономических, идеологических диверсий стал ряд агентов, занимавших высокие посты в российском и советском руководстве. Витте, Барк, Ломоносов, Протопопов, Львов, Терещенко, Керенский, Скобелев, Чернов, Мартов, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Ларин, Ганецкий, Радек, Коллонтай, Крупская и др. О тайных операциях, результатом которых стало крушение России в 1917–1922 гг., уничтожение восьмой части ее населения и чудовищное разграбление накопленных ею богатств, рассказывает эта книга.

1. Откуда приходят революции?

14 декабря 1825 г. батальоны лейб-гвардии Московского, Гренадерского полков и Флотского экипажа вышли на Сенатскую площадь. Равнение шеренг. Великолепие мундиров. Блеск эполет. Яркие плюмажи на киверах. Толпы столичной публики. Кареты дам, обмирающих от волнения. Породистые лошади. Французская речь. Святой ореол борьбы за свободу... Залпы картечи. Окровавленный снег. Пять приговоренных на виселице. Самоотверженные жены и невесты, едущие сквозь снега в страшную глухую Сибирь... Эта картина два столетия будоражила воображение интеллигенции, романтиков, молодежи. Вспомните, с каким чувством смотрели фильм «Звезда пленительного счастья», как брала за душу песня «Кавалергарда век недолог...», как жалко их было, этих лихих и прекрасных «кавалергардов».

А во времена перестроек и демократизаций, когда выплеснулась наружу грязь трагедий XX в., историки, журналисты, публицисты вздыхали над драмой декабристов: эх, ну почему же они не смогли победить? Ведь, наверное, вся наша история пошла бы по другому пути? В России установилась бы просвещенная демократия, страна избежала бы катастрофы 1917 г., развивалась бы и богатела, подобно Америке... И завершались подобные размышления сакраментальной фразой: «Увы, история не имеет сослагательного наклонения».

Но при этом в тени, за пределами внимания исследователей, остается очень важная сторона вопроса. Ведь отнюдь не случайно в дореволюционной России ставились в один ряд «враги внешние и внутренние». И они действительно были взаимосвязаны всегда. Или почти всегда. Тайная война, использование чужих междоусобиц с древнейших времен являлись мощными инструментами международной политики. Еще в эпоху Киевской Руси короли Польши, Венгрии, германский император и другие монархи поддерживали тех или иных кандидатов на русские княжеские столы – разумеется, не из альтруизма, а в расчете на собственные выгоды. Впрочем, и русские князья пользовались теми же методами.

Ну а когда стала формироваться и усиливаться Московская Русь, проявился и фактор противостояния «Восток – Запад». Разумеется, это не означало непрерывной войны, были и продолжительные периоды мира, торговли, дипломатических связей, союзничества, шел вполне нормальный культурный обмен. Но данный фактор был вполне реальным и в тех или иных формах действовал постоянно. Сперва, в течение 300 лет, России пришлось вести борьбу за само свое существование с могущественной соседкой, Речью Посполитой. В ходе этой борьбы широко применялись и тайные методы. Польские короли привечали и переманивали перебежчиков, недовольных Василием II, Иваном III, Василием III, Иваном Грозным. Исподтишка поддерживали оппозицию бояр и удельных князей. Подогревали сепаратистские настроения в Новгороде. Использовали Курбского, Котошихина и им подобных для информационной войны, распространяя клевету о нашей стране. Засылали агентуру для покушений на русских властителей. Устраивались идеологические диверсии вроде внедрения ересей. Стефан Баторий, начиная поход на Русь, впервые выдвинул пропагандистский лозунг ее «освобождения» от царской «тирании». А самой крупной диверсией стала Смута 1604–1614 гг., инициированная путем засылки Лжедмитрия I, а затем Лжедмитрия II [124, 175].

Только при Алексее Михайловиче, в войне 1654–1667 гг., Польшу удалось сломить, она фактически выбыла из числа великих держав и покатила в упадок. Россия стала бесспорным лидером Восточной Европы. Но после этого ее главной соперницей становится Франция – лидер тогдашней Западной Европы. Которая взяла под покровительство и ослабевшую Польшу [183]. Именно Франция на протяжении полутора веков больше всех досаждала России, натравливая на нее ближайших соседей. Франция была союзницей Карла XII, финан-

сировала его в ходе Северной войны. Спровоцировала и спонсировала еще две шведских, четыре турецких, три польских войны. После чего дошло и до прямого столкновения французов с русскими. И все это время опять использовались закулисные подрывные методы.

Карл XII привлек на свою сторону Мазепу и запорожских казаков. В период шведской войны 1741–1743 гг. снова выдвигались лозунги «освобождения» России от «немецкой» династии, а французские дипломаты и шпионы организовали переворот в пользу Елизаветы Петровны – за что от нее требовалось отдать Прибалтику. Хотя Елизавета переиграла противника. Деньги брала, от письменных обязательств уклонялась, а взойдя на престол, продолжила громить шведов. Наполеон, подобно Карлу XII, пробовал сыграть на «казацком сепаратизме», но просчитался. Использовал он и разрушительные идеи либерализма – например, распространяя в странах потенциальных противников пресловутый «наполеоновский кодекс» (который в собственной державе вводить никогда не собирался). Ну а когда Россия сумела сокрушить Францию, противостояние «Восток – Запад» все равно не исчезло. Теперь главной соперницей стала Англия, которая претендовала на мировое господство и являлась в XIX в. величайшей на Земле империей (включая в себя Индию, Канаду, Австралию, Египет и множество других колоний и полуколоний). Причем Англия в борьбе против России взяла под покровительство и Францию...

Но противостояние нашей страны с Западом во все времена оказывалось гораздо глубже, чем обычная конкуренция, например, между французами и испанцами, англичанами и голландцами. Потому что оно было не только политическим, а еще и духовным. Со времени гибели Византии Россия стала мировым центром и оплотом Православия. Что вызвало вражду со стороны западного католицизма. Получалось, что в XV–XVII вв. русские цари воевали не только с Польшей. За ее спиной вставали Рим, Германская империя. Победы поляков пышно праздновались всем католическим миром, он помогал польским королям деньгами, солдатами, дипломатией, агентурой. Строились планы превращения покоренной России во второй «Новый свет», где русским «еретикам» отводилась судьба американских индейцев [175].

С XVI в. католичество начало разрушаться, заразившись нравами эпохи Возрождения – культом роскоши, разврата, излишеств. Для высших слоев европейского общества устои христианской морали становились помехой. Пошла переориентация на философские теории, по сути антихристианские, где приоритет отдавался не вере, а разуму, а христианство низводилось до символического уровня. Разложение охватило и католическую церковь. На папский престол один за другим усаживались взяточники, извращенцы, убийцы. Это вызвало возмущение верующего простонародья. А всевозможные теоретики принялись по своему разумению придумывать «упрощенные» варианты протестантских религий – лютеранство, анабаптизм, кальвинизм. Начались процессы Реформации.

А с другой стороны, рвалась к власти нарождающаяся буржуазия. Финансисты, купцы, промышленники набирали силу под эгидой абсолютизма. Сильные монархии защищали их, покровительствовали, открывали пути для обогащения. Так было и в Голландии, и в Англии, позже и во Франции. Но монархии и церковь ограничивали хищничество. И воротилам хотелось самим «порулить», захватить рычаги управления под собственный неограниченный контроль. Протестантские религии стали идеологическим знаменем «буржуазных революций». Россия, борясь с католическими державами, вступала в контакты с протестантскими, торговала, заключала союзы. Но в духовном плане их конфессии оказывались еще дальше от Православия, чем католицизм, отрицая Св. Таинства, храмы, иконы, священство, церковную организацию и иерархию.

Торгово-финансовая элита всегда была «интернациональной», сращиваясь деловыми связями, выгодными браками. И не удивительно, что в протестантские учения вошли положения, близкие иудаизму. Например, в кальвинизме – теории об «избранности» богатых,

«богоугодности» обогащения. Или теории «общественного договора» между властью и обществом, согласно коим действия властей должны определяться и контролироваться «избранными», иначе власть объявляется тиранической, и свергнуть ее – не только право, но и долг общества. Однако фанатизм радикальных сектантов был слишком разрушительной силой, наделал бед в тех самых странах, где буржуазия инициировала революции. Поэтому от таких сектантов стали избавляться. Кого уничтожили, кого сослали или заставили уехать подальше – в Америку, Южную Африку [183]. А протестантские религии постепенно переводились в русло чисто формальных, требующих от человека только читать Библию, слушать проповеди и заниматься благотворительностью.

Для кругов, желающих продолжить переустройство мира в свою пользу, такие формы христианства уже не подходили ни в качестве идеологии, ни в качестве организующей силы. Новым их инструментом стали масонские ложи. Как бы внерелигиозные, делающие упор на «просвещение» – но в действительности само по себе воинствующее «просвещение» противопоставлялось христианству, традиционным устоям государственности, морали. Масонство сформировало идеологию либерализма, вобравшую ряд более старых теорий, вроде «общественного договора» [182]. Оно привлекало тех, кому христианство, даже урезанное, мешало жить так, как хочется. Привлекало и тех, кто считал масонские связи полезными для бизнеса, карьеры. И просто разрушителей.

В XVIII в. ложи расплодилось в разных странах, и первой их крупной победой стала так называемая «великая» французская революция, уничтожившая короля, аристократию, французскую церковь [124]. Но масонство не было атеистичным. Разрушая христианство, оно обращалось к «мудрости» древних сакральных культов, каббализму, гностицизму. И во время той же революции якобинцы пытались внедрить культ «мирового разума» или некоего «высшего существа», которое отнюдь не было христианским Богом. Скорее, его противоположностью. Впрочем, за кулисами масонства всегда находились и другие «высшие существа», вполне земные олигархи. И если якобинцев в конце концов отправили на гильотины, если после воровства и разгула Директории к власти пришел Бонапарт, то его победу обеспечили не только военные таланты. Обеспечило и то, что он был ставленником Ротшильдов.

В нашей стране деятельность масонских организаций запрещалась трижды – указами Екатерины Великой, Павла I и Александра I [105]. Но указы не выполнялись. И как раз в правление Александра I эти структуры расплодилось в полной мере, чему способствовала сильная космополитизация российской аристократии и дворянства. Роднились с иностранцами, в гувернеры и учителя нанимали иностранцев, в «высшем обществе» самыми престижными считались иезуитские школы и институты. В конце XVIII в. Суворов вдохновлял офицеров и солдат словами: «Вы русские!», а уже в начале XIX в. русские аристократы общались между собой по-французски, их дети не умели по-русски писать, и Ермолов на предложение царя просить себе награду пустил в ход знаменитую шутку: «Государь, произведите меня в немцы!» Верхушка общества при таком отрыве от национальных корней заражалась учениями спиритов, мистиков, а масонство стало повальным увлечением молодежи, модной «игрой».

Но игра была отнюдь не безобидной. В Англии и Франции произошло сращивание крупного капитала и государственной власти, и масонские связи, идеи использовались этими державами во вполне определенных целях международной политики. Когда масон Радищев, душевно нездоровый человек, публиковал свое лживое «Путешествие из Петербурга в Москву», ну неужели он предназначал его отечественной «общественности»? Да весь цвет современной ему «общественности» состоял из помещиков-крепостников! Нет, это, конечно же, была идеологическая диверсия, рассчитанная на резонанс за рубежом. И как раз поэтому Екатерина сочла, что он «бунтовщик опаснее Пугачева». А вот масон Карамзин никогда в бунтовщиках не числился. Но вреда для России натворил куда больше, чем Радищев – иска-

жив историю своей страны. Более того, он обеспечил искаженный фундамент для будущих зарубежных и отечественных историков [101]. Но царь его не осудил, никуда не сослал, а наоборот, обласкал – поскольку и сам уже был заражен «просвещенным» западничеством.

Что ж, в случае победы декабристов история России и впрямь пошла бы по совсем другому пути. Но вовсе не по пути блага и процветания. Страна просто на сотню лет раньше рухнула бы в хаос. И несмотря на то, что «история сослагательного наклонения не имеет», вычислить это совсем не трудно. Ведь незадолго до России Англия и Франция проделали точно такую же штуку с Испанией. Она тоже была сильной и обширной державой, владея Латинской Америкой, Филиппинами, являлась оплотом ортодоксальной католической церкви. Испания, наряду с Россией, была одной из двух стран, которые так и не смог одолеть Наполеон, испанские крестьяне с верой в Бога шли на смерть, но истребляли захватчиков. Заморские провинции населяли разные народы, но администрация, аристократия, интеллигенция состояла из таких же испанцев, как в метрополии. Однако единый народ сумели расколлоть.

В среду офицеров и интеллигентов латиноамериканского происхождения, входивших в масонские организации, были внедрены идеи борьбы за независимость. В Америке вспыхнули революции. Но и масонам в самой Испании была внедрена идея борьбы с монархией. Там тоже началась революция. В результате Испания не смогла подавить восстание в колониях и потеряла их. Надорвалась, ослабла и попала в полную зависимость от Франции и Англии. Латинская же Америка под властью Мадрида была единой, разделяясь лишь на административные единицы – вице-королевства, губернаторства. Теперь жители различных провинций не только отпали от Испании, но и передрались между собой. Ссорились из-за персонального лидерства предводителей, из-за различий в системах управления, законах. Гражданские войны унесли 1,5 млн жизней. И Латинская Америка обрела независимость, но раздробленной, обескровленной, нищей, попав в полную экономическую и политическую зависимость от той же Англии [45].

Разумеется, местные масоны, начиная борьбу за свободу, не ставили целью превратить свои страны в «банановые республики». И испанские масоны, начиная революцию, не желали развалить свою державу. Те и другие искренне верили, что под флагами «свободы, равенства, братства» достигнут прогресса и благоденствия. Но действия тех и других умело направляли через масонские структуры политики и воротилы Лондона и Парижа, которые хорошо знали чего хотят, и что должно получиться в результате разыгранной комбинации. Точно так же и русских аристократов-масонов зажигали «красивыми» идеями, подталкивали к революции, в которой выиграла бы отнюдь не Россия.

Кстати, на самом-то деле ничего красивого и возвышенного в выступлении декабристов не было. Половина заговорщиков, захлеб рассуждавших о конституциях и царевбийствах на ночных попойках, когда дошло до дела, перетрусил и попряталась по домам. Солдат подло обманули – воспользовались тем, что сперва присягали отрекшемуся Константину Александровичу, а присягу Николаю Александровичу объявили незаконной. Бесцельное стояние на Сенатской площади было вызвано не только растерянностью, но и тем, что против царя солдаты и матросы не пошли бы. День был морозным, нижние чины в строю отчаянно мерзли, стояли голодными. Хотя офицерам, понятно, денщики и шубы расстарались доставить, и что-нибудь «для сугреву». Если и было в восстании что-либо героическое, то только смелость генерала Милорадовича, поехавшего уговаривать бунтовщиков и исподтишка застреленного Каховским. И поведение Николая I, решительно возглавившего подавление. Причем как только запахло жареным, большинство офицеров сбежало, бросив подчиненных на произвол судьбы.

Быстрая ликвидация заговора и массовые аресты объяснялись тем, что пойманные декабристы сразу начинали закладывать всех друзей и знакомых. Многих оговорили неви-

новно, потом их отпускали. Наказание по тяжести совершенного преступления – военный бунт, попытка переворота, значительные человеческие жертвы – никак нельзя назвать чрезмерно суровым. Казнили всего пятерых, главных зачинщиков. Нижних чинов и часть офицеров, вовлеченных в мятеж, даже не исключили из гвардии. Из них составили лейб-гвардии Сводный полк и отправили на Кавказ, искупать вину в боях. Тех, кто очутился «во глубине сибирских руд», непосильной работой не замучивали, в рудниках они трудились по 3 часа в день [148]. А большинство осужденных попало в ссылки. Или со временем переводились с каторги на поселение. Могли получать землю, трудиться – если было желание. Если не было, могли прожить и на пособие от казны. Некоторые, как братья Бестужевы, стали богатыми сибирскими предпринимателями. Другие писали прошения, чтобы их взяли служить солдатами. Но служили, конечно, не в таких условиях, как обычные рядовые. Офицеры из чувства симпатий, по прежним знакомствам, предоставляли поблажки. И давали возможность отличиться, чтобы можно было произвести в прапорщики. После чего декабрист получал право выйти в отставку и ехал домой.

Но даже провал революции принес антироссийским силам огромную пользу. Заработал пропагандистский аппарат, создавая красивый миф о декабристах, окружая их блеском романтики и ореолом мучеников. На этом мифе стали воспитываться новые поколения. И вылепленные яркие суррогаты оказались такими стойкими, что их хватило даже на нашу с вами долю.

Запад исподтишка продолжал сеять в России семена разрушительных идей и поддерживать то, что выросло из них. Революционеры всех мастей получали за рубежом политическое убежище. В Париже угнездились многочисленные колонии польских сепаратистов. В Лондоне очень удобно устроился Герцен. Получал из неизвестных источников вполне достаточные средства, чтобы не испытывать материальной нужды, безбедно жить, издавать и пересылать на родину «Колокол». Но все оппозиционные движения, «модные» интеллектуальные веяния оказывались четко связаны с политикой западных держав. Англичане финансировали кавказских горцев, посылали корабли с полными трюмами оружия – только из-за этого тяжелая кавказская война затянулась более чем на полвека. И в то же самое время российская «прогрессивная общественность» поливала грязью наши кавказские войска, защищавшие мирное население от горских набегов. Раздуваемые в светских салонах вопли возмущения приводили к снятию со своих постов Ермолова, Власова, Вельяминова и других лучших военачальников, что, в свою очередь, тоже мешало завершить войну [180].

Ну а Франция раз за разом инициировала восстания поляков – и горячие симпатии к ним изливала не только европейская пресса. Те же настроения внедрялись и в российские «передовые» круги. Когда в 1831 г. вспыхнул очередной мятеж с резней русских, а Пушкин осмелился ответить на западные идеологические атаки стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», отечественная «общественность» обрушилась на него с негодованием и презрением. Надо ж, какой дурной тон – до патриотизма докатился! Аналогичная картина была во время восстания 1863 г. «Диктатор» Мерославский руководил им из Парижа, во Франции открыто вербовали добровольцев в ряды мятежников, в Польшу из-за границы хлынули транспорты бельгийских винтовок. Инсургенты тысячами истребляли русских, замучивали пытками пленных, а Герцен захлебывался истерическими статьями, писал в «Колоколе»: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!» – и призывал Запад к объединенному крестовому походу против своего Отечества [180]. Что ж, денежки нужно отрабатывать...

Конечно, российская власть пыталась противостоять разрушительным влияниям. После восстания декабристов энергичный Николай I провел колоссальную работу по оздоровлению страны – за что его и облили клеветой последующие «прогрессивные» историки. Результаты были обнадеживающие. Укрепилось не только внутреннее состояние России,

наша страна стала мощным стабилизирующим фактором для всего мирового сообщества. В 1848 г. революционный пожар охватил Францию, Италию, Австро-Венгрию, Германию. Спас Европу от гибельного хаоса русский царь. По слезным мольбам австрийского императора Франца-Иосифа он двинул в Венгрию войска, за месяц разгромившие бунтовщиков. В Германии революционеры перепугались, что и к ним нагрянут «казаки», и прусский король при поддержке русской дипломатии сумел взять ситуацию под контроль. А Австрия, высвободив силы из Венгрии, смогла подавить революцию в Италии.

Но эти же события показали мировым закулисным силам, что Россия является главным препятствием для их планов. И всего через 5 лет после революционной бури против нашей страны выступил тайно сколоченный военный блок Англии, Франции, Турции, Сардинии (Сев. Италия), к нему готова была примкнуть и спасенная царем Австро-Венгрия. Планы вынашивались грандиознейшие. Разгромив русских, восстановить независимую Польшу (и отдать ей Украину, Белоруссию, Литву). Отчленив в пользу Турции Закавказье, Крым. На Северном Кавказе создать «халифат» Шамиля, включив в него Кубань, Ставрополье, Терек [45]... Врагов горячо поддерживали революционные круги. Маркс и Энгельс объявили Россию главным противником европейского социализма. И Энгельс доказывал, что даже султанская Турция в войне против русских заслуживает всемерной поддержки, так как «субъективно реакционная сила может во внешней политике выполнять объективно революционную миссию».

Однако внутри нашей страны предательство еще не нашло опоры. А сама Россия оставалась могучей державой. Сражаясь против почти всей Европы, она войну отнюдь не проиграла! Ценой огромных жертв неприятелям удалось захватить даже не Крым, даже не Севастополь, а всего лишь часть его, Южную сторону. На кавказском фронте русские одержали победы, овладели Карсом и еще рядом городов. На Балтике, Белом море, Камчатке атаки врагов были отбиты, в заливе Кастри адмирал Завойко разгромил британскую эскадру... Нет, Россия проиграла не сражения. Но она, очутившись в международной изоляции, проиграла дипломатическую войну. И информационную. Зарубежной публике и нашей верхушке общества массированная западная пропаганда *внушила*, что Россия «отсталая», и что с оставлением Южной стороны Севастополя война проиграна. Правда, и о прежних планах расчленения «победителям» пришлось забыть. Удовлетвориться тем, что Россия признала себя проигравшей и согласилась на ряд уступок.

Повлияла и смерть Николая I. А в то время, когда он силился упрочить государственность, либералы-масоны постарались прибрать под свое влияние наследника престола, Александра Николаевича. И после войны подтолкнули его к радикальным реформам по преодолению мнимой «отсталости». Преобразования отнюдь не ограничились освобождением крестьян – которое, кстати, было подготовлено многочисленными предварительными мерами еще в царствование Николая I и предполагалось осуществить более гибко, чтобы избежать случившихся перекосов и потрясений. Военная реформа в том виде, в котором ее взялся осуществлять масон Милютин, чуть вообще не развалила армию. Покатились судебная, земская, просветительская реформы, сопровождавшиеся разгулом хищничества и «приватизаций». Обратите внимание и на продажу Аляски – это была самая «первая ласточка» добровольной отдачи своих территорий. Все последующие российские «реформаторы» будут делать то же самое. Произошли первые попытки «расказачивания», прокатилась волна фактических гонений на Церковь с урезанием и ужиманием ее прав, отторжением под разными предлогами собственности, повсеместным закрытием церковноприходских школ.

А провозглашенные в стране «устьность» и «гласность» открыли зеленую улицу для распространения опасных идей. Впрочем, первое после декабристов массовое движение, народников, оказалось совершенно нежизнеспособным. Космополитизированные дворяне и интеллигенты, нахватавшиеся революционных теорий, чувствовали себя как дома во Фран-

ции и Германии – но совершенно не знали России, были для нее «чужими». И когда они «пошли в народ», дабы «будить» его на борьбу, крестьяне без долгих слов вязали их и сдавали в полицию. И тогда были взяты на вооружение методы террора...

Александр II, озабоченный революционной раскачкой, пробовал нормализовать ситуацию. Но сделать ничего не смог. Первые же неуверенные шаги по стабилизации вызвали вопли «общественности» о «реакции», о «возврате всех ужасов николаевщины». И царь снова пошел на поводу у своего либерального окружения. Министром внутренних дел и председателем Верховной комиссии по борьбе с терроризмом был назначен один из главных «реформаторов» масон М. Т. Лорис-Меликов. Но «борьбу» он развернул весьма странно – упразднил Охранное отделение (тайную полицию), амнистировал политзаключенных, вернул в университеты исключенных неблагонадежных студентов... Результаты сказались быстро. 1 марта 1882 г. Александр II был убит террористами-народовольцами.

Восшедший на престол Александр III резко развернул руль государства, накренившегося в революцию. Манифест по введению либеральной конституции, уже подготовленный «реформаторами», он похерил, самих их отправил в отставки. И государственными делами взялся заниматься лично, а главным советником царя стал обер-прокурор Синода Победоносцев. Революционеры были раздавлены, права распоясавшейся «общественности» урезаны. Снова, как и при Николае I, опора делалась на устои Православия, самодержавия, народности. Но в 1894 г. Александр III умер. Власть перешла к его сыну Николаю Александровичу. Не обладавшему волевыми качествами отца, человеку мягкому, ранимому, склонному к сомнениям и компромиссам. И на Россию началась очередная атака...

2. Кто становился революционерами

Катился к закату XIX век. Впереди лежал XX, который виделся многим веком всеобщего благополучия и процветания. Ведь ему предстояло быть «веком разума». И казалось, что такие прогнозы вполне реальны. Человеческий разум преобразовывал мир буквально на глазах. Воплощались в жизнь самые смелые фантазии Жюль Верна. На смену пару шло электричество. Тарахтели первые подобия автомашин. Люди начинали проникать в глубины морей, подниматься в воздух. Конечно же, недалек был и день полета из пушки на Луну – почему бы и нет, пушки-то изготавливались все крупнее и все совершеннее. Правда, молодой и наивный русский царь Николай II предлагал созвать конференцию по всемирному разоружению. Однако это, ясное дело, было лишь признаком русской глупости и отсталости. Ну да человеческий разум и без таких инициатив должен был сделать жизнь мирной и безопасной. Разве просвещенные, высокообразованные политики разных стран не сумеют договориться и разрешить любые противоречия? Разум преобразует мир. Внедрит совершенные государственные устройства. Покорит природу. Сумеет накормить и благоустроить все человечество. И это будет разумно. Никаких причин для конфликтов вообще не останется.

Мир менялся. Отважные и благородные жюльверновские путешественники проникали в неизведанные страны. На карте Земли исчезали последние «белые пятна». И окрашивались в цвета Англии, Франции, Германии. И это тоже было разумно. Европейцы более ученые и просвещенные – значит, они должны руководить африканцами и азиатами, учить их цивилизации. Учить не совсем бесплатно? Но кто из учителей работает бесплатно? Это же мелочи по сравнению с благами просвещения, которые получают взамен ученики.

Мир менялся. Появлялись все новые предметы обихода, удобства, технические устройства. Ученые то и дело совершали великие открытия, инженеры внедряли остроумные изобретения. В разных областях наук проявлялись все новые гениальные мыслители – Дарвин, Эйнштейн, Маркс, Фрейд, опрокидывая фундаменты прежних теорий и раскрывая перед человечеством новые перспективы. Огюст Ренан переписывал Евангелия и Деяния Апостолов, разъясняя изложенные в них события с рациональной точки зрения. И это было разумно. Разве солидно для просвещенного человека верить в чудеса? Книжки Ренана пропагандировались, становились бестселлерами, переводились на разные языки.

Мир менялся. Звучали новые мелодии. Бурлили свежие литературные и поэтические традиции. Художники экспериментировали с абстракцией – зачем копировать то, что может быть передано фотоснимком? А в парижских театрах смело и чувственно сверкали тела полуголых танцовщиц. И это также было разумно. Почему не получать удовольствие от зрелища, которое и впрямь доставляет удовольствие? Правда, на германских таможнях строгие чиновники отбирали французские фотографии и картинки не только обнаженных девиц, а даже с чуть задранной юбкой. Но в Германии было много другого разумного. Лучшие врачи, аккуратнейшие инженеры и техники, всезнающие профессора, философия Шопенгауэра, Шпенглера, Ницше...

Какой же подходила Россия к рубежу столетий? Ну, байки об отсталости и забитости мы сразу отбросим. Они рождались и распространялись в ходе тех же самых информационных войн, которые велись нашими противниками и с Запада, вместе с другими «прогрессивными» идеями, внедрялись в российское общественное сознание. Вот и сложился устойчивый исторический «штамп». Хотя судите сами, разве могла бы «отсталая» страна не проиграть в течение 300 лет ни одной войны? Если в середине XIX в., в эпоху Николая I, действительно наблюдалось некоторое научно-техническое и промышленное опережение Англии и Франции, то объяснялось оно отнюдь не более «прогрессивным» общественно-политическим устройством, а куда более прозаическим фактором – ограблением

колоний [177]. Да и это опережение не было значительным. Как раз во времена Николая I в России стали строиться железные дороги, появились первые пароходы – в то же время, и как за рубежом. Более низкие темпы индустриализации позволяли нашей стране избегать перекосов и бедствий, характерных для Запада: кризисов, безработицы, возникновения городских трущоб, морального разложения, развитой преступности. Наконец, в царствование Николая I создавался подготовительный задел и шло накопление ресурсов для последующего рывка.

Старт ему дали реформы Александра II. И был он чрезвычайно бурным. Средние ежегодные темпы экономического роста составляли 5–8 %. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10–12 раз, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Так, химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – почти в 700 раз, нефти – почти в 1500 раз. Вся огромная страна покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, нефтепромыслы Баку и Грозного. К рубежу XIX–XX вв. Россия создала крупнейшую и лучшую в мире нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность. 94 % нефти перерабатывалось внутри страны, продукция славилась своим качеством и дешевизной. Быстро развивалось машиностроение. 63 % промышленного оборудования изготовлялось на отечественных предприятиях. Строились такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, разрастались и модернизировались заводы тульские и уральские. Сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмоскowie, Иваново, Лодзи и т. п. Текстильная продукция полностью обеспечивала саму Россию, лидировала в Европе, экспорт ее в Китай и Иран превышал британский [105, 145, 178].

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали. В нашей стране насчитывалось 21 млн. лошадей (всего в мире – 75 млн.). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. Она прочно удерживала первое место в мире по производству и экспорту зерна, одно из ведущих мест по выпуску сахара. И вообще на мировом рынке продовольствия являлась абсолютным лидером. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Достигнутые показатели экономического развития были отнюдь не предельными. Новые перспективы сулило строительство Транссибирской магистрали, начавшееся в 1891 г. Оно открывало широкий доступ к освоению неисчерпаемых природных богатств Сибири и Дальнего Востока, к дальнейшему заселению этих регионов, выводило Россию к незамерзающим тихоокеанским портам.

По темпам роста промышленной продукции и роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив США – которые также переживали период бурного подъема. По объему производства наша страна занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, вот эти цифры являются пропагандистской подтасовкой. Потому что в системы экономики западных держав были включены и их колонии (или, как у США, сырьевые придатки). За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний и придатков, конечно же, в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, Южной Африки и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

В трудах зарубежных исследователей есть еще одна подтасовка, позже попавшая в работы историков. Об уровне образования и грамотности. Для западных держав эти показатели тоже не учитывали жителей колоний. А для России принималось в расчет все население, включая Среднюю Азию, Кавказ, степные и сибирские племена. Допускалась и другая подтасовка. Когда западные статистики оценивали уровень грамотности в России в 30 %, они оперировали количеством выпускников гимназий, реальных и кадетских училищ, земских

школ. Но не учитывали церковные. А при Александре III Церковь стала получать значительные государственные дотации на образовательные цели, возрождались церковно-приходские школы, их число сравнивалось со светскими. В приходах создавались церковные библиотеки. По ведомству Святейшего Синода стали организовываться и «школы грамоты», где преподавали православные учителя-миряне. И как раз церковные школы заканчивали почти все деревенские мальчики и девочки, обучаясь там читать, писать, считать.

Наша страна была могущественной, динамичной, а народ здоровым и весьма энергичным. Население России к началу XX в. достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было не чем-то экстраординарным, а обычным делом. А уж многодетными считали таких, кто произвел на свет 12–14 ребятишек. Правда, и смертность в раннем возрасте была высокой. Но большое количество детей сглаживало потери, православная вера помогала переносить их. И, согласитесь, это не одно и то же – иметь 6 детей, из которых выживут 4, зато самые сильные и здоровые. Или иметь 1 ребенка, оберегая его от сквозняков, усилий, тяжелой работы и превращая в иждивенца. (Кстати, и сам факт, что детская смертность была выше, чем сейчас – подтасовка. Нынешние цифры смертности не учитывают аборты). По прогнозам Менделеева, население нашей страны во второй половине XX в. должно было достичь 600 млн. [105].

Однако стремительный экономический прогресс имел не только положительные стороны. Точно так же, как прежде это было в западных государствах, набирали вес крупные предприниматели и финансисты. Жирели и усиливались под эгидой самодержавия, на правительственных заказах, пользуясь стабильностью и порядком, которые поддерживал царь. А дальше, аналогично воротилам Запада, у них возникало желание самим дорваться до власти. Избавиться от тормоза и контроля, мешающего грести все, что плохо лежит. И наоборот, переустроить государство так, чтобы служило в первую очередь их интересам. В результате банкиры и промышленники превращались в фундамент оппозиции царской власти. Но в России эти процессы имели и свою специфику. Отечественные тузы слепо перенимали западные теории либерализма, видели естественных союзников в зарубежных коллегах и политиках. Хотя иностранные деловые и политические круги являлись врагами не только русской монархии, а России как таковой. Она же была их главным конкурентом!

Еще одним побочным явлением резкого промышленного подъема стал быстрый рост числа рабочих. Людей, оторвавшихся от крестьянской общины, привычного уклада, традиций и далеко не сразу входивших в новую для себя колею. Кстати, средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй по величине в мире (после США). Но это средняя. Были квалифицированные мастеровые, получавшие высокие оклады. А были и чернорабочие. И очень умножилось число люмпенов – тех, кто вышел из прежней, крестьянской среды, но не сумел полноценно войти в рабочую. Жили одним днем, пропивая случайные заработки. Скатывались в преступный мир. И становились благодатной почвой для смутьянов, агитаторов, подстрекателей. Если не для качества, то для количества.

И густые побочные плевелы давала система образования. Она ведь еще с начала XIX в. целенаправленно отравлялась ядом западничества. Несколько раз власть пробовала навести порядок в этой области, усиливала контроль – при Николае I, Александре III. Но даже и в такие периоды основа образовательных программ оставалась западной. А при послаблениях осуществлялись очередные вбросы чужеродных идей. В результате само понятие «просвещенности» стало отождествляться с либерализмом. А прослыть «ретроградом» и «мракобесом», конечно, не хотелось никому. Студенты вместе с естественными и гуманитарными науками перенимали «европейские» стереотипы мышления. Получали стойкие убеждения о неполноценности собственного государства и необходимости его переделок по

западным образцам. А когда становились преподавателями, несли подобное «просвещение» собственным ученикам.

Россия цвела и богатела, но все это воспринималось как нечто ненастоящее, душное, «реакционное». И интеллектуалы рвались в Европу. Люди-то были не бедные, рубль за рубежом котировался высоко. Ехали во Францию – «подышать воздухом свободы», повосхищаться (ну и «оттянуться»). Ехали в Германию полечиться в здешних клиниках, дополнить образование в здешних университетах. Заодно старались почерпнуть социалистических теорий, порыться в заграничных книжных развалах с запрещенной в России порнографической и политической литературой. Ехали и в Швейцарию, где расположился крупный центр российской политической эмиграции «Освобождение труда» во главе с Плехановым. Стремись увидеть кумира, послушать его. Это было так же свежо, остро, пикантно, как поглазеть на парижских раздетых танцовщиц. Этим можно было похвастать на родине, повысить свой рейтинг среди знакомых.

Впрочем, сами-то рабочие и крестьяне, чей труд жаждали «освободить» революционеры, оставались к их идеям мало восприимчивы. И в 1890-х гг. пропагандисты снова «пошла в народ», мутить и раскачивать его. Но теперь действовали умнее. Агитацию вели не среди крестьян, а среди рабочих. И опять же, через систему образования. Начали создаваться всевозможные «рабочие кружки», воскресные и вечерние школы. Возникали они с ведома директоров заводов, поощрялись ими. Выделялись и оплачивались помещения. В организации участвовали инженеры, представители администрации, а то и сами хозяева. Многие из них сочувствовали революционерам, другие просто считали образование рабочих полезным. А учителями становились студенты, выпускницы женских курсов и институтов, многие из которых уже были вовлечены в революционные организации. Словом, в 1860-х народник приходил в деревню никому не известный, был «белой вороной», заведомо вызывая настороженность своим неординарным поведением – а в 1890-х рабочих созывали к агитатору. Свое же заводское начальство представляло его как человека, у которого есть чему поучиться.

И «учителя» с «учительницами» старались. Давали уроки русского языка, арифметики, литературы, вплетая в них пропаганду атеизма, социализма, ненависти. Как вспоминает Н. К. Крупская, «говорить в школе можно было, в сущности, обо всем... надо было только не употреблять страшных слов «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов» [86]. Эффективность, естественно, была невысока. Ведь рабочие приходили в школы и на курсы вовсе не для того, чтобы включиться в «борьбу с самодержавием», а всего лишь из желания повысить свой уровень, прибавить знаний, это могло пригодиться и в будничной жизни, и для карьеры.

Но кое-что «учителям» удавалось. Они имели легальный доступ к рабочей массе, изучали ее, намечали подходящие кандидатуры и обрабатывали дополнительно. Или пропаганда действовала на людей, уже имевших определенную слабину. Услышит, например, подобный работяга от «просвещенных» наставников, что «бога нет» – и ему это нравится из практических соображений. Значит, можно со спокойной совестью напиться в страстную пятницу, бросить жену, украсть. Такие тоже были нужны революционерам. Пригодятся. А кому-то из лихих парней западала мысль получить в объятия «благородную» учительницу. Что ж, и этот метод для привлечения к революции тоже применялся. Некоторые преподавательницы не отказывали. Сексуальные связи вписывались в рамки «свобод», помогали «сближению с рабочим классом». Ну а соблазненный становился «рыцарем» не только своей дамы, но и ее идей.

Из кого и какими путями формировались ряды профессиональных революционеров? Разумеется, в рамках одной книги было бы невозможно, да и не нужно пересказывать многочисленные биографии. Рассмотрим жизненный путь хотя бы некоторых. Допустим, самая

известная фигура, Владимир Ильич Ульянов. Определяющее влияние на него оказала мать, Мария Александровна Ульянова (урожденная Бланк). Она происходила из семьи шведских евреев – по этой причине, судя по всему, у нее выработалась стойкая неприязнь к России, ее порядкам и традициям. Отец рано умер, хотя после него семья получила приличную пенсию. Воспитанием детей занималась мать. Всех она сумела сделать яркими атеистами. Все, кроме безвременно умершей Ольги, стали активными революционерами – Александр, Владимир, Мария, Анна, Дмитрий. Мать настолько была убеждена в правильности своей линии, что даже казнь старшего сына восприняла стойко и сдержанно. Ленин вспоминал: «У нее громадная сила воли, если бы с братом это случилось, когда отец был жив, не знаю, что и было бы»[86]. Она и дальше оставалась внепартийным, но упорным бойцом. Ходила на свидания в тюрьмы то к одному, то к другому из своих чад, носила передачи, совещалась с адвокатами.

Владимир Ильич был озлоблен казнью любимого брата. И очень оскорблен тем, что симбирское общество отвернулось от родственников несостоявшегося цареубийцы. Но в царской России семья преступника преследованиям не подвергалась. Она продолжала получать пенсию, все дети поступили в высшие учебные заведения. А если Владимира исключили из Казанского университета, то вовсе не в напоминание о преступлении Александра, а за то, что сам пошел по его стопам, участвуя в студенческой сходке. Впрочем, никто не помешал завершить образование экстерном и стать юристом. Кстати, очень многие оппозиционеры стремились получить именно юридическое образование, профессия адвоката считалась самой «революционной». В 1893 г. Ульянов перебрался в столицу, включился в работу марксистских кружков. Это было можно, вполне легально, даже в «реакционные» времена Александра III изучение марксизма и других левых теорий не возбранялось. Наказывались только конкретные уголовные преступления – терроризм, организация беспорядков, создание тайных антиправительственных организаций и пр.

В Петербурге Ульянов стал преподавать в рабочих школах. Познакомился и близко сошелся с еще одной молоденькой и миловидной (в то время) преподавательницей, Надеждой Константиновной Крупской. Ее нацелила на путь революции тоже мать, Елизавета Васильевна (урожденная Фишман, отсюда и партийная кличка Крупской – Рыбка). Она, как и мать Ульянова, рано овдовела. Воспитывала единственную дочь, ставшую атеисткой и социалисткой, и целиком связала себя с деятельностью Нади, всюду сопровождала ее. В петербургской социал-демократической организации собрались многие видные фигуры будущих революций. Инженеры Красин и Классон – участвовавшие в создании рабочих школ, Мартов (Цедербаум), Смидович, Потресов. Существовали и другие группы социалистов – «обезьяны», «петухи».

Но все эти структуры были малочисленными. И, если уж разобраться, занимались сущей чепухой. Писались брошюры – размножавшиеся перепиской друг у друга. Крупская вспоминала, что долгое время изучали по рукописному переводу книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». А Ульянов проходил в школе с рабочими «Капитал» Маркса, зачитывая и объясняя его. Насколько результативной могла быть такая работа, вы можете оценить сами: попробуйте открыть «Капитал», почитать. И посмотрите, на сколько страниц вас хватит. Энергичный Ульянов пытался развивать и конспиративную деятельность. Разрабатывал «связи», вводил «заместителей» на случай арестов, шифры. Но связи и заместители оставались пустой игрой, потому что в узком кругу все друг друга знали. А когда экспериментировали с шифровками, не могли их расшифровать. Вероятно, Ульянов осознавал, что подобная деятельность никуда не годится. И летом 1895 г. отправился за границу.

Посетил Германию и Швейцарию. С кем он встречался в Берлине, остается тайной. А в Швейцарии познакомился с Плехановым и его соратниками – Аксельродом, Засулич. Получил какие-то уроки, чемодан с двойным дном, набитый литературой, и окрыленный

вернулся в Россию, собрался издавать газету «Рабочее дело». Однако и российское Охранное отделение хорошо работало. В окружении Плеханова оно имело своих агентов. И, уж конечно, визит брата казненного террориста не мог остаться незамеченным. В Питере его с литературой почти сразу и взяли. Хотя преступление казалось несерьезным, законы были мягкими. Отделался ссылкой в Шушенское. Ну а столичная социал-демократическая организация сумела организовать единственную стачку текстильщиков – в 1896 г. И еще часть революционеров посадили. В 1898 г. в Петроградской организации осталось... 4 человека. В это время в Минске решили провести I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В домик на городской окраине съехалось 9 делегатов – от таких же «организаций», как столичная. Половина – из Бунда. Приняли «манифест». А потом всех и арестовали. И делегатов, и тех, кто их посылал. Всю социал-демократическую сеть в стране ликвидировали быстро и без проблем.

Правда, при этом она никуда не делась. Революционеров, опять же, отправили по ссылкам, то бишь просто переместили несколько восточнее. Например, Крупскую сослали в Уфу. Но она предпочла поехать к любовнику в Шушенское. Для чего объявила себя невестой Ульянова. Могли бы и официальный брак заключить, революционеры в тюрьмах женились сплошь и рядом. Но браки в России были только церковными, Ульянов и Крупская значились по документам «православными», пришлось бы венчаться. А насчет религиозных обрядов, даже пусть для видимости, оба проявили абсолютную принципиальность. Ну ничего, сошло и «невестой». Высказала желание – и покатила вместе со своей матерью.

Некоторые приходили в революцию иными путями – скажем, Александра Коллонтай.

В современных книгах и передачах ее почему-то рисуют эдакой роковой красавицей, женщиной-«вампом», романтической «рабой любви». Ничего сходного с действительным этот образ не имеет. Вся ее «роковая» сущность заключалась только в том, что она была «иудой в женском обличье». На своем пути она умудрилась предать абсолютно всех, кто с ней был связан! Она родилась в богатой аристократической семье. Отец – генерал и дипломат Михаил Довмонтович, автор либеральной конституции для Болгарии, любимец военного министра масона Милютина. Жили на широкую ногу, только многочисленной прислуге платили 3–5 тыс. руб. в месяц. За обеденный стол вместе с приглашенными редко садилось меньше 15 человек. И на Александру заметное влияние оказала мать. Но не такое, как на Ульянова и Крупскую. Полуфранцуженка-полуфинка, она славилась скандальным поведением. И дети росли «свободными». Сестра Александры Евгения избрала путь, позорный для высшего света, стала актрисой итальянского театра.

И Александра старалась не отставать. С детства она испытывала повышенный интерес к сексуальным вопросам, за деньги и подарки соблазняла мальчиков из прислуги. Потом научилась крутить мозги молодым людям своего круга. Один из них, Иван Драгомиров, глупый сын прославленного генерала, из-за этого застрелился, что чрезвычайно подняло Александру в собственных глазах. В 21 год вышла замуж за инженера Владимира Коллонтая, родила сына. Жила безбедно, все работы по дому и уход за ребенком вывозила прислуга. Но Александре это быстро наскучило. Стала беситься с жиру. Шлялась по обществам естествоиспытателей, благотворителей, рабочим школам, где познакомилась со Стасовой, притащившей ее в социал-демократический кружок. Написала рассказ, не опубликовали – обиделась, закатила истерику и зареклась писать. Наставляла мужу рога с его другом. Супруг знал об этом, но настолько любил жену, что мирился с ее увлечениями. Так и жили «втроем».

Нет, Александре и этого показалось мало, она сочла семейную жизнь «закрепощением». И в 1898 г. рванула за границу «учиться социализму». Не удосужившись не то что распрощаться с мужем, а хотя бы оставить ему записку. Написала лишь с пограничной станции Вержболово. Эгоизм зашкаливал уже до такой степени, что она даже в этой ситуации жалела... только себя! Писала подруге: «Пусть мое сердце разорвется от горя из-за того, что

я потеряю любовь Коллонтай, но ведь у меня есть другие задачи в жизни, важнее семейного счастья» [72]. А о том, какое потрясение испытали муж и четырехлетний сын, когда она вдруг исчезла без следа, ей попросту в голову не приходило. Она об этом даже не задумывалась. За границей, впрочем, не бедствовала, отец ее успел разориться, но высылал немалое по тем временам содержание, по 200 руб. в месяц. Вот и колесила то в Швейцарию, то в Англию. В Женеве познакомилась с Плехановым и с ходу окрутила его, сделала своим любовником. Из спортивного интереса – это же не каждой дано, заполучить в постель лидера российской социал-демократии! Как видим, и сама подобная социал-демократия особой опасности для России не представляла и не могла представлять. Если бы...

3. А что такое – «интернационал»?

«Молодой человек, на что вы рассчитываете, ведь перед вами стена!» «Стена – да гнилая, ткни – она и развалится». Так, вроде бы, ответил Владимир Ульянов жандарму при первом своем аресте. Эта история была хрестоматийной в советских учебниках. Мы не знаем, действительно ли она имела место, ведь про Владимира Ильича очень многое напридумывали. Хотя может быть, подобный диалог и впрямь состоялся. Но если так, то молодой Ульянов погорячился. Стена была еще вовсе не трухлявой, а мощной и монументальной. И как раз поэтому она слишком многим мешала. Не слабость России, а ее сила вызывали вражду к ней.

В дополнение к прежним противникам появлялись новые. В 1860–1870-х гг. Пруссия объединила вокруг себя германские государства и возникла империя Гогенцоллернов. Возникла под гром пушек, разгромив датчан, австрийцев, французов. Рождению Германской империи немало помогла Россия, видя в ней противовес Франции и Англии. Но Германия стала весьма агрессивной державой. Огромные репарации, полученные от Франции, помогли создать мощную промышленную базу. Милитаризация обеспечивала дисциплину и единение общества, предотвращала социальные конфликты. Иллюзии непобедимости кружили головы, рождались претензии на европейское и мировое господство.

А главным препятствием для таких проектов была Россия. Уже с 1871 г. германский генштаб разрабатывал планы войны с русскими. Был заключен блок с Австро-Венгрией, потом в германскую орбиту начала втягиваться Турция. Предотвратить общеевропейскую войну удалось лишь заключением союза между Россией и Францией. Однако и прежние противоречия, русско-английские и русско-французские, никуда не делись. Альянс оставался очень ненадежным. Например, в 1878 г., стоило лишь России разгромить Турцию, против нее снова выступил единый фронт западных держав: Англия, Австро-Венгрия, Германия (которой русские только что помогли объединиться) и Франция (которую русские только что спасли от немцев, желавших добить ее) [45].

К началу XX в. на арену соперничества за мировую гегемонию начала выходить еще одна держава – США. Быстро усиливалась и Япония. И очередная волна неприязни к нашей стране стала нарастать в связи с усилением России, национальной политикой Александра III. Роль катализатора этих процессов сыграло строительство Транссибирской магистрали. Во-первых, оно сулило России новый рывок развития и процветания. Во-вторых, встревожились англичане, считавшие себя хозяевами в Китае и монополизировавшие морские перевозки между Восточной Азией и Европой – Транссибирская магистраль перечеркивала эту монополию, по ней перевозка грузов пошла бы втрое быстрее и втрое дешевле. В-третьих, очень озаботились банковские и промышленные круги Америки – Россия становилась для них опасным конкурентом. Разумеется, озаботились и японцы.

Причем надо отметить, что к концу XIX – началу XX вв. уже сложился своеобразный «финансовый интернационал». Крупные банкиры в разных странах переплетались родственными узами, деловыми связями, компаньонством в тех или иных фирмах. Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии делами ворочали различные ветви клана Ротшильдов. Они были связаны с британскими Мильнерами, германскими Варбургами. Варбурги были в родстве с российскими банкирами Гинзбургами и т. д. И различные звенья «финансового интернационала» имели огромное влияние на правительства своих стран. В то время на Западе подобные взаимоотношения даже не скрывались. Банкиры и крупные промышленники имели прямые выходы на министров и глав государств. Часто они нуждались в правительственной поддержке против иностранных конкурентов и получали ее. Государство помогало обеспечить их выгодными заказами, рынками сбыта. Например, дополняя воен-

ный союз с другой державой торговыми договорами – о закупках союзницей товаров у тех или иных фирм.

Но и само государство проводило свою политику с помощью банкиров. Привлекало их вложения для производства оружия, строительства флотов, крепостей, важных отраслей промышленности и транспорта. Или для предоставления займов «нужным» союзникам. При этом банкиры задействовали средства частных граждан – выпускали и продавали с выгодой для себя облигации займов. А чтобы облигации стали привлекательными и росли в цене, банки через подконтрольную им прессу подправляли «общественное мнение». В результате граждане, купившие ценные бумаги, начинали симпатизировать стране, которой предоставлен заем, считать ее другом своей родины, желать успехов. Ведь от тех же успехов зависел и курс приобретенных облигаций. Таким образом, само «общественное мнение» оказывалось зависимым от стратегии и выгод банковских кругов.

Однако «финансовый интернационал», как бы парадоксально это ни звучало, был тесно связан и с социалистическим. Банкиры считали полезным поддерживать социалистические партии. Видели в их программах выгодные для себя стороны. Могли через партийных лидеров оказывать давление на правительства, регулировать рабочее движение, нацеливая его в нужное для себя русло. Опять же через социалистов было удобно манипулировать «общественным мнением». Ну а партии и их лидеры нуждались в деньгах для своих изданий, аренды помещений, выборных кампаний. Потребность получалась взаимовыгодной. Хотя связи между социалистическими и банковскими структурами оставались скрытыми – рабочая масса такого альянса могла «не понять». Связующими звеньями между теми и другими структурами являлись масонские ложи.

Получая подпитку из «закулисы», II (социалистический) Интернационал являлся отнюдь не слабой и не формальной организацией. Германские, австрийские, французские, английские социалистические круги занимали весомое место в парламентах своих держав, оказывали влияние на международную политику, сотрудничали между собой. Но Интернационал обладал еще одним ценнейшим качеством. С ним были связаны российские революционеры. Стало быть, через него можно было оказывать воздействие на обстановку внутри России! Причем в поддержке русских революционеров смыкались как иностранные социалисты, так и различные «общественные», благотворительные организации, за которыми стоял крупный капитал. Так, в США видные бизнесмены Дж. Кеннан, С. Клеманс, У.-Л. Гаррисон и др. создали в конце XIX в. организацию «Друзья русской свободы», ставившую целью оказание помощи «жертвам царизма» [139]. Подобные «общественные» структуры возникали в Голландии, Англии.

Стоит ли удивляться, что российские социалисты всегда могли неплохо устроиться за границей? Заметьте, никому из них, в отличие от будущих белоэмигрантов, не приходилось страдать без крыши над головой, ютиться по трущобам, подыхать от голода, зарабатывать на кусок хлеба грузчиками или проститутками. Все получали какие-нибудь дотации, подработки – не жирные (чего ж дармоедов баловать?), но достаточные для существования (когда-нибудь пригодятся). Многие русские эмигранты «по совместительству» вступали в социал-демократические партии других государств. Так, Александра Коллонтай стала членом социал-демократической партии Германии. Это давало заработок партийного функционера, гонорары за публикации в газетах. И позволяло раскатывать по разным странам на сборища феминисток, суфражисток, конгрессы, конференции, крутиться в калейдоскопе событий, постоянно разнообразить политические и сексуальные ощущения. Она приобрела известность в качестве самостоятельной величины, начала читать лекции. Правда, фабричные работницы несколько раз чуть ее не отлупили. Потому что в те времена даже на Западе большинство женщин были недостаточно «продвинутыми», чтобы спокойно выслушивать пропаганду «свободной любви» взамен семьи и брака.

Но у международной социал-демократии существовали контакты не только с банкирскими кругами. А еще и со спецслужбами своих стран. Ну а как же? Работа этих спецслужб нацеливалась против России. Западная социал-демократия тоже считала главным своим врагом Россию. И имела связи с русскими антиправительственными организациями. Альянс напрашивался сам собой. Доказательства? Они лежат на поверхности. Только их почему-то старательно не замечают. Обратите внимание – ни один «политик», бежавший из России, не был задержан и привлечен к ответственности за нелегальный переход границы. Ни один не был арестован за проживание по поддельным документам. Могло ли это осуществляться без содействия спецслужб? Не было ни одного случая, чтобы пропагандистская литература и иные нелегальные грузы, которые переправлялись из эмиграции в Россию, были выявлены и захвачены иностранными таможенными и пограничниками. Перехватывали их только русские органы, если получалось. А уж добиться экстрадиции политических преступников западными государствами было настолько нереальной задачей, что в Петербурге махнули рукой и перестали предпринимать такие попытки.

Еще в 1895 г., когда Ульянов совершил турне по Германии и Швейцарии, он, вероятно, получил не только литературу и практические советы, а еще и деньги. Или, скорее, обещание помочь финансами. Иначе трудно объяснить, почему он, вернувшись из-за рубежа, сразу решил издавать газету – на издание требуются средства. Но действительная поддержка из-за рубежа началась позже. После того, как первые социал-демократические структуры, возникшие в России, показали свою полную нежизнеспособность и были разгромлены. Мировым антироссийским силам стало ясно, что стихийная «кружковщина» результатов не дает. И если требуется ослабить страну, процессом надо руководить извне.

Одной из ключевых фигур в этих операциях стал Виктор Адлер. Видный деятель австрийской и международной социал-демократии. Одновременно – «человек Ротшильдов». Одновременно – свой человек в правительственных кругах и в политической полиции Австро-Венгрии. Он стал «неофициально» курировать контакты международных социалистических кругов с русскими революционерами. И, как определили современные зарубежные исследователи, играл роль «отдела кадров». Изучал тех или иных российских социалистов, оценивал, насколько они перспективны, где и как их можно использовать, давал соответствующие рекомендации.

Другой важной фигурой явился Александр Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд). Сын крупного одесского торговца, он примкнул к социал-демократии, эмигрировал. За границей стал не только революционером, но и бизнесменом, имел несомненные коммерческие таланты. Быстро сколотил приличное состояние, обосновался в Мюнхене. Впрочем, для западных социал-демократических деятелей сочетание политики и бизнеса было обычным, многие из партийных лидеров становились акционерами банков, промышленных и торговых фирм. У Парвуса разные стороны его деятельности были связаны неразрывно. Он устраивал так, чтобы и участие в революционном движении приносило ему материальную прибыль. И не только в революционном. Парвус имел контакты со спецслужбами Германии и Англии. А чтобы коммерческие и политические дела шли более успешно, вступил в орден иллюминатов.

Это одно из самых радикальных направлений масонства. Орден был основан в 1776 г. баварским евреем Адамом Вейсгауптом. В буквальном переводе с латыни «иллюминаты» означает «просвещенные». Хотя не исключено и иное толкование: «люди света», «несущие свет» – а «князем света» в некоторых оккультных кругах величают антихриста. И может быть, не случайно, датой основания ордена и его праздника было выбрано 1 мая, магический «Мэй-дэй», Вальпургиева ночь. Кстати, от праздника иллюминатов пошел и «День международной солидарности трудящихся» - 1 мая. Орден ставил задачи уничтожения монархий, религий, Церкви, интитуты семьи и брака, слом всей традиционной системы ценностей. А

также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ, упразднение национальностей. В отличие от других масонских организаций, иллюминаты широко привлекали женщин, считая их важным инструментом для достижения своих целей. Все члены ордена обязаны были иметь клички. Вейсгаупт взял себе имя «Спартак» – отсюда и германские революционеры-«спартаковцы». А высокий, толстый Гельфанд стал Парвусом (по латыни – «маленький»).

И в начале 1900-х гг. в русском революционном движении стали происходить значительные перемены. Выискиваются и выдвигаются новые активисты – еще не именитые, даже и плохо разбирающиеся в марксистских теориях, главное, чтобы были толковыми организаторами-практиками. Начинается вовлечение в революцию уголовников. Организуется система побегов из Сибири. Побегов очень простых. Для них требовались только деньги, приличная одежда, документы. Нужно было быстро, пока не хватились местные власти, добраться до железной дороги, сесть в поезд, а дальше попробуй поймай! Беглец заранее получал маршрут, явки, в какой город ехать, к кому обратиться. Создать такую систему сами революционеры не могли, они были разобщены – социал-демократы, эсеры, анархисты, бундовцы, польские и прибалтийские сепаратисты и др. Система обслуживала всех. И задействованы в ней были сторонние организации: Красный Крест, либералы из земских структур. Все говорит о том, что придумывали и отлаживали систему побегов извне.

Создается и тайная служба по обеспечению нелегалов документами. В воспоминаниях революционеров иногда можно встретить указания, будто они доставали чистые бланки паспортов. Это неправда. Чистые бланки хранились в полиции, под учетом. Если бы и удалось их украсть, информация прошла бы по правоохранительным органам, вызвав повышенное внимание при проверках документах. Чистые бланки требовалось еще правильно оформить, да и вообще новенький паспорт сразу приметен. Ну а о правде революционеры помалкивали из соображений конспирации. И еще из-за того, что она выглядела не слишком красиво. Документы добывали врачи и персонал больниц, работники земской администрации. Похищали паспорта умерших. Уж их-то никто не хватится, никто не начнет шум поднимать. Пропал документ, да и ладно. Фотографий на паспортах еще не было, все штампы и подписи имелись. Эта система действовала централизованно, документы подбирались так, чтобы паспортные данные старого и нового владельцев максимально совпадали, остальное подправлялось путем подчисток. Между прочим, любопытно, что сами революционеры-нелегалы превращались таким образом в «живых мертвецов».

При реорганизации работы в России было обращено внимание и на структуры руководства. Прежний эмигрантский центр во главе с Плехановым для новых задач не годился. Он давным-давно был «засвечен», за ним присматривало Охранное отделение. Да и Плеханов, несмотря на признанное лидерство, был далеко не лучшим руководителем. Мэтр, теоретик, он совершенно оторвался и от России, и от реальной деятельности. Стал «самодостаточным», жил в мире собственных идей и построений. Почил на лаврах популярности. Ни малейшего влияния на процессы в России он не имел, не пытался его наладить, да и сами эти процессы интересовали его лишь в плане подтверждения его теорий. Социалисты, приезжавшие в Швейцарию с родины, старались непременно увидеться с лидером, рассказать ему о своих делах, посоветоваться. Но получали лишь пространные и отвлеченные теоретические рассуждения. А если вдруг оказывалось, что фактические события не соответствуют его построениям, Плеханов воспринимал это как личную обиду. Замыкался, дулся и прерывал разговор. Когда кто-то пытался не согласиться с ним, выразить иное мнение, злился: «Еще ваши папеньки и маменьки пешком под стол ходили, когда я...» [86].

Зарубежные силы Плеханова не отвергли, его еще можно было эксплуатировать, но за ним осталась только роль «знамени». А наряду со Швейцарией Парвус стал создавать другой центр, в Германии. Тщательно законспирированный. Были задействованы десятки

«почтовых ящиков» в Германии, Австро-Венгрии, Италии, Англии. Пересылки с Россией осуществлялись через несколько пунктов. Например, корреспонденция приходит на имя солидного немецкого доктора, он пересылает ее владельцу чешской пивной, тот передает дальше. Крупская описывает, какая путаница возникала из-за подобной конспирации у еще неопытных русских революционеров – как Шляпников, Бабушкин, она сама, руководствуясь адресами переписки, заезжали не в те города, не в те государства. В общем, судя по всему, и в этой организации помогли специалисты западных спецслужб.

Требовались и кадры для нового центра. Одним из тех, на кого обратил внимание Парвус, стал Ульянов. Он отбывал наказание в Шушенском еще до того, как возникла система побегов, пришлось оставаться в ссылке весь срок. Впрочем, не страдал. При сибирской дешевизне содержания от казны, 8 руб. в месяц, хватало с лихвой. Приехали Крупская с матерью, для проживания сняли половину крестьянского дома. За бесценок наняли 13-летнюю девочку-прислугу – готовить, стирать, мыть полы (хотя, вроде бы, боролись против эксплуатации? А тем более, детского труда?) Крупская пишет: «Правда, обед и ужин бывал простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день... как съест – покупали на неделю мяса», говядины или телятины, «но молока и шанег было вволю». Изучали труды философов, экономистов, социалистов, переводили зарубежных авторов. Ездили в гости к ссыльным в другие села. Природа в Минусинском крае великолепная, Ульянов держал породистую собаку, часто ходил на охоту. Словом, бесплатный курорт. Живи, революционер, отдыхай, набирайся сил и здоровья для будущих подвигов.

В начале 1900 г. срок Ульянова истек, и из Сибири уехали. Крупская с мамашей остались в Уфе – Надежде Константиновне оставался еще год ссылки. Владимир Ильич из-за запрета жить в столицах остановился в Пскове – рядышком с Петербургом. Но задержался здесь лишь на пару месяцев. Почти сразу нашлись нужные контакты. Очевидно, не он, а его нашли. И он засобирался за рубеж. Перед отъездом чуть не влип. Заглянул в Петербург встретиться с Мартовым, и их арестовали. У Ульянова «в жилетке было 2 тысячи рублей... и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное» [86]. Как видим, зарубежные «друзья» действовали четко. Крупной суммой денег снабдили, явками. Ну а жандармы на деньги и «безразличные» бумаги не обратили внимания. Мало ли откуда у человека деньги? Это не криминал. Поставили в вину лишь нарушение режима проживания, предупредили и выпустили.

И Владимир Ильич отправился на Запад. Выехал из России легально. Но дальше предполагалась конспиративная жизнь, и ему обеспечили второй паспорт – умершего дворянина Вологодской губернии Николая Ленина. Отсюда и псевдоним, затмивший настоящую фамилию. Псевдоним, запечатлевшийся потом в названиях городов, областей, площадей, улиц, метрополитена, молодежных организаций, на пьедесталах памятников и мраморе мавзолея...

Делом, ради которого привлекли Владимира Ильича, стало издание новой газеты «Искра». Плеханов строил проекты, что она должна будет выходить в Швейцарии, при его группе «Освобождение труда». Но Парвус считал иначе. Делать газету под Плеханова он не собирался, это было «пройденным этапом». Плеханов неизбежно диктовал бы направление работы, при нем не смогли бы выдвинуться другие, более радикальные лидеры, и получилась бы очередная теоретическая «пустышка». Под предлогом конспирации Парвус разместил редакцию у себя, в Мюнхене. А спорить с ним не приходилось. Через него зарубежные социал-демократические (и стоявшие за ними) круги вели финансирование газеты, он организовывал печатание в немецких типографиях. Была, конечно, и личная заинтересованность – часть поступающих средств «прилипла к рукам» Парвуса. Без этого он не мог.

Он реализовывал именно ту программу, которая была озвучена Лениным: газета должна была стать не только агитатором, но и «коллективным организатором». Создавалась сеть агентов «Искры» в Германии, Франции, Швейцарии, Бельгии. На их базе возник зародыш обновленной эмигрантской организации – Заграничная лига русской революционной социал-демократии. Организовывались каналы переправки газеты в Россию – через Псков, Киев, Ригу. А внутри России формировалась сеть штаб-квартир и корреспондентских пунктов, которые становились «заготовками» для развертывания парторганизаций. Кроме Ленина, Парвус привлек в Мюнхен Мартова, Потресова, Засулич, Инну Смидович (Леман). В апреле 1901 г., отбыв срок ссылки, приехала сюда и Крупская. В дополнение к российским, всех их обеспечили еще и болгарскими паспортами. Все получали редакционные оклады, достаточные для проживания. Так, Ленин и Крупская смогли снять отдельную квартиру в Швабинге, элитном пригороде Мюнхена, где располагался особняк самого Парвуса. Ходили к нему в гости, дружили семьями. Хотя людьми были совершенно разными. Парвус любил ни в чем себе не отказывать, жить на широкую ногу, вкусно покушать, крепко выпить, покурить «с девочками». Тем не менее приятельским контактам это не мешало.

И все же через год между ними вдруг наметилась трещинка. Не явная, но вполне отчетливая. Причина остается неизвестной. Ее можно назвать лишь предположительно. Один вариант – Ленин начал подозревать Парвуса в финансовой нечистоплотности. Второй, более вероятный, Парвус попытался вовлечь Ленина в масонство. И потерпел неудачу. Правда, в последующих взглядах Владимира Ильича отразилось некоторое влияние теорий иллюминатов, но его атеизм был абсолютным. Он был принципиальным противником не только христианской религии, а любых учений, связанных с мистикой, потусторонними смыслами и сакральными ритуалами. Косвенные доказательства того, что конфликт мог возникнуть на этой почве, будут приведены в следующих главах. Но размолвка была настолько серьезной, что Ленин счел невозможной дальнейшую работу в Мюнхене. В апреле 1902 г. он перебирается в Лондон. Однако на революционной деятельности это до поры до времени не отразилось. Зарубежная социал-демократия по-прежнему поддерживала российскую, в том числе Ленина, «находились» средства для его газеты. Почему же не использовать полезного человека?

4. Как возникла Антанта

Слово «Антанта» представляет собой разговорное сокращение от «Антант кордиаль», в переводе с французского – «Сердечное Соглашение». Впервые этот термин появился в 1830 г. В то время Англия старалась вывести Францию из-под российского влияния. Династия Бурбонов была восстановлена на престоле благодаря Александру I после разгрома Наполеона. Но в 1830 г. революция, инспирированная масонами, свергла Карла X, последнего короля этой династии, и возвела на трон Луи Филиппа. Новый король переориентировался на Англию, с ней был заключен союз, который как раз и назывался «Антант кордиаль». Направлен он был в первую очередь против России. Появился и термин «политика Антанты». Выражалась она, например, в поддержке польского восстания 1831 г., в совместном противодействии нашей стране на Востоке [45].

С этого времени под «Сердечным соглашением» стал пониматься вообще альянс между Англией и Францией. Это название употребляли в 1850-х при Наполеоне III, когда сколачивали блок, развязавший Крымскую войну. И точно так же, как в XVIII–XIX в. Запад раз за разом натравливал на Россию Турцию, так в начале XX в. начал подталкивать к конфликту Японию. Она чувствовала себя обиженной. В 1894–1895 гг. японцы выиграли войну против Китая. Но вмешались Россия, Франция – при поддержке Англии и США, и вынудили Токио отказаться от плодов побед. Действовали, вроде, вместе, однако западная дипломатия постаралась настроить Японию сугубо против русских, выставить их главной угрозой японским интересам в Северном Китае и Корее.

Воевать с нашей страной для Японии было очень рискованно и непросто, она лишь 30 лет назад перешла к модернизации феодальной экономики, созданию собственной промышленности. Но... начались некие странности в российском правительстве. Для восстановления дружбы, нормализации отношений. Русской армии и флоту кредиты хронически урезались за недостатком средств. А в это же время министр финансов (и масон) С. Ю. Витте выделял крупные займы Китаю. Для того чтобы Китай мог заплатить контрибуцию, наложенную на него после поражения от Японии. И как раз на эти деньги японцы вели перевооружение, строили флот. Были и другие странности. Укрепления Порт-Артура, главной военноморской базы на Тихом океане, возводились черепашьями темпами, многому суждено было так и остаться в проектах – средств не было. А по соседству, по указаниям Витте, строился, не жалея денег, большой, прекрасно оборудованный торговый порт Дальний, совершенно не укрепленный и не защищенный.

Подготовиться к войне Японии помогали ее западные «друзья». В 1902 г. Англия заключила с ней союзный договор. Заинтересованность в нем была настолько велика, что впервые в истории была нарушена традиция британской дипломатии – не брать на себя конкретных обязательств, во всех прежних договорах англичане предпочитали сохранять «свободу рук». Подключились и американские деловые круги. Первыми на сближение с Токио пошли Рокфеллеры, «Стандарт ойл» получила разрешение на открытие представительств и осуществление операций в Стране Восходящего Солнца. В 1901–1902 гг. Япония начала переговоры с Рокфеллерами, Дж. Морганом и Дж. Стиллменом о размещении в США своих правительственных облигаций на 25 млн. долларов [154]. А самые ценные услуги по финансированию оказал Токио Яков Шифф.

Он происходил из Германии, из семьи франкфуртских банкиров. Его отец работал у Ротшильдов, потом открыл собственное дело. Братья Якова, Феликс и Людвиг Шиффы, остались ворочать капиталами во Франкфурте-на-Майне, а он в середине XIX в. перебрался в США. Поступил во второсортную банковскую контору «Кун, Лоеб и Компания», женился на дочери старшего партнера и вскоре стал ведущей фигурой фирмы. А саму фирму «Кун

и Лоеб» вывел на уровень второго по значению частного банка США (после Моргана). Шифф представлял в Америке интересы Ротшильдов. Породнился с крупнейшими финансистами Германии Варбургами. Макс Варбург возглавлял гамбургский банкирский дом, а его младшие братья стали партнерами «Кун и Лоеб» – Феликс Варбург, женившийся на дочери Шиффа, и Пол Варбург, женившийся на дочери Лоеба. Еще одним ценным партнером стал Отто Кан, сын банкиров из Мангейма, также вошедший в компанию «Кун и Лоеб» путем брака. Шифф находился в родстве и с британским банкиром Исааком Зелигманом, главой дома «Дж. энд В. Зелигман энд Ко». А заодно Зелигман являлся вице-президентом Нью-Йоркской Торговой палаты и председателем ее комиссии по налогам (очень полезное родство). Шифф вкладывал деньги в железные дороги, в металлургию, был «финансовым министром» империи «Стандарт ойл», правой рукой Гарриманов, Гульдов и Рокфеллеров в их железнодорожных проектах, стал компаньоном ведущего британского производителя оружия Виккерса. Был также связан с Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами.

Как свидетельствует биограф Шиффа Присцилла Робертс, он вел жизнь аскета, был гениальным финансистом и... ярким ненавистником России. «Будучи гораздо более набожным, чем его молодые партнеры, он был твердой опорой реформированного иудаизма, соблюдая то, что его племянник назвал «странной смесью ортодоксальности и ритуальной либеральности»... Шифф чувствовал глубокую ответственность своего положения как «одного из самых влиятельных евреев в Соединенных Штатах», выступал главным покровителем единоверцев-эмигрантов, патроном организаций «Объединенная еврейская благотворительность», «Общество помощи еврейским иммигрантам», «Фонд барона де Хирша», «Ассоциация еврейской свободной школы», «Образовательный альянс», через Феликса Варбурга курировал «Федерацию поддержки еврейских филантропических обществ Нью-Йорка», «Американский еврейский комитет», «Объединенный комитет распределения», газету «Форвертс» («Вперед»). Впрочем, упомянув о «реформированном иудаизме», биограф кое-что забыла – Шифф являлся одним из высших иерархов иудейской масонской ложи «Бнайт Брит» [105].

Присцилла Робертс пишет: «Начиная с 1890 г. Шиффа глубоко беспокоило бедственное положение евреев за границей... особенно в России. Шифф оказывал давление на американское правительство, чтобы оно повлияло на улучшение положения страдающих евреев в других странах. Уже в 1890 г. он и другие видные американские евреи обсуждали проблемы своих единоверцев за рубежом с государственным секретарем США Джеймсом Блейном». А как только против России стал готовиться удар, Шифф немедленно подключился к нему. Токио требовались деньги, деньги и еще раз деньги. Но когда представитель Японии Такахаша Корекойо попытался достать займы, возникли проблемы. Банкиры, конечно, могут иметь личные политические симпатии и антипатии, но они всегда практичные люди. А Япония и Россия выглядели несопоставимыми величинами, в случае войны между ними с японскими ценными бумагами запросто можно было прогореть.

Шифф переломил ситуацию. «Его отвращение к политике царского правительства было так велико» (П. Робертс), что он приложил все усилия, убеждая американских и европейских банкиров ввести эмбарго на предоставление займов русским, а для реализации японских ценных бумаг банк «Кун и Лоеб» создал специальные синдикаты. К операциям удалось подключить другие американские компании – «Сити бэнк», «Нэйшенл бэнк оф коммерс» [154]. Были задействованы родственные европейские банкиры. В результате облигации удалось разместить на различных биржах, значительную долю – в Лондоне. Япония смогла получить 5 займов на общую сумму 535 млн. долларов. (Тогдашних. По нынешнему курсу это более 10 млрд. долл.) П. Робертс признает, что эти средства «покрыли более половины японских военных расходов и, вероятно, стали важным фактором, обеспечившим победу Японии».

Да уж ясное дело, важным! Но были и другие, не менее важные. Подрывная работа. В 1903 г. на Пасху в Кишиневе группы лиц еврейского происхождения допустили вдруг грубейшие выходы, кидая грязью в крестный ход, в иконы. Это оскорбило верующих и спровоцировало столкновение. Как выяснилось, средства массовой информации к происшествию были заранее подготовлены. Телеграфные агентства мгновенно разнесли по миру известия о погроме, резне, сотнях жертв – чего и в помине не было. Российское правительство выступило с разъяснениями и опровержениями, но на них внимания не обращалось. Западная пресса их как бы и не замечала, продолжая раздувать шумиху из сплошной лжи. Именно этот скандал помог Шиффу и его компаньонам втянуть других банкиров в операции с японскими займами, реализовать облигации на биржах. И озаменовал раскрутку антироссийского «общественного мнения».

Ну а из самих займов, полученных Японией, не менее 10 млн. долл. (около 200 млн. нынешних) было пущено на диверсионную работу. То есть на подпитку революции. Без этого Япония победить никак не могла. Следовательно, банковские круги, решившиеся сделать на нее ставку, располагали информацией, что удар в спину действительно состоится. Но существовали и другие, еще более сложные завязки. Деньги-то вливались японо-британские и японо-американские – а различные группировки революционеров курировались спецслужбами других держав. Франции, Германии, Австро-Венгрии. Значит, и они были задействованы в формирующемся заговоре.

Продолжались «странности» и в Петербурге. Правительство, несмотря на сигналы разведки, проявляло беспечность. Предложения по усилению боеготовности на Дальнем Востоке спускались на тормозах. Царя успокаивали – да разве посмеют «азиаты» на нас напасть? А группа авантюристов, близких ко двору, затеяла сомнительное предприятие с лесными концессиями на маньчжуро-корейской границе (как будто в Сибири и Приморье леса было мало), при концессиях предполагалось создать собственные вооруженные формирования. Это стало отличным поводом для конфликта. 6 февраля 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. А 9 февраля ее миноносцы без объявления войны торпедировали два броненосца и крейсер в Порт-Артуре, в нейтральном корейском порту Чемульпо эскадра обрушилась на корабли «Варяг» и «Кореец». Тут же началась высадка десантов. Детище Витте, незащищенный порт Дальний, был легко захвачен – с причалами, гаванями, полными складами. И стал лучшей перевалочной базой для перевозки на материк японской армии.

И так же, как это было в двух предшествующих войнах, русско-турецких 1853–1855 и 1877–1878 гг., наша страна внезапно очутилась в международной изоляции! В США группировка Шиффа организовывала антиросийские митинги. Даже вышла на президента Теодора Рузвельта с требованием, чтобы он «применил вооруженную силу в отношении России». Правда, от столь радикальных шагов Рузвельт уклонился. Но и ссориться с такими влиятельными кругами президент не хотел. Его правительство стало донимать Россию нотами и обращениями по «еврейскому вопросу». Англия выступила открытой союзницей Японии, демонстрировала готовность вот-вот вступить в войну на ее стороне. Враждебную позицию занял турецкий султан Абдул-Гамид. Закрыл Босфор и Дарданеллы для кораблей русского Черноморского флота, блокировав их переброску на Дальний Восток. Устраивались провокации с резней армян, Турция откровенно бряцала оружием – рассчитывая, что против России выступит западная коалиция, и можно будет повторить сценарий Крымской войны.

И союзница России, Франция, тоже вдруг сделала резкий поворот! Для начала объявила, что ее договоренности с Петербургом касаются только общих угроз в Европе, а конфликт с Японией ее не касается. Одновременно французы вели переговоры с англичанами. И в 1904 г. с ними было подписано дружественное соглашение, которое получило уже традиционное название «Антант кордиаль». Сердечное согласие. Но достигнуто было это согласие

против России. Официально Франция заняла нейтралитет, однако он был отнюдь не дружественным по отношению к нашей стране. Русским военным кораблям запрещалось заходить во французские порты, французская пресса, «общественность», парламентарии поливали Россию грязью, симпатизируя японцам. Активно принялась играть против нашей страны французская дипломатия. А единственным «другом» России выступила Германия. Она тоже провозгласила нейтралитет, но благожелательный, согласилась продавать снабжение, боеприпасы. Но «друг» оказался далеко не бескорыстным. За то, что он принял сторону России, Берлин навязал Петербургу кабальный торговый договор на 10 лет. Вдобавок «друг» был и нечестным. Германские торговые представительства, консульства, резидентуры спецслужб на Дальнем Востоке поддерживали контакты с японцами, обеспечивая их разведывательными данными. Словом, получалось иное «сердечное согласие»: все вместе – против нас. Кто открыто, кто тайно, исподтишка.

План войны был продуман грамотно. Враги России воспользовались моментом, пока Транссибирская магистраль не была окончательно достроена и имела разрыв у Байкала. Предполагалось создать перевес на море – что и было достигнуто первым вероломным ударом. После этого Япония получила возможность беспрепятственно перебрасывать войска на материк. Пользуясь численным перевесом, они должны были уничтожить русскую группировку до того, как сумеют подтянуться и развернуться контингенты из Европейской России. Однако героизм наших воинов сорвал эти планы. Стоял насмерть гарнизон Порт-Артура. А в полевой армии главнокомандующий А. Н. Куропаткин применил «отступательную тактику», позиционные оборонительные бои – однако именно эта тактика была губительной для японцев. Она изматывала их, наносила потери и выигрывала время для переброски на Восток свежих русских дивизий.

Но в арсенале противников оказалось еще одно оружие, более страшное, чем пули и снаряды. Подрыв тыла. Революционный подъем отнюдь не был вызван поражениями, потерями, военными лишениями. Нет, он был целиком искусственным. Когда война даже еще не начиналась, когда японские части только получали боевые снаряды и патроны, а капитаны миноносцев изучали карты рейдов Порт-Артура – накануне их нападения, в январе 1904 г., в России были созданы нелегальные организации либералов, из которых позже выросли партии октябристов и кадетов. А дальше началась классическая «раскачка». Развернулась мощнейшая информационная война. Российская либеральная и западная пресса запели в унисон, раздувая неудачи нашей армии, позоря «бездарность» военачальников, многократно преувеличивая потери. Активисты социалистических партий действовали в контакте с либералами. Принимали участие в их собраниях [105, 182]. И будоражили рабочих. В октябре 1904 г. в Париже русские либералы провели совместное совещание с революционерами различных группировок, договариваясь об общности действий. Был создан «Союз освобождения», который базировался в Женеве, координировал деятельность революционных сил и партий, распределял финансы.

Они поступали не только от иностранцев. Российские промышленные и финансовые тузы, рвущиеся к власти, тоже вносили весомую лепту. Вскоре «Союз освобождения» из-за рубежа переместился в Россию, начал всюду создавать свои ответвления. Теневым эмиссаром, через которого осуществлялось руководство процессами, шли денежные потоки, был Пинхус Моисеевич Рутенберг (впоследствии он станет председателем «Национального комитета» еврейских поселений в Палестине – первого фактического правительства еще не провозглашенного Израиля) [124]. На Кавказе, в Прибалтике, Польше, Финляндии подогревалась межнациональная рознь. Усиливалась волна забастовок, митингов. Причем социалистам подыгрывали и либералы-промышленники, помогая создавать поводы для недовольства. Из вовлеченных в революционные организации люмпенов и шпаны создавались отряды боевиков.

Но все же на первом этапе успехи были мизерными. Либералы захлебывались речами, тонули в спорах из-за программ. Вспышки стачек оставались ограниченными и изолированными. А главной задачей было добиться массовости выступлений, настоящего революционного взрыва. Требовалась очень крупная провокация. Она была подготовлена в Петербурге под руководством Рутенберга. Его агент поп Гапон предложил свои услуги полиции для создания патриотических рабочих организаций, якобы в противовес революционным. В январе 1905 г. по ничтожному поводу – из-за увольнения 4 рабочих, удалось устроить забастовку на Путиловском заводе. Тут же сработала раскинутая сеть революционных ячеек, путиловцев в знак солидарности поддерживали другие предприятия. И через Гапона в массы была внедрена идея идти 9 января к царю, изложить ему свои нужды, искать правды и справедливости. Распространялись слухи, будто государь сам хочет встретиться со своим народом, разобраться, как его обманывают чиновники и дворяне. Рабочие вдохновились, принялись выработать петицию со своими просьбами.

Царя в этот момент вообще не было в Петербурге. А правительство в последний момент узнало, что петиция подменена другой, экстремистской – с требованиями изменения государственного строя. Узнали, что к мероприятию активно готовятся террористы. И что в шествиях должно принять участие более 300 тыс. человек – которые двинутся с разных концов города и сойдутся на Дворцовой площади. Такая масса народа на ограниченном пространстве вместиться никак не могла, в проходах на площадь толпы передавали бы друг дружку. Память о трагической давке при коронационных торжествах на Ходынке была еще свежа, и власти забили тревогу. Манифестация была запрещена, центр города оцепили войсками, получившими приказ никого не пропускать, но оружие применять лишь при крайней необходимости. Однако агитация сделала свое дело. Утром 9 января к центру двинулись огромные толпы с иконами, хоругвями. В ряды мирных горожан влились боевые дружины эсеров, социал-демократов, анархистов. Заранее нагнетали настроения – нас, мол, не хотят пускать к царю. Призывали прорываться силой.

Кадры из советских фильмов, как манифестанты и солдаты стояли напротив друг друга на Дворцовой площади, а потом начался расстрел – не более чем ложь. К площади шествия не допустили. Заслоны войск перекрыли движение в четырех местах – на Обводном канале, Васильевском острове, Выборгской стороне и Шлиссельбургском тракте. И везде происходило примерно одно и то же. Люди останавливались, но провокаторы подзуживали прорываться. Толпы напирали, несмотря на выстрелы в воздух. В солдат летели камни. Прячась за спины рабочих, боевики стреляли из револьверов. И солдаты, видя, что вот-вот будут раздавлены и растерзаны лезущей на них возбужденной массой, били уже по людям. Начиналась паника, толпы в ужасе бежали прочь, сминая и топча друг друга. Не столько людей пало от пуль, сколько погибло и перекалечилось в давке.

Всего же в ходе «кровавого воскресенья» было убито и умерло от ран и травм 130 человек, 299 получили ранения. Это число пострадавших включало и солдат, полицейских [124]. Однако западная пресса и революционная агитация взвыли о «тысячах расстрелянных». «Кровавый» царь истребил мирных манифестантов, которые доверчиво шли к нему с нижайшими просьбами! И забурлило по всей стране... Николай II готов был разобраться в недоразумениях. Была создана комиссия под руководством сенатора Шидловского, рабочим различных предприятий предлагалось самим избрать представителей в эту комиссию. Она должна была расследовать обстоятельства трагедии, а также выявить причины недовольства рабочих, выработать меры по их устранению. Но и этим революционеры воспользовались. На легальных выборах проталкивали свои кандидатуры, и комиссия стала фактически костяком будущего Петроградского Совета.

А Гапон, сыграв свою незавидную роль, бежал в Швейцарию. И пользовался бешеной популярностью. Лондонская «Таймс» платила ему огромные гонорары за каждую строчку

воспоминаний. Кстати, оказалось, что российские социалистические партии еще ничего толком не сделали для нарастания революции. Делал «кто-то» другой – за них. Поэтому и эсеры, и социал-демократы принялись тянуть Гапона к себе, желали представить его «своим» человеком. Тогда получилось бы, что и массовое рабочее движение в Питере – их заслуга [86]. Гапона обхаживали и Ленин, и другие лидеры. Он зазнался, попытался играть самостоятельную роль. Но через некоторое время на него был сострян компромат и подброшен эсеровским боевикам, которые и прикончили его. Он слишком много знал.

5. Революционеры «плаща и кинжала»

Помните фильм «Бриллиантовая рука»? Впрочем, кто ж его не помнит. «А это вам!» – «Какая прелесть!..» – «Вот здесь надо нажать!» – и из коробки выскакивает на пружине черт с длинным языком. В 1905 г. примерно таким же образом выскочил вдруг на историческую арену еще один важный персонаж, о котором перед этим мало кто знал. Лев Давидович Троцкий.

Начало его революционного пути было ничем не примечательным – можно даже сказать, типичным для многих тогдашних молодых людей. Лейба Бронштейн родился в 1879 г. в семье очень богатого херсонского зерноторговца и землевладельца. В хозяйстве отца трудились сотни батраков, мать была из семьи крупных предпринимателей Животовских. С 7 лет мальчик обучался в хедере при синагоге. А когда подрос, его устроили в Одесское реальное училище. В этот период он жил в семье двоюродного дяди Шпенцера, издателя и газетчика, и тети – директрисы гимназии для еврейских девочек. Седьмой класс училища заканчивал в Николаеве. Потом поступил в Одесский университет на математический факультет. Но еще в старших классах училища Лейба увлекся политикой, университет забросил, ударившись в деятельность «Южнорусского рабочего союза» (в котором рабочих почти не было – большинство «рабочих» были того же поля ягодой, что юный Бронштейн). Писал прокламации, участвовал в сходках. В 1898 г. был арестован.

Очень навредил себе собственными амбициями – пытался пускать туман, выставляя себя более важной птицей, чем был на самом деле, менял показания. Поэтому следствие затянулось, и Бронштейн провел в тюрьмах довольно долго – из Николаева был переведен в Херсон, еще полтора года просидел в Одесской тюрьме. Приговор получил -4 года ссылки. Первой любовью Лейбы стала Александра Соколовская, соратница по нелегальному кружку, на 7 лет старше его. Она была также арестована, Бронштейн переписывался с ней из камеры, а в Москве, в Бутырской пересыльной тюрьме, они вступили в брак по иудейскому обряду в присутствии раввина. В Сибирь поехали мужем и женой.

Жили в городишке Усть-Кут, потом в Верхоленске. У них родились две дочери. Бронштейн подрабатывал приказчиком у местного купца. Начал пробовать себя и в литературе. Первой его книгой стал трактат по истории масонства, написанный в тюрьме. Еще с детства Лейба страдал какой-то болезнью наподобие эпилептических приступов, которые проявлялись во время сильного волнения. И тема масонства настолько возбуждала его, что доводила до таких припадков, писал он Соколовской, что во время работы над книгой он испытывает «непонятное физическое состояние». В ссылке Бронштейн подрабатывал журналистикой, ряд его статей опубликовала иркутская газета «Восточное обозрение». И какие-то из его работ «заметили». Причем «заметили» на очень высоком уровне... В 1902 г. для него, еще никому не известного журналиста-любителя, был организован побег.

Кстати, много лет спустя, уже потерпев политический крах, Лев Давидович напишет книгу воспоминаний «Моя жизнь. Опыт автобиографии». Хотелось бы предостеречь тех, кто изучал ее и захочет использовать автобиографические данные. Источник это крайне ненадежный. Лжет автор сверх меры. О многих важных моментах вообще умалчивает, «забывает» о них. В других местах придумывает несуществующие красочные детали и события, что делает его книгу близкой к художественной. Но она и создавалась с единственной целью приукрасить себя, дополнительно прославить и подогреть к себе интерес, когда реальная популярность стала тускнеть. В частности о побеге он сочинил остросюжетную историю. Дескать, жена сделала из соломы чучело, положила на сеновале и показывала полицейским – это муж спит. Они и верили два дня, удалось выиграть время.

Это, конечно, чушь, рассчитанная на читателей, не знающих реалий дореволюционной России (в первую очередь, зарубежных). Неужто сибирские стражники были такими лопухами, чтобы два дня принимать чучело за живого человека? Просто они контролировали ссыльных далеко не каждый день. Мало ли куда отлучился человек? На рыбалку, на охоту, за дровами в тайгу? А уж тем более слабо присматривали за семейными. И именно это обстоятельство, а не детективные хитрости, ввели в заблуждение полицию. У нее-то была нормальная русская логика – куда человек денется от семьи? Родные здесь, значит, и он должен быть где-то здесь. Но у Бронштейна была другая логика. Через кого ему было передано предложение бежать, остается неизвестным. Но Лев Давидович ухватился за него с радостью. Жenu и маленьких детей он без колебаний согласился бросить в Сибири. Вероятно, эпизод с чучелом понадобился в мемуарах именно для того, чтобы сгладить этот не слишком красивый факт, – показать, будто Соколовская сама деятельно помогала мужу скрыться. А расстались они навсегда, первая семья никогда больше Бронштейна не интересовала. Соколовскую через пару лет «подберет» Федор Сыромолотов, который на Урале у Свердлова руководил дружиной боевиков. Или она Федора «подберет». Хотя это не суть важно. Дочерей будут воспитывать родители Бронштейна...

А побег Льва Давидовича был организован очень четко. И явно целенаправленно. Пока его хватились, он успел доехать до Иркутска. Получил (у кого – тоже остается тайной) деньги, приличный костюм, документы, билет. Сел в поезд – и поминай как звали. В прямом смысле «поминай как звали», потому что поехал под чужой фамилией. В мемуарах указывал, будто в чистый бланк вписал ради шутки фамилию тюремного надзирателя, Троцкий. Однако и это ложь. Вписывание собственной рукой могло дорого обойтись при первой же проверке документов – опытный глаз сразу заметил бы разницу между «профессиональным» почерком полицейского писаря и дилетанта. Но, как уже говорилось, действовала централизованная система снабжения паспортами. И Льву Давидовичу достался паспорт отставного полковника Николая Троцкого, умершего в г. Екатеринославе.

Путь для очередного «живого мертвеца» организаторы наметили заранее. Он доехал до Самары, где размещалась российская штаб-квартира «Искры». Получил от здешнего резидента Кржижановского деньги, дальнейший маршрут и явки. Отправился на Украину. В районе Каменец-Подольска его уже ждали, подготовили переход границы. Передали по цепочке на территорию Австро-Венгрии, где его ожидала и приютила некая еврейская семья. Обеспечила всем необходимым, посадила на поезд. Молодой беглец прикатил в Вену. И явился прямехонько на квартиру... уже упоминавшегося Виктора Адлера. Теневого «кадровика» международных социалистов. Почему-то видный австрийский политик и парламентарий ничуть не удивился визиту незнакомца в воскресный день. Радужно принял, накормил, побеседовал. И, судя по всему, остался доволен. Счел Троцкого фигурой, заслуживающей внимания и пригодной к использованию. Снабдил его валютой, документами.

От Адлера Троцкий, уже со всеми удобствами, отправляется в Лондон, к Ленину. Ранним утром врывается в квартиру, которую снимали Владимир Ильич и Крупская, подняв их с постели – задорный, радостный, захлестнул их своей кипучей энергией. И они становятся друзьями. С Лениным Лев Давидович сперва сошелся «душа в душу». В политических спорах защищал взгляды товарища круче и горячее, чем сам Ульянов, Троцкого даже называли «ленинской дубинкой». И Владимир Ильич настаивал, чтобы его кооптировали в редакцию «Искры». Но воспротивился Плеханов. К этому времени редколлегия делилась на две группировки: Ленин – Мартов – Потресов и Плеханов – Аксельрод – Засулич. И Георгий Валентинович счел, что кооптация Троцкого даст во всех вопросах перевес Ленину.

Тем не менее Лев Давидович активно сотрудничал в газете. Его посылали выступать перед социал-демократами в разные города. И в Париже Троцкий познакомился с Натальей Седовой. Она была дочерью русского купца и полячки, считалась «прогрессивной» лите-

ратуры и в Харьковском институте благородных девиц поносила Православие, агитировала подруг не ходить на богослужения. Была исключена. Но ее папаша, человек состоятельный, отправил дочку продолжать образование в Сорбонне. Она стала второй женой Троцкого – без оформления развода с первой. Правда, и без регистрации брака. Просто сошлись и стали жить вместе.

В июле 1903 г. собрался II съезд РСДРП, на котором предполагалось объединить разные группировки социал-демократии в одну партию. Отметим, что и это событие «свалилось» с подготовкой русско-японской войны. Однако реального объединения не получилось. Ленинские формулировки в проекте устава – о партийной дисциплине, «демократическом централизме» вызвали недовольство части делегатов. Возмущались, что это приведет к командным методам, к «диктатуре». Возникли разногласия и по программе, по вопросу взаимоотношений с Бундом [69, 81]. Переругались. И созданная партия тут же раскололась на фракции. Те, кто согласился с Лениным, стали «большевиками», а воспротивившиеся во главе с Мартовым – «меньшевиками». Сами эти наименования были пущены в ход большевиками и впоследствии оказались очень выигрышными для них. Но только впоследствии. А на съезде «большинство», принявшее формулировки Ленина, было чисто условным. Из 44 делегатов 20 в обстановке раздражения вообще отказались от голосования. Плеханов сперва примкнул к большевикам. Но Мартов в знак протеста против решений съезда вышел из редакции «Искры», и Плеханов изменил позицию, перешел на его сторону – Мартова он считал более ценным сотрудником, чем Ленина.

Троцкий же на съезде примкнул вдруг к меньшевикам. Он постепенно освоился в социал-демократической среде, росло самомнение. Поэтому он «принципиально» выступил против жесткой партийной дисциплины, не желая очутиться в положении чьего-то подчиненного. Как Лев Давидович, так и Ленин в полемике применяли одинаковые приемы, с «переходом на личности». И они рассорились, из друзей превратились во врагов. Но и альянс Троцкого с меньшевиками оказался недолгим. Вскоре они разошлись, поспорив о роли либеральной буржуазии. Конечно, такое разногласие было пустяком. Истинная причина была иной, растущие амбиции Льва Давидовича. Он уже не считал для себя возможным следовать в фарватере того или иного течения, тянулся к самостоятельному лидерству.

Для эмигранта такая неуживчивость могла привести к крупным неприятностям. Ведь само существование за границей обеспечивалось через организацию – через нее он получал деньги, работу (или видимость работы, но оплачиваемую). Одиночке пришлось бы туго. Но таинственные покровители, «заметившие» Троцкого и вытащившие из Сибири, опять не оставили его в беде. Он получает приглашение Парвуса. Едет с женой в Мюнхен и встречает самый радушный прием. Они поселяются в особняке Парвуса, живут на всем готовом. Судя по всему, Лев Давидович приглянулся хозяину. Все факты свидетельствуют о том, что именно тогда, в 1904 г., Парвус занялся «специальной» подготовкой гостя, и через него Троцкий вступил в орден иллюминатов. Потому что как раз в это время в работы Льва Давидовича широко хлынули идеи иллюминатов, выраженные, например, в его теории «перманентной революции» – от национального уровня к интернациональному, от интернационального к мировому.

А в 1905 г., сразу после «кровавого воскресенья» Парвус и Троцкий засобирались в Россию. Но первым делом они мчатся... куда бы вы думали? В Вену. К Адлеру. Получают у него фальшивые документы, деньги. У него же на квартире переодеваются, меняют внешность... Тут уж, знаете ли, невольно возникают ассоциации с банальной шпионской явкой. И дальнейшие события подтверждают этот вывод.

Австрийские спецслужбы в данный период старались разыграть «украинскую карту». Западная часть Украины, Галиция, принадлежала Австро-Венгрии. Чтобы прочнее привязать ее к империи Габсбургов, насаждался католицизм, униатство, местная интеллигенция

«онемечивалась». А в украинских областях, принадлежавших России, австрийцы поддерживали националистов, чтобы вбить клин между украинцами и русскими. Для этого в Лемберге (Львове) содержали группу «ученых» сепаратистов (они называли себя «мазепинцами»), издавалась и переправлялась за рубеж соответствующая литература. Дело шло туго. В Галиции были сильны пророссийские настроения, многие крестьяне, несмотря на гонения, упорно держались Православия. А украинцам в составе Российской империи сепаратистские идеи были совершенно чужды. Они в ту пору даже и называли себя не украинцами, а «русскими» или «малороссами». Тем не менее австрийцы «подкармливали» группы националистической интеллигенции, держали под контролем «национальные» течения либералов и социалистов. И по каналам этих организаций Парвус, Троцкий и Седова были переброшены на Украину. По одиночке, с соблюдением конспирации.

Правда, ступив на родную землю, Троцкий повел себя, скажем так, не героем. В Киеве ему почудилось, что за ним следят, что он «под колпаком». Он запаниковал и глухо зарылся «на дно» – залег под чужим именем в частную клинику. Но его взял под опеку Л. Б. Красин (кличка – «Винтер»). Видный большевик, инженер, он занимал высокое положение в германской фирме «Сименс-Шуккерт». А все руководство немецких предприятий за рубежом было связано с германской разведкой, Эта методика централизованно и строго проводилась Берлином [118]. И без связей со спецслужбами продвижение в иерархии германских фирм было невозможно. В ходе революции 1905 г. Красин выполнял важнейшую функцию. Он руководил поставками из-за рубежа оружия для боевых дружин. То есть имел доступ к «святой святым» – источникам финансирования, курировал закупки, транспортировку, «окна» на границе (в чем, уж наверное, тоже помогли связи с германской разведкой).

И вот что удивительно! Столь влиятельное лицо вдруг начинает заниматься сущей «мелочевкой» – обслуживать и обеспечивать всем необходимым никому еще не известного Троцкого, становится его персональным «ангелом-хранителем». Вроде бы совершенно не по рангу... То есть Красин получил указание взять на себя эту обязанность. Причем указание явно не от партии. Лев Давидович, как уже отмечалось, не был связан ни с большевиками, ни с меньшевиками. Красин привозит его и Седову в Петербург, устраивает им хорошее жилье в доме военного врача Литкенса. И... снова срыв! На первомайском митинге арестовали Седову. За ней не числилось никакого криминала, она не была нелегалкой (в Париж-то выехала легально, на учебу). Но Троцкий опять запаниковал и удрал в Финляндию. Впрочем, Красин с заданием, которое получил неведомо от кого, справился успешно и терпеливо. Разыскал Льва Давидовича и в Финляндии, помог устроиться, наладил ему связи...

Но на время оставим незадачливого революционера прятаться по конспиративным квартирам и перенесемся далеко на восток, где происходили события, прочно связанные с революцией. Война. «Позорных» поражений, о которых шумела пресса, в ходе боевых действий не было. Порт-Артур сражался до последнего. Комендант Стессель сдал его, когда дальнейшая оборона уже не имела смысла. Враг занял господствующие высоты, расстреливая город и гавань, корабли 1-й Тихоокеанской эскадры были уже потоплены или повреждены артогнем. И продолжение сопротивления вело бы лишь к одностороннему избиению гарнизона и населения. А морское сражение в Цусиме было проиграно только из-за того, что русские снаряды главных калибров, попадая в японские корабли, не взрывались. Очевидно, имела место диверсия. Технологические нарушения в процессе изготовления – и в результате наши моряки получили некондиционные боеприпасы. И легла на дно 2-я эскадра – боевое ядро Балтийского флота.

Но ход войны должен был вот-вот перемениться с точностью до наоборот. Тактика Куропаткина дала свои плоды. В Маньчжурии сосредоточились уже не одна, а три русских армии, 38 полнокровных дивизий против 20 японских. Причем неприятельские соединения были обескровлены. Они понесли потери в 5–6 раз больше русских. Офицерский и унтер-

офицерский состав был повыбит. Пополнения прибывали необученные, из совсем юных мальчишек. В боях стало наблюдаться новое явление – японцы большими группами сдавались в плен, чего на предыдущих этапах войны никогда не бывало. Донесения разведки сообщали о панических настроениях в Токио. Готовящееся русское наступление должно было неминуемо кончиться полным разгромом противника.

Но революция уже успела набрать силу. Охватила города, перекинулась в деревню, парализовала пути сообщения, закупожила мятежами и забастовками Транссибирскую магистраль, от которой зависела армия в Маньчжурии. Усугубил картину «финансовый интернационал». В начале войны, в мае 1904 года, царское правительство, предложив высокие ставки процентов, добилося займов во Франции. Теперь же, якобы в связи с революцией, западные банки отзывали из России свои капиталы. К войне и политическому кризису добавился финансовый [47]. И «доброжелатели» в окружении царя принялись убеждать его, что все потеряно...

Когда русское правительство предложило начать переговоры о мире, Япония с радостью согласилась. Посредником вызвался быть президент США Теодор Рузвельт. Америка вела собственную политику. Активно подыгрывая Японии, она демонстрировала и «дружбу» к России. Еще в ноябре 1904 г. крупнейшие банкиры Дж.-П. Морган, Дж. Стиллен и Ф.-А. Вандерлип через главу телеграфного агентства «Ассошиэйтед пресс» М. Стоуна организовали встречу с российским послом в Вашингтоне Кассиди, устроили обед в его честь. Представитель министерства финансов России восторженно докладывал в Петербург: «Из произнесенных на обеде речей нельзя не прийти к заключению, что настроение представителей общественности здесь изменилось, враждебное отношение к России почти совершенно исчезло». Кстати, этим представителем был некий Г. А. Виленкин. Женатый на дочери банкира Исаака Зелигмана – а через него породнившийся и с Шиффом [154]. Именно его министерство финансов назначило представлять свои интересы в США. Еще одна «странность».

На самом деле не все круги в США готовы были, подобно Шиффу, проводить последовательный антироссийский курс. Обычная политическая логика диктовала другое, Америка «видела идеалом войны полное истощение противников и усиление собственных позиций в Китае» [154]. Она не хотела усиления Токио. Но и перспектива разгрома Японии была нежелательной. Да и банкиры понесли бы убытки на японских займах. Момент для заключения мира выглядел самым подходящим. Поэтому вопрос согласовался очень быстро. Переговоры начались в американском Портсмуте, куда приехал премьер-министр России Витте. Условия выработали мгновенно. Наша страна уступала Токио Южный Сахалин, Ляодун, часть Южно-Маньчжурской железной дороги. Японский представитель Такахира заикнулся было о 3 млрд. руб. контрибуции, но это притязание отвергли, и Страна Восходящего Солнца о нем больше не вспоминала – абы поскорее заключить мир, пока не передумали.

Ну а подлинные авторы поражения России даже не считали нужным держаться в тени. Наоборот, гордо демонстрировали, что это сделали они. Пусть видят, пусть знают. В Портсмут приехали не только дипломаты, прибыл и Шифф. И не один, а с главой ложи «Бнайт Брит» Крауссом. Они присутствовали 28 августа при подписании договора – чтобы Россия признала свое поражение не только перед Японией, но как бы и перед их лицом [139]. Шифф открыто признавал, что деньги для революции поступают от него, что он финансировал еврейские «группы самообороны» – то есть террористов. За свой вклад в победу Японии он был награжден орденом японского императора. И на церемонии награждения произнес речь с угрозами в адрес царя и русских – дескать, мы им еще не то устроим [105].

6. Почему заглохла первая революция

Когда идет представление в театре, обязанности распределяются между всеми участниками. Актеры в нужное время произносят слова своих ролей, музыканты играют свои партитуры, танцоры появляются на сцене в заданные моменты, чтобы исполнить свои па, осветители знают, когда включить софиты, что именно выхватить прожекторами. Художники потрудились заранее, изготовив декорации, и рабочие сцены вовремя меняют их. И все это объединяется режиссерским замыслом в общую картину. Сам режиссер может наблюдать за ходом действия из зала, из-за кулис, а может вообще отсутствовать. Точно так же и в революции. Только людей в ней задействовано гораздо больше. И, в отличие от представления, большинство из них не знает режиссерского замысла.

В России одни действующие лица выдвигали лозунги против «ненужной» войны. Другие устраивали забастовки и диверсии, обеспечивая военные неудачи. И их выхватывали прожектора прессы, смакуя «позорные поражения». На волне этого шума либералы в окружении царя подталкивали его к немедленному миру. А стоило заключить его, как российская «общественность» стала раздувать возмущение «позорным миром», он объявлялся доказательством отсталости всего государственного строя. В октябре разразилась всеобщая политическая стачка. И те же самые придворные либералы во главе с Витте стали нажимать на Николая II, уговаривая пойти на конституционные реформы. Мол, только такой шаг успокоит «народ» и нормализует ситуацию.

Сам русский народ, кстати, при этом не спрашивали. Народ стихийно начал подниматься против революции, создавать свои организации – «Союз Русского народа» и др. Но «общественность», своя и заграничная, обрушивалась на «черносотенцев», ни малейшей поддержки сверху народная инициатива не получила. Мало того, представители царской администрации, чиновники, пусть и не причастные к либеральным кругам, а просто нахватившиеся духа либерализма и чуждых понятий о «прогессе», всячески прижимали патриотов. Даже руководство Церкви отнюдь не приветствовало такие начинания, запрещало священнослужителям участвовать в них, покатались неприятности на иереев, обвиненных в «черносотенстве» [105]. Таким образом, власть сама оторвала себя от народа. И в этом оторванном мирке действовало особое «информационное поле», питавшееся все той же прессой и «общественными мнениями», требовавшими реформ. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин предлагал уступки умеренные, создать Думу с совещательными правами. Куда там, этот вариант дружно отменили все слои оппозиции. И Витте все же сумел «дожать» царя. 17 октября был издан Манифест, которым император даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Создавался законодательный парламент – Государственная Дума. Объявлялась всеобщая политическая амнистия.

Кстати, революционеры заранее знали о том, что подобный документ будет подписан. Знали и то, когда примерно он должен быть подписан. Например, Свердлов еще в сентябре говорил своей будущей жене Новгородцевой о скором переходе на легальное положение [140]. А Троцкий, как говорилось в прошлой главе, усиленно прятался. Что он делал в течение пяти месяцев, остается загадкой. В автобиографии он этот отрезок времени опускает. И никакие его работы, ни один из биографов ответа не дают. В Петербург же он вернулся 14–15 октября. Заметьте, буквально накануне Манифеста и амнистии «политическим» – в том числе и ему.

В столице к этому времени оказался и Парвус. И они развернули бурную деятельность весьма продуктивным «тандемом». Но лидировал Парвус, Троцкий при нем играл вспомогательную роль, вроде стажера. На Израиля Лазаревича были завязаны финансовые потоки, и

уже явно не японские. Японцам уже незачем было оплачивать революцию, да и нечем после тяжелой войны. А деньги шли немалые. На эти средства Парвус наладил выпуск «Рабочей газеты», «Начала», «Известий» – их стали печатать такими массовыми тиражами, что буквально завалили ими Питер и Москву. В газетах публиковались статьи и Троцкого, и других российских революционеров, и австро-германских социалистов – Адлера, Каутского, Клары Цеткин, Розы Люксембург. Через эти издания осуществлялись и некоторые махинации. Опубликовав фальшивку, так называемый «финансовый манифест», Парвус сумел обвалить курс русских ценных бумаг, на чем очень крупно погрели руки западные банкиры. Уж конечно, Парвус при этом не забыл и собственный карман.

А Троцкого в это время начинают очень интенсивно «раскручивать». Уже в октябре он обеспечивает себе популярность тем, что на массовом митинге театральным жестом разрывает царский Манифест. Его, еще не имеющего ровным счетом никаких заслуг, никакого опыта, проталкивают на пост заместителя председателя Петербургского Совета. Словом, «непонятные» кусочки мозаики складываются в картину, которая может иметь только одно объяснение. Еще за рубежом теневые режиссеры сочли Льва Давидовича подходящей кандидатурой в лидеры революции. И его целенаправленно делают лидером. Именно поэтому его обслуживают и обеспечивают Адлер, австрийские спецслужбы, Красин, Парвус.

Хотя для сторонних глаз истинная иерархия действующих лиц скрыта. В председатели Совета выдвигается Хрусталева-Носарь. Недалекий и неумный адвокат, получивший известность на судебных процессах, где он защищал рабочих, привлеченных к ответственности за нелегальщину, за участие в беспорядках. Он стал фигурой чисто декоративной: до поры до времени прикрыть главных персонажи и не мешать им. На втором плане Троцкий, которому создают большой реальный вес, большие возможности, чем Хрусталева-Носарю. А Парвус, настоящий двигатель революции в столице, вообще держится в тени. Все свои ходы он осуществляет через Троцкого.

Вопреки уверениям Витте и других либералов-царедворцев, Манифест от 17 октября никакого успокоения стране не принес. Наоборот, опубликовав его, царь попал в ловушку. Революционеры получили возможность действовать легально, в открытую. И они закусили удила. Троцкий в эти дни блистал, красовался, кидался лозунгами. В дополнение к талантам журналиста у него обнаружился еще один – великолепный дар оратора. Он и сам любил играть на публике. Зажигался, доводя себя до экстаза, и оказалось, что умеет зажигать толпу. Даже не содержанием речей, а передавая свой эмоциональный заряд, взвинчивая до высочайшего накала.

В период революции активизировалась и революционная эмиграция. Так, с декабря 1904 г. за границей начинает выходить газета «Вперед». Название, между прочим, не случайное. В США газета с таким же названием, «Форвертс» (точнее, «Jewish Daily Forward») выходила на идиш и финансировалась Шиффом. В Германии газета «Форвертс» издавалась социал-демократом Хильфердингом и была связана с американской. А от нее почковались газета польских социал-демократов «Напшуд» (что тоже означает «вперед»), и на русском языке – «Вперед». В редакцию вошли Ленин, Ольминский, Воровский, Луначарский, В. Бонч-Бруевич.

Но вообще эмиграция продолжала ссориться и ругаться. Грызлась по вопросам революционных тактик и стратегий. И уж тем более – из-за поступающих денег. Крупская вспоминает, что на собраниях дошло до рукопашной из-за партийной кассы. «В сумятице кто-то изодрал даже тальму на Наталье Богдановне (жене Богданова), кто-то кого-то зашиб». И возникает впечатление, что Ленина в это время незримо, но ощутимо «затирают». Оттесняют от лидерства. ЦК принимает декларацию против него, лишая его возможности защищать свою точку зрения и непосредственно сноситься с Россией (он в ответ выходит из ЦК). Еще раньше он окончательно рассорился с Плехановым, ушел из редакции «Искры». На III съезде

партии, проходившем в Лондоне, представители партийных комитетов, прибывшие из России, подняли шум об «обуздании заграницы» – дескать, нечего эмигрантским деятелям нас поучать и на руководящую роль претендовать, «посадить бы их всех в русские условия» [86].

О деятельности Красина по поставкам оружия для боевиков Ленин вообще не знал, она шла помимо Владимира Ильича, он узнал об этом лишь задним числом. А с пропагандистскими материалами почему-то вышла накладка. Из Питера известили Ленина, что он может присылать свою литературу через Стокгольм. Он и посылал. Из Швеции сообщали, что «пиво получено», и он отправлял новые грузы. А впоследствии выяснилось, что все его тиражи так и лежат в Стокгольме, завалив подвал Народного дома [86]. Сам же Владимир Ильич решил ехать на родину только в октябре, после объявления амнистии. И опять накладка. Из Петрограда ему дали знать, что в Стокгольм к нему приедет курьер с документами. И Ленин без толку прождал его 2 недели. В Россию он приехал лишь в ноябре, когда в революционном движении было «все схвачено», и все руководящие посты заняты.

И он оказался... совершенно не у дел. Ночевал то у одних знакомых, то у других. Стал публиковать статьи в газете «Новая жизнь» Горького. Парвус с Троцким выпускали три газеты, а Ленину приходилось печататься в чужой! Он ездил в Москву, но и там не нашел себе подходящего применения. Кстати, и Ленин во время революции впервые попробовал себя в роли оратора перед массовой рабочей аудиторией. Но на этом поприще пока выглядел скромно – страшно волновался, нервничал, говорил сбивчиво. В общем, по сравнению с Троцким контраст разительный. Одного опекают, продвигают к руководству. Другой, более заслуженный и авторитетный, предоставлен сам себе и остается никому не нужным. Так что и конкурента обойти Льву Давидовичу отчетливо помогли.

Однако власть в России в 1905 г. оказалась еще сильна. Преодолев растерянность, начала предпринимать меры. 26 ноября был арестован Хрусталева-Носарь. По сути, он и предназначался для такой функции, быть «громоотводом». Но и Троцкому, который после него стал председателем Совета, довелось быть на этом посту лишь неделю. 3 декабря его и весь Петербургский Совет, заседавший в здании Вольного экономического общества, взяли под белы ручки и отправили туда, где и надлежит пребывать подобным деятелям. За решетку. Вскоре туда же загребел Парвус, составив отличную компанию Льву Давидовичу.

Как видим, зараза революции была вовсе не смертельной для России. Как только правительство оставляло путь уступок и экспериментов, начинало действовать решительно, раздразни вполне удавалось преодолеть. Впрочем, и во всем революционном движении наступил вдруг резкий перелом. Который мог бы показаться необъяснимым, если не учитывать международную обстановку. Война с Японией закончилась, однако в Европе разразился новый политический кризис. Спровоцировал его германский кайзер Вильгельм II, решивший, что Россия достаточно ослаблена и настал подходящий момент для реализации собственных планов. Совершая круиз по Средиземному морю, он сошел на берег в Марокко, французской полукolonии, и сделал ряд громких заявлений. Указал, что считает Марокко суверенным государством, что готов всеми силами поддержать этот суверенитет, и требует предоставить Германии такие же права в этой стране, какие имеют французы.

Вот тут уж перепугалось правительство Франции. Стало ясно, что дело не только и не столько в Марокко. Что кайзер ищет предлог для войны, в которой Франция без помощи России обречена быть раздавленной. Обеспокоилась и Англия. Ведь после гибели большей части русского флота главной ее соперницей на морях становилась Германия. А если она раскатает Францию, то станет полной хозяйкой в континентальной Европе, попробуй-ка потом с ней сладить. При поддержке британцев кайзера удалось склонить к проведению международной конференции по марокканскому вопросу в испанском городе Альхесирасе, но немцы были настроены неуступчиво [47]. Неприкрыто бряцали оружием – дескать, ну-ну, посмот-

рим, что предложит ваша конференция. А германский генштаб предлагал Вильгельму просто взять, да и нанести удар – без всяких конференций, без всякой болтовни.

И державы, только что дружно валившие Россию, начали быстренько менять отношение к ней. Комбинация была разыграна опять через премьера Витте. Нашу страну лихорадил финансовый кризис, усугубленный диверсиями Парвуса. Она оказалась на грани грандиозного дефолта. А иностранные банки в займах отказывали. «Общественное мнение» было перевозбуждено против русских. Британские газеты называли царя «обыкновенным убийцей», а Россию «страной кнута, погромов и казненных революционеров», французская пресса вопила: «Давать ли деньги на поддержку абсолютизму?» Но правительство Франции начало уговаривать своих банкиров и парламентариев выделить кредиты Петербургу. По данному поводу было даже заключено специальное соглашение: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости». И с Витте тоже было заключено соглашение – Франция предоставляла «великий заем», позволяющий преодолеть кризис, а Россия за это обязалась на конференции в Альхесирасе поддержать Францию [47, 178]. Таким образом единый антироссийский фронт раскололся. Озаботился и «финансовый интернационал». При сложившейся ситуации крушение России принесло бы главный выигрыш Германии, открыв ей путь к европейскому господству. Международные банковские корпорации подобная перспектива не устраивала. Получалось, что валить Россию еще не время. И финансовые потоки, питавшие революцию, вдруг пресеклись...

В революционном движении сразу пошел разнобой. В Москве, Забайкалье, Прибалтике, Польше, на Кавказе, в ряде других мест по инерции вспыхнули вооруженные восстания. Но они носили очаговый характер и довольно легко были подавлены войсками. А революционные деятели, которых не пересажали, дружно потекли в Финляндию. Еще Александр I, присоединив Польшу и Финляндию, широким жестом даровал им конституции и полное внутреннее самоуправление. Поляки за свои восстания были лишены особых прав. Но финны вели себя умнее. Они никогда открыто не бунтовали и продолжали пользоваться дарованными привилегиями, успешно злоупотребляя ими. Местные власти вели националистическую линию, но исподтишка, не стремясь лезть на рожон. Местная полиция закрывала глаза на русских революционеров, и Финляндия была для них абсолютно безопасным прибежищем. Отъехал на дачном поезде из Питера – и уже не достанут.

Правда, сворачивать революцию левые партии еще не собирались. Ведь, казалось, таких успехов достигли! Ленин и другие лидеры прогнозировали новый подъем в 1906 г. (потом его будут прогнозировать в 1907 г., но так и не дождутся). А пока, чтобы поддерживать накал и нагнетать напряженность, было решено перейти к террористическим методам. Заодно это позволяло осуществлять самофинансирование – путем «экспроприаций», т. е. ограбления банков, казначейств, рэкета богатых людей. Создавались законспирированные дружины боевиков, обучались стрельбе, обращению с бомбами и холодным оружием. На словах некоторые партии осуждали терроризм. Осуждали большевики. Еще в большей степени осуждали меньшевики. Но на деле террором и «эксами» занялись все. Большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, банды беспартийных «зеленых братьев».

Запыхало по всей стране. В. Г. Орлов описывает обстановку в Польше: «Бомбы находили в лукошках с земляникой, в почтовых бандеролях, в карманах пальто, на митингах и даже на церковном алтаре! У террористов всюду были свои тайные мастерские по производству бомб, они все взрывали на своем пути: винные лавки, памятники, церкви, убивали полицейских, всех и вся». Ведут важных свидетелей в полицейский участок под охраной казаков – из окна вылетает бомба, 2 полицейских и 3 казака убиты, 8 тяжело ранены [118]. Практически развернулась война. В Прибалтике сепаратисты стреляли по казачьим патрулям на лесных дорогах, на ночных улицах городов. В Закавказье казакам, посланным разнимать резню армян и азербайджанцев, доставалось от тех и других. На Урале обширная

сеть боевиков под руководством Свердлова вела систематическую охоту на полицейских, казаков, патриотов-«черносотенцев». В 1906–1907 гг. от рук террористов пало 768 только высокопоставленных должностных лиц. А мирных граждан, солдат, чиновников, рядовых полицейских, казаков – тысячи. Еще тысячи были ранены, искалечены...

Сколько именно, мы не знаем. Увы, царское правительство опасалось раздражать «прогрессивную общественность», как будто даже и стеснялось собственных защитников, умалчивало об их гибели, не сообщало об их подвигах. В то время как убийц поддерживали пресса, адвокатура, им рукоплескали, их героизировали молодежь и интеллигенция. Да ведь и с терроризмом было не так все просто! Тоже походило на четкое распределение ролей. Осуществляли террор радикальные нелегальные партии – вроде бы в собственных интересах. Но политические плоды пожинали либералы. Их партии, октябристы и кадеты, после Манифеста от 17 октября стали легальными. И играли на той самой дестабилизации, которую вели революционеры. Использовали ее для давления на правительство, требовали дальнейших политических уступок.

В апреле состоялось торжественное открытие Первой Государственной Думы, в стране начинался «парламентаризм». Но сопровождалось это волной забастовок и антиправительственных манифестаций. А первым актом Думы стало... требование общей амнистии! По России ручьями лилась кровь невинных жертв, гремели взрывы и выстрелы, а «народные избранники» требовали освободить тех убийц и смутьянов, которых удалось поймать! И «общественность» бурно приветствовала такие акции думцев! Но царь уже знал, к чему ведут уступки. И власть, хоть и с опозданием, начала реагировать на атаки жестко. Николай II наконец-то отправил в отставку Витте, назначив премьером решительного Столыпина, который в июле 1906 г. разогнал слишком буйную Первую Думу, а в августе ввел закон о военно-полевых судах, получивших право быстро и без апелляций отправлять преступников на виселицу.

Правда, юрисдикции военно-полевых судов подлежали только лица, захваченные с оружием в руках, террористы, изобличенные явными уликами. То есть мелкая сошка. Преступники более высокого уровня ускользали. А те, кто был арестован, отделялись легко. Троцкий, например, жил в питерских «Крестах» со всеми удобствами. Сохранилась его тюремная фотография – во фраке, с белоснежным воротничком и манжетами, как в великосветском салоне. Его камера и впрямь стала подобием салона. Днем двери не запирались, к нему пускали гостей. Навещали соратники, иностранцы. Еду доставляли из ресторана лучшего качества. Суд открылся в сентябре 1906 г. Троцкий на заседании закатил речь – такую экзальтированную, что довел себя до эпилептического приступа. Разумеется, сорвал овации, восторги молодых людей и восхищение барышень. А законы для «политических», которые самолично не стреляли, не взрывали и не резали, оставались мягкими. Ссылка. Хотя руководящую роль Льва Давидовича все же учли, ссылку дали бессрочную, на «вечное поселение» в Тобольскую губернию. Его покровителя Парвуса сослали в Туруханский край.

Но до места назначения не доехал ни тот, ни другой. Деньгами сообщники их снабдили еще в Питере. Документы передали по пути – поскольку везли «политических» уважительно, не чиня строгостей и неудобств. Троцкий удрал из Березова. Потом придумал очередную «красивую» историю. Будто это он сам, собственным умом, хитростью и ловкостью обставил царское правительство – привлек крестьянина, через него договорился с пьяницей-зыряннином и, рискуя жизнью, мчался сотни километров на оленях по страшной зимней тундре. Ясное дело, все это Лев Давидович насочинял, абышний раз выставить себя героем. Без сомнения, ему помогли. В результате и стража не сразу спохватилась, и зыряннина кто-то напоил и уговорил. И явки Лев Давидович получил. На оленях он проделал вполне обычный на Севере путь – до ближайшей железнодорожной станции. Сел в поезд, а вскоре

был уже в Финляндии. Парвус, в отличие от Льва Давидовича, приключенческих историй не придумывал. Он просто сбежал с дороги и прибыл туда же, к гостеприимным финнам.

А тем временем революция неотвратимо угасала. Прогнозы Ленина о новых ее подъемах не оправдывались. Простому народу раздраз, убийства из-за угла, взрывы уже поперек горла встали. Эффективными оказались и карательные меры. Военно-полевые суды действовали всего 8 месяцев, за это время было казнено 1100 человек [148], потом царь в угоду думцам и «общественности» отменил непопулярную меру. Но революционеры поджали хвосты, беспредел пошел на убыль. Столыпин наводил порядок жесткой рукой, и финские власти тоже призадумались. Рыльце у них было «в пушку», они грехи за собой хорошо знали. Теперь заопасались, как бы за это не поплатиться. И начали рьяно демонстрировать лояльность. Финская полиция, изображая сотрудничество с российской, стала проводить рейды по дачным и курортным поселкам, где гнездились революционеры. Впрочем, самих их заблаговременно предупреждали, чтобы успевали скрыться. И они потекли туда, откуда прибыли, за границу...

Как приезжали в Россию порознь, так и уезжали по-разному, у кого как получится. Ленина сперва переправили в глубь Финляндии, надеялись спрятать на лесных хуторах. Крупская вспоминала: он так устал от революционных перенапряжений, что «первые дни ежеминутно засыпал – сядет под ель и через минуту уже спит». Но и в лесной глуши оказалось уже ненадежно. И садиться на пароход, чтобы ехать в Швецию, в большом порту было опасно. Владимир Ильич уходил на острова по льду, чуть не погиб, провалившись в полынью. Потом Ленин и Крупская без пристанища скитались по Германии, отравились рыбой в какой-то второсортной харчевне... Троцкий подобных неудобств избежал. Закулисные покровители его не оставили. Он быстренько написал книжку «Туда и обратно» – о своем захватывающем «путешествии» в Россию. Мгновенно нашлись издатели, его произведение раскрутили до уровня бестселлера. После чего он и Парвус с семьями поехали отдыхать в Саксонскую Швейцарию.

Кстати, Хрусталеву-Носарю никто никаких побегов организовывать не стал. Ни «доброжелателей» с деньгами, ни сочувствующих крестьян и пьяных зырян, ни лопухов-стражников не нашлось. И председателю Петербургского Совета, номинальному «лидеру № 1» революции пришлось «мотать срок» до 1917 г. Он больше не был никому нужен. При советской власти он попытается напомнить о себе, качать права, избличать Троцкого. И будет расстрелян.

7. Как эмиграция бедствовала и перессорилась

Схлынув за границу, революционная публика тут же занялась самым привычным, самым любимым своим делом. То бишь перессорилась и принялась лаяться между собой. Социалисты нападали на либералов. Социал-революционеры грызлись с социал-демократами. Но и внутри партий единства не было, социал-демократия развалилась на множество групп. Кроме большевиков и меньшевиков выделились «впередовцы» – после отъезда Ленина в Россию в редакции «Вперед» стали задавать тон Богданов, Базаров, Луначарский и др., пытаясь соединить социалистические учения с масонской мистикой, за что подверглись атакам Плеханова и Ленина. Появились течения ликвидаторов, отзовистов, ультиматистов, примиренцев, ленинцев, красинцев и т. п. И все враждовали друг с другом.

А западные державы, косясь на военные приготовления Германии, продолжали курс на улучшение отношений с Россией. Вслед за Францией демонстративные шаги к сближению предприняла Англия. Начались переговоры о заключении русско-британской конвенции и разделе сфер влияния в Иране, Афганистане, Тибете [47]. Состоялась встреча английского короля Эдуарда VII с Николаем II. Причем британским политикам точно так же, как ранее французским, пришлось убеждать собственную «общественность» притормозить раздутую русофобскую истерию. Министр иностранных дел Грей доказывал, что «Антанта между Россией, Францией и нами будет абсолютно безопасна. Если же возникнет необходимость осадить Германию, это можно будет сделать».

При таких политических поворотах у революционеров возникали дополнительные трудности. В пристанище им не отказывали, принимали. Но смотрели косо, создание баз для нелегальной работы не приветствовали. Ленин сперва обосновался в Швейцарии, писал Виктору Адлеру, чтобы помог устроиться в Австрии и издавать там газету. Нет, на этот раз Адлер остался глух к его обращениям. Владимиру Ильичу пришлось перебраться в Париж. Революционеры лишились и финансовой поддержки со стороны зарубежных покровителей. Проигравшим не платят, да и слишком много их набежало. И львиная доля партийных усилий нацеливалась теперь на то, чтобы достать деньги. Сначала пытались добывать их «проверенным» путем, с помощью «эксов». Но только испортили собственную репутацию в глазах иностранцев. Когда террористы убивали российских сановников, полицейских, солдат, случайных граждан, западная «общественность» воспринимала это спокойно, а то и одобрительно – ведь гибли «слуги царского режима». Однако ограбления банков и казначейств – это было совсем другое. Для европейцев такие преступления выглядели чистой гангстерской уголовщиной.

В этих операциях впервые выдвинулся еще один видный революционер, Иосиф Виссарионович Джугашвили. Он происходил из совершенно иной среды, чем Ленин, Троцкий, Коллонтай. Родился в семье бедного крестьянина, зарабатывавшего на жизнь сапожным ремеслом. В 1888 г. поступил в Горийское духовное училище, во всех классах был первым учеником и окончил с отличием. В 1894 г. был принят в Тифлисскую духовную семинарию. Но нередко в нем брало верх «мирское». Писал неплохие стихи, их публиковала газета «Иверия». Подписывал их псевдонимом «Коба» – по имени романтического разбойника из книги писателя Казбеги. Кстати, много позже, когда он станет вождем, лизоблюды готовят книжку его стихов. Иосиф Виссарионович запретит ее издавать. Хотя специалисты, в том числе антисталинист Симонов (после смерти Сталина) признавали, что стихи были хорошие.

В Тифлисе проживало много революционеров. После ссылок им возбранялось селиться в Питере и Москве, а здесь – пожалуйста. И административный центр Грузии, город красивый, большой, оживленный, пользовался у них популярностью. Учащиеся мест-

ных учебных заведений, как губка, впитывали их идеи. Заразился ими и Джугашвили. Был исключен из семинарии. В 1902 г. первый арест, первая ссылка в Иркутскую губернию... Джугашвили участвовал в революции 1905 г. Но не был еще ни лидером, ни теоретиком. Он проявил себя организатором-практиком. И в таком качестве ему поручили формировать группы боевиков на Кавказе. Он взялся за дело горячо, увлеченно. И уже с новым содержанием, новым смыслом носил прежний псевдоним, Коба. Очевидно, по молодости и впрямь считал, что играет роль «благородного разбойника».

Но первый его крупный успех обернулся для большевиков большими неприятностями. Из-за границы шли требования денег. И Джугашвили организует прямо посреди Тифлиса нападение на транспорт Тифлисского банка. Взрыв, крики, револьверная пальба – и кони уносят заветную карету прочь по горбатым городским улочкам... Однако основная часть захваченных денег оказалась в крупных новеньких купюрах по 500 рублей. Российское правительство сразу передало в полицию других государств их номера. При попытках разменять купюры несколько человек было задержано в Стокгольме, Цюрихе, Женеве, Мюнхене. Все они принадлежали к большевикам. Разразился скандал. А в Берлине при аресте денежных курьеров попался Тер-Петросян (Камо). При нем нашли чемодан с динамитом. Тут уж западные обыватели вообще взвыли от возмущения. Если революционеры взорвут хоть всю Россию – шут с ней. Но получалось, что они опасны самим этим обывателям, разъезжают с чемоданами взрывчатки по европейским городам, останавливаются в частных домах и отелях. Шум поднялся такой, что случай с Тер-Петросяном стал уникальным, он оказался единственным революционером, кого выдали России.

Большевикам пришлось свернуть «эксы», отречься от них и публично осуждать их. Но деньги-то были нужны... Чтобы достать их, разыграли историю с психически ненормальным фабрикантом Шмидтом. За участие в восстании 1905 г. он попал в тюрьму. Ему удалось внушить, чтобы написал завещание, где он отказал все капиталы социал-демократической партии. И сразу после этого он ушел из жизни. То ли уголовники зарезали, то ли с собой окончил. Но как-то очень уж «вовремя», чтобы деньги по завещанию получить. Родственники покойного такое завещание, естественно, опротестовали. Революционеры не унимались, стали обрабатывать сестру Шмидта Елизавету, чтобы уступила свою долю наследства. Она была несовершеннолетней, распоряжаться средствами не могла. Но выход нашли. Сожителем Елизаветы стал Михаил Таратута (Арон Шмуль Рефулов). Он-то и помог уговорить ее на нужные действия. Ей оформили фиктивный брак с большевиком Игнатьевым, что сняло проблему несовершеннолетия. И доступ к деньгам открылся.

Однако в ЦК РСДРП заправляли меньшевики, которые немедленно сцепились с большевиками из-за этих сумм. Деньги-то были завещаны партии, а партия еще считалась одной, и меньшевики стали требовать передать их ЦК. То бишь им. Пошли отвратительные споры и дразги. Обе стороны друг дружке не доверяли, откровенно подозревали, что соперники просто хапнут денежки. И чтобы выйти из тупика, пришлось придумывать компромиссы. Несколько представителей международной социал-демократии стали «держателями», взяли на себя обязанность хранить средства, а выделять не большевикам или меньшевикам, а только в тех случаях, когда они вместе определяют необходимость в деньгах.

Отыскивались и другие источники – подачки Горького, благотворительные концерты сочувствующих русских артистов. В 1907 г. состоялся конгресс Интернационала в Штутгарте, куда прибыл представитель американских социалистов Джулиус Хаммер. Не просто социалист, а еще и бизнесмен. Уроженец Одессы, в США он сделал себе состояние на мошенничестве. Покупал в кредит аптеки, а потом переводил все средства на жену и объявлял себя банкротом, не возвращая долги. Хаммеру очень понравился Ленин. Мошенник-социалист предложил наладить финансирование большевиков от американских банкиров – при своем посредничестве.

Но пока это оставалось только обещаниями. Деньги скребли по копейкам, и эмигранты бедствовали. Правда, революционеры из рабочих могли устроиться нормально, поступали на иностранные заводы. Но большинство было из интеллигенции, к труду не привыкшей. И не имевшей никакого желания привыкать. Стремились существовать за счет пустой партийной кассы. Голодали, влезали в долги, перебивались дрянной едой в эмигрантских «столовках». Впрочем, к руководству это не относилось. Для него худо-бедно удавалось наскреести. Не роскошествовали, но на жизнь имели. Ленин и Крупская всюду возили с собой мать Надежды Константиновны, содержали домработницу. Выезжали за партийный счет в разные страны на социалистические съезды, конференции. Когда Ильич устал, для него оказывалось возможным съездить на недельку в Ниццу, смотаться к Горькому на Капри, отдохнуть с женой в недорогом горном пансионе.

Живая работа по сути заглохла. Поддерживали самих себя лишь иллюзией активной деятельности. Тиражи партийных газетенок составляли 1–1,5 тыс. экз., брошюр и книг 300–400 экз. Создавались «партийные школы» для подготовки «рабочих агитаторов». На Капри – 12 человек (из них 2 провокатора). В Лонжюмо – 15 человек (1 провокатор). Преподавателей оказывалось чуть ли не больше, чем слушателей. В Лонжюмо, например, занятия вели Ленин, Инесса Арманд, Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд), Семашко, Рязанов, Раппопорт, Стеклов (Нахамкес), Финн-Енотаевский, Луначарский, Вольский. Выпускники школ никакого заметного следа в революционной истории не оставили, только там и мелькнули их фамилии. Устраивались теоретические «рефераты» в пивных – для десятка-другого участников. За пивком чего ж не теоретизировать? А практически все «рефераты», все партийные съезды и конференции выливались в грызню между фракциями и группировками. Страницы социал-демократических газет были заполнены той же тематикой. Впередовцы, ленинцы, плехановцы и прочие течения поливали друг дружку, уличали в сплошных ошибках и марксистской безграмотности, перемывали личности.

Однако положение было таким плачевным не у всех социал-демократов. Троцкому, например, не приходилось бороться за средства к существованию, изыскивать возможности для продолжения революционной работы. Неким «волшебным образом» вокруг него все образовывалось «само». Он поселился в Вене. Снимал приличную квартиру, вступил в социал-демократическую партию Австрии и Германии, стал корреспондентом германской газеты «Форвертс», получая от нее гонорары. Когда передралась и распалась на группировки вся социал-демократическая эмиграция, то же самое произошло с украинской социалистической организацией «Спилка». Газета «Правда», которую она выпускала во Львове, из-за внутреннего раздора совсем захирела. И австрийцы, курирующие националистов, порекомендовали им взять редактором Троцкого. К нему поехала делегация «Спилки» для переговоров. Лев Давидович выдвинул свои условия о том, какой должна стать газета. Украинцам они не понравились, большинство руководства «Спилки» проголосовало против.

Но... они существовали только благодаря поддержке австрийских спецслужб. К Троцкому явился некий человек (кто именно, остается тайной, личность нигде не называется) и предложил возглавить «Правду» без всяких дальнейших переговоров. Так, как сочтет нужным. Лев Давидович развернул ее издание уже не во Львове, а в Вене. И «Спилка», все еще считавшая, что «Правда» – ее газета, вскоре поняла, что ее попросту «кинули», оставили за бортом. Пыталась протестовать, жаловаться – куда там! Голоса украинцев в Австро-Венгрии «не услышали». Деньги для издания «Правды» стали поступать от одного из лидеров социал-демократии Германии, редактора немецкой «Форвертс» Хильфердинга. Сохранившиеся финансовые документы показывают, что он регулярно выплачивал Троцкому по 3000 крон. А вокруг газеты стали формироваться первые кадры троцкистов – Адольф Иоффе, Моисей Урицкий, Матвей Скобелев, Володарский, Копп.

Любопытно, что некоторые революционеры в период эмиграции принимали чужие вероисповедания. Так, сбежавший в Германию уральский боевик Янкель Юровский, будущий цареубийца, перешел там в лютеранство. И Троцкий тоже, когда у него стали подрастать двое детей от второго брака, разрешил их окрестить по лютеранскому обряду, отдал в лютеранскую школу. Такое Лев Давидович допускал, говорил, что это «удобная портативная религия». С одной стороны, фактически ни к чему не обязывает, кроме некоторых чисто внешних атрибутов. А с другой – может пригодиться. Для маскировки иных взглядов, для политической карьеры – ведь лютеранство на Западе считается солидным, весьма уважаемым вероисповеданием.

Впоследствии Лев Давидович (в округлых выражениях) указывал, будто он посещал лекции в Венском университете. Это давало ему предлог выставить себя высокообразованным человеком, относиться свысока к «недоучкам». На самом деле никаких свидетельств того, что Троцкий получил в Австрии высшее образование, нет. Его фамилия не значится среди университетских выпускников. Никто и никогда не упоминает, что видел его диплом. И ни в одном архиве, ни в одной описи документов не значатся ни сам диплом, ни какие-либо его копии или ссылки на него. Единственный источник, сообщающий о повышении образования, – сам Троцкий. Так что и здесь он приврал. И если действительно бывал из любопытства на каких-то лекциях, то остался чистой воды недоучкой.

Зато известно, что он с величайшим интересом изучал теории Фрейда. Между ними даже возникли некоторые связи. Фрейд жил и практиковал в том же доме, где располагалась квартира Виктора Адлера. Сын Адлера Фридрих был сотрудником и помощником Фрейда, у него лечился Иоффе, страдавший психическими и половыми расстройствами. И через них Лев Давидович познакомился с самим великим психоаналитиком, сводящим всю глубину человеческой души и разума к сексуальным проблемам и извращениям. Троцкий ходил к нему на лекции, запоем читал его работы и был от них в полном восторге, даже сравнивал их по глубине и значению с учением Маркса. Заглядывал Лев Давидович и к Виктору Адлеру, который по-прежнему покровительствовал ему. И ввел его в австро-германский политический «бомонд». Троцкий регулярно бывал в респектабельном кафе «Централь», где собиралась элита политического, интеллектуального, делового мира. Причем эта элита почему-то принимала Троцкого в свою среду! Казалось бы – ну кто он такой? Неудачник-революционер, один из многих редакторов эмигрантских газеток. Но нет, известные политики общаются с ним как с равным. Он «тусуется» с Хильфердингом, Карлом Ренне, Отто Бауэром, другими лидерами европейской социал-демократии, запросто сидит за столиком и играет в шахматы с самим Ротшильдом...

Хотя фигура Троцкого в «бомонд» ну никак не вписывалась! Не вписывалась, несмотря ни на какие его потуги. Его распирали амбиции, он пыжился изображать из себя историческую личность. Но все это во Льве Давидовиче удивительным образом сочеталось с повадками мелкого местечкового торговца. И, видимо, такие повадки были частью его «я», на уровне инстинктов. Троцкий даже не задумывался, что ему могут повредить крайняя мелочность, скаредность, копеечная жадность, доходившая до мелкого жульничества. Он объявлял себя вегетарианцем, чтобы экономить на еде. Любил занимать в долг, никогда не отдавая, и многие знакомые из-за такой привычки стали избегать встреч с ним. Завидев на улице, сворачивали в сторону. Часто, задолжав в кафе, «забывал» об этом. Никогда не давал на чай официантам и прислуге – придумал благовидный предлог, что чаевые «унижают работника». Периодически Лев Давидович переезжал с квартиры на квартиру, не расплатившись с прежними хозяевами.

Но и такие выходки австрийским «высшим светом» ему прощались! О них знала вся Вена – и только тузы политики и бизнеса делали вид, будто ничего не замечают. Позволяли ему чувствовать себя человеком «их круга». Перед ним не закрывались двери элит-

ных кафе и салонов. Ему всегда удавалось найти новое хорошее жилье, невзирая на славу неплательщика... Покровители, делавшие на него ставку, считали, что он еще будет полезен. И его берегли, с ним терпеливо (и не брезгливо) возились, готовили для будущих игр. Но не только для будущих. Его уже использовали. Несколько позже, собирая материалы о Троцком, русская контрразведка получила доказательства его активного сотрудничества со спецслужбами Австро-Венгрии. Начальник внешнего наблюдения заграничной агентуры Департамента полиции А. Багио представил своему руководству донесение: «Лозанна. Подлинным письмом венской полиции лейтенант Эйлешкери подтверждает, что Лев Давидов Бронштейн, известный как Троцкий, служил в австрийской политической полиции» (ЦГОАР СССР, Ф-9430, оп. 1, д. 530). Один из руководителей русской жандармерии, генерал А. И. Спиридович, уже в эмиграции, в книге «История большевизма в России» также свидетельствовал, что Троцкий «состоял на службе у австрийской полиции» [151]. А в справке русской контрразведки от 19.10.1916 г. отмечалось, что он работал и на разведывательный отдел генштаба Австро-Венгрии, где состоял под началом полковника Таковского [34]. Стоит ли удивляться, что все его дела складывались «сами собой»?

8. Как Россию решили поставить на колени

От ущерба, который был нанесен России войной и революцией, наша страна сумела оправиться очень быстро. Казалось, она в полной дыре – политический хаос, междоусобица, промышленность и транспорт парализованы, экономика катится в глобальный кризис. Но внутренние силы России оставались огромными. И как только правительство восстановило порядок, кризис сменился новым бурным подъемом. За 13 предвоенных лет объем промышленного производства вырос втрое. В 1907 г. были завершены политические реформы, в 1912 г. принят закон об обязательном начальном образовании. Страна достигла высочайшего расцвета культуры. Авторитетный критик и культуролог того времени Мэтью Арнольд, которого называли «законодателем вкусов», писал, что с конца XIX в. в области мировой литературы «французы и англичане потеряли первенство», оно перешло к «стране, демонстрирующей новое в литературе... Русский роман ныне определяет литературную моду. Мы все должны учить русский язык». А французский экономист Э. Тери указывал: «Если в 1912–1950 гг. великие европейские державы будут развиваться такими же темпами, как в 1900–1912 гг., то к середине этого века Россия займет в Европе доминирующую роль как с точки зрения политической, так и с точки зрения экономической и финансовой» [168].

Подобный рывок во многом стал неожиданным для зарубежных соперников. Они-то полагали, что сумели достаточно «тормознуть» русских, и им придется ох как долго расхлебываться с навалившимися на них проблемами. Теперь западные державы снова озаботились. Для Германии и Австро-Венгрии Россия опять вырастала в серьезное препятствие их военным и геополитическим планам. Англии и Франции Россия пока требовалась в качестве союзницы против Германии. Но союзницы «второго сорта», которой можно манипулировать, а не такой союзницы, которая будет диктовать свои условия и в результате побед еще больше усилится. Ну а для США Россия опять выглядела самым опасным конкурентом. И закулисные круги западных держав, даже относящихся к разным лагерям, возобновили подрывную деятельность.

Впрочем, некоторые ее и не прекращали. Так, Яков Шифф совершенно достал президента Рузвельта предложениями о различных акциях, направленных против России. И Рузвельт начал открыто отвергать подобные инициативы, указывая, что они нанесут ущерб интересам самой Америки. Что ж, тогда группировка Шиффа начала торг с другими политиками. При подготовке очередных президентских выборов в 1908 г. сделала предложения всем кандидатам включить антироссийские пункты в свои предвыборные программы и речи – дескать, кто согласится, того и поддержим. И преемником Рузвельта стал Тафт, давший нужные обещания.

В 1911 г. Россию всколыхнуло громкое дело Бейлиса. Иудейского сектанта, арестованного в Киеве по обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Из него многочисленными уколами выпустили всю кровь. По мнению историков М. Геллера и А. Некрича, само это дело было провокацией. «Пробным камнем», предназначенным определить настроения внутри России, соотношение патриотических и «прогрессивных» сил [139]. Если так, то результаты получились «обнадеживающими». Вся российская общественность дружно поднялась в защиту Бейлиса, газеты, думские депутаты, интеллигенция, студенты гневно обрушивались на «антисемитов» и «черносотенцев», объявляли дело сфабрикованным. Суд присяжных Бейлиса оправдал.

Но процесс имел огромный резонанс и за рубежом. Дал старт пропагандистской кампании, раздувавшей возмущение по поводу «русского антисемитизма». Подконтрольный Шиффу «Американский Еврейский комитет» требовал от президента США жесткой официальной реакции. От выполнения антироссийских обещаний, которые он надавал перед

выборами, Тафт пытался уклоняться, спустить их на тормозах. Но на него было оказано мощное давление. Конгресс США единогласно проголосовал за расторжение русско-американского торгового договора 1832 г. И правительству Тафта пришлось подчиниться. В декабре 1911 г. договор был денонсирован. Правда, для России вред от такого шага стал только политическим. Куда больше проиграли американские производители и поставщики, связанные с нашей страной. А выиграли... немцы. Которые пользовались выгодами своего торгового договора, навязанного России в 1904 г. И американские товары на нашем рынке замещались германскими, филиалы американских фирм попадали под контроль немцев. Ну да ведь и Шифф был связан с Германией. Так что он и в материальном плане, надо думать, не прогадал.

А в 1912 г. в США состоялся международный сионистский съезд. Причем, стоит подчеркнуть, съезд отнюдь не тайный, о котором можно было бы спорить, имел ли он место в действительности. Нет, он проходил открыто, пышно, торжественно. Прибыли 3 тыс. представителей из разных стран, ход мероприятия широко освещался прессой. Ключевым моментом съезда стало выступление компаньона Шиффа, банкира Лоеба. Газета «Нью-Йорк Сан» сообщала: «Пылающий страстью Герман Лоеб, директор Департамента продовольствия, обратился с речью к присутствующим трем тысячам евреев... «Конечно, неплохо отменять договоры, – пояснил он, – но лучше... освободиться навсегда от имперского деспотизма... Давайте собирать деньги, чтобы послать в Россию сотню наемников-боевиков. Пусть они натренируют нашу молодежь и научат ее пристреливать угнетателей, как собак... Подобно тому, как трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам, она должна будет уступить богоизбранному народу... Деньги могут это сделать». И «Нью-Йорк Сан» резюмировала: «Евреи всего мира объявили России войну» [124, 139].

Да, это не скрывалось, об этом писали газеты. Был создан специальный фонд, чтобы «поставить Россию на колени». Начинание горячо поддержал один из крупнейших финансовых тузов Британии лорд Мильнер – директор лондонского банка «Джойнт Сток», поддерживали Ротшильды, Варбурги... Разумеется, знали об этих событиях и в Петербурге. Но ведь царское правительство упорно старалось играть по чужим правилам. По западным. Подстроиться к чуждой для России западной цивилизации, вписаться в нее, чтобы признали «равными». Поэтому вместо адекватной реакции Петербург прилагал усилия, разъясняя «международной общественности», что никакого угнетения евреев в России нет. Но была ли разница силам «мировой закулисы», есть оно или нет? Предлог-то хороший.

В Америке, как пишет Присцилла Робертс, Шифф и его компаньоны сочли позицию Тафта недостаточно антироссийской. И он удержался в президентском кресле только один срок. Ставка была сделана на Вудро Вильсона. Человека, в высших эшелонах власти абсолютно нового, до пятидесятилетнего возраста вообще не имевшего отношения к политике. Это был крупный ученый, профессор Принстонского университета, автор десятка фундаментальных трудов, в том числе многотомной «Истории американского народа». Его выдвижению способствовала внутренняя обстановка в США. Историки, которые традиционно изображают в самых мрачных тонах Россию начала XX в. – «засилье чиновников», «реакционность» власти, трудности рабочих и крестьян, почему-то забывают (или просто не знают), что положение Америки в это же время было гораздо хуже. Она балансировала на грани настоящей катастрофы.

Без «засилья чиновников» – такого, как в России, без стабилизирующей роли царской власти, быстрый промышленный рост привел к колоссальным перекосам. США захлестнула коррупция, скандалы следовали один за другим. Тафта сенаторы сравнивали с «огромным дружелюбным островом, окруженным со всех сторон людьми, которые очень хорошо знали, что им нужно» [62]. Олигархи, подмяв власть под себя, хищнически грабили собственный народ. Шла беспардонная «приватизация» нефтяных, угольных, золотоносных

месторождений, выгодных подрядов, земель под промышленное и железнодорожное строительство. Пресекались любые законодательные инициативы по введению минимальной заработной платы, социальному страхованию, охране труда – словом, все, что сулило воротилам лишние расходы. Крупные корпорации под предлогом «национальных интересов» пользовались налоговыми льготами, на новые рискованные проекты получали субсидии из казны. Ограничивался ввоз импортных товаров, но при этом вздувались цены на отечественные. А закупочные цены на сырье, сельскохозяйственную продукцию искусственно понижали, разоряя фермеров, мелких предпринимателей. Америка подошла к черте такого социального взрыва, что российская революция по сравнению с ним показалась бы детскими шалостями.

И Вильсон разработал теорию под названием «Новая свобода». Указывал, что американское общество выродилось в «корпоратизм», и писал: «В действительности мы находимся во власти огромной безжалостной системы... Американская предприимчивость не пользуется свободой: человеку, обладающему только небольшим капиталом, становится все труднее начинать какое-нибудь дело и все невозможнее конкурировать с крупным дельцом. Почему? Потому что законы нашей страны не запрещают сильному подавлять слабого». «Мы превратились в одно из наиболее плохо управляемых, одно из всесторонне контролируемых и доминируемых правительств цивилизованного мира... в правительство, подчиненное воле и давлению небольших групп». Доказывал гибельность подобного пути и предлагал меры по переходу к «обществу равных возможностей» [62].

За Вильсона и его теорию ухватилась Демократическая партия. Перед этим она 20 лет подряд проигрывала выборы. Поэтому решила на нестандартный ход, взялась раскручивать профессора в качестве своего кандидата. И ясное дело, его критика «корпоратизма», борьба за права и возможности «маленького человека» нравились избирателям. А сам Вильсон был глубоко верующим протестантом и пришел к искреннему убеждению, что призван Богом для спасения Америки. А может, и не только Америки. Его называли «пресвитерианским священником» и «воинствующим праведником». Успех его избирательных кампаний превзошел все ожидания. В 1910 г. он был избран губернатором штата Нью-Джерси, а уже в 1912 г. – президентом с рекордным в истории США перевесом голосов.

После выборов к нему явились партийные боссы демократов для дележки «теплых мест» – в США это было принято, практиковалось традиционно. Кто помог стать президентом, тот получает вознаграждение в виде правительственных постов и окладов. Но Вильсон вдруг выгнал вон лидеров Демократической партии! Объявил, что никому ничего не должен, поскольку президентом он стал по воле Бога. Провозгласил, что его правительство будет служить только народу, отстаивать общественные интересы, а не частные... Это тоже произвело впечатление на рядовых американцев. Наконец-то нашелся настоящий защитник сограждан!

На самом же деле рядом с Вильсоном всегда отирался серенький, малоприметный человек. Полковник Хаус, которого президент считал ближайшим личным другом и умнейшим советником. И именно он руководил действиями увлекающегося, плохо разбирающегося в политике профессора. Исподволь внушил ему мысль о «богоизбранности». Подсказывал выигрышные предвыборные ходы и альянсы. И стал при нем «серым кардиналом». А через Хауса, видного бизнесмена и масона, Вильсона взяли под контроль крупные банкиры. Через него президента настраивали и против России. Как ярый протестант, он горячо воспринял доводы Хауса, что Православие «слишком ортодоксально», слишком нетерпимо к протестантским конфессиям и сектам. А значит, русские – вообще «не настоящие» христиане.

Вот и сопоставьте, что в том же самом 1912 г., когда «финансовый интернационал» принял решение о «войне» против России, когда он сделал президентом США свою полную марионетку, начался «новый подъем» революционного движения. В Петербурге под

крылом социал-демократической фракции Думы начала издаваться новая легальная газета «Правда» (чем Троцкий очень возмущался, говорил, что у него украли название). Большевики провели Пражскую конференцию. Создали на ней свой ЦК, отдельный от меньшевистского, сформировали Русское бюро ЦК. И часть эмиграции двинулась обратно в Россию.

Революционерам вновь принялись помогать западные правительства, «общественность». В Голландии был создан общественный «Комитет помощи политзаключенным в России». Он ставил перед собой задачи бороться «против тюрем и казней русского самодержавия», «информировать Европу о преступлениях царизма». Власти Австро-Венгрии, как уже отмечалось, в 1908 г. отнеслись к большевикам прохладно, не позволили развернуть сеть организаций на своей территории. Но в 1912 г. вдруг резко меняют позицию. Ленин сумел теперь обосноваться в Кракове, у самой русской границы. Здесь сформировалось крупное гнездо революционеров, туда-сюда сновали курьеры, переправлялась литература. Как вспоминала Крупская, «в Кракове полиция не чинила никакой слежки, не просматривала писем и вообще не находилась ни в какой связи с русской полицией». Неужто не замечала столь активного центра? И того, как через границу по «полупаскам» (проходным свидетельствам для жителей приграничной полосы) десятками проезжают подозрительные личности [86]? Не заметить этого было невозможно. Значит, получила команду не мешать и не тревожить.

Обращает на себя внимание еще один факт. Возникают любопытные «пары». Например, младший брат Якова Свердлова, Бенямин, совсем молодой человек, как только закончил гимназию, уехал в США. И удивительно быстро пошел там «в гору». Всего за несколько лет стал владельцем «небольшого банка» [7]. Точнее, банковской конторы, которая официально занималась переводами денег от евреев-эмигрантов для их родственников в Россию. Контора процветала, ее офис разместился в самом центре Нью-Йорка, на Бродвее. Вот и спрашивается, как же Бенямину удалось этого добиться? Достаточных капиталов у него быть не могло. Папаша-Свердлов, владелец граверной мастерской в Нижнем Новгороде, таких сумм не имел. И не дал бы, он был известен своей жадностью, всех детей от первого брака разогнал кого куда, не заботясь об их дальнейшем существовании.

Но ведь контора Бенямина была идеальным каналом для переброски средств в Россию. Кто проверит, какому «родственничку» переводятся деньги от троюродных дядюшек? Очевидно, Свердловых «заметили». Беня, скорее всего, ехал в Штаты уже с нужными рекомендациями – куда и к кому обратиться. И возникла «пара»: один брат за границей, в банковской системе, второй – «полевой командир» в России. Причем и Якова Свердлова в этот же период начинают усиленно «продвигать» некие тайные силы. Никаких особых заслуг он еще не имел. Был одним из многих партийных функционеров среднего звена, полгода возглавлял уральский «куст» боевых дружин. После чего его жизнь в течение 11 лет стала непрерывной цепью отсидок и ссылок. Только убегал, появлялся на воле, брался за нелегальные дела, как его сразу арестовывали. Но в 1912 г. его, находившегося в очередной ссылке, вдруг заочно кооптировали в ЦК большевиков и в Русское бюро ЦК. Кто предложил его кандидатуру, до сих пор остается неизвестным. Но с братцем он связи поддерживал, не прерывал. Переписывался с Беней из Сибири, предлагая, например, «гешефт» – организовать из ссыльных кооператив по покупке пушнины и толкать ее в Америку.

Еще более яркая «пара» сложилась с участием Троцкого. У него остались в России четыре дяди, братья матери, Анны Львовны – Абрам, Тимофей (Тевель), Давид и Илларион Животовские. Все были солидными предпринимателями. Особенно успешно шли дела у Абрама Львовича. Он за 15 лет возвысился от помощника провизора провинциальной аптеки до купца 1-й гильдии, банкира, миллионера. Ворочал солидными делами в Киеве, стал держателем больших пакетов акций Русско-Азиатского, Торгово-промышленного, Сибирско-торгового банков, имел вложения в Путиловский завод. Напрашивается вывод, что и его головокружительный взлет обеспечила поддержка «сил неведомых». На одного родствен-

ника делают ставку за рубежом, другому способствуют внутри России. Успешному бизнесу Животовских немало способствовали и масонские связи. В 1909 г. возникло дело князя Д. О. Бебутова, одного из учредителей масонских лож в России. По этому делу был составлен список из 385 видных масонов. Открывали его, стояли на первом месте, Абрам и Давид Животовские [139].

Кроме этого, вхождение в высшие банкирские круги обеспечивалось брачными союзами. Без этого было нельзя, это было обычной практикой и в Европе, и в Америке. И у Животовских такие связи возникли. Например, с Бродскими, крупнейшими тузами в Киеве. Лазаря Израилевича Бродского называли «еврейским королем». Он скупал земли на подставных русских лиц, монополизировал судоходство по Днепру, задушив всех конкурентов, был акционером всех киевских банков, полным хозяином российской сахарной промышленности, подмял под себя всю общественную жизнь Киева и Юго-Западного края [56]. Но с международным сионизмом имел ряд противоречий, осуждая «палестинский проект». Он считал, что новой «землей обетованной» должна стать Россия. Бродские были в родстве с Ротшильдами, Каганами, Грегерами, Горовицами. Таким образом и Троцкий через дядю Абрама стал не просто одним из революционных вожakov, а членом банкирской «семьи».

Существовали и другие родственные связи. Племянник матери Троцкого, Шпенцер, у которого Лев Давидович квартировал во время учебы, стал очень крупным издателем, главным редактором «Одесских новостей». И частенько публиковал статьи родственника-эмигранта. На сестре Троцкого Ольге женился Лев Каменев (Розенфельд). А сын Тевеля Животовского, двоюродный племянник Троцкого, женился на сестре Ю. О. Мартова. Стало быть, и эти революционеры попали в «семью». Характерной «парой» стали и Менжинские. А. Р. Менжинский – крупный российский банкир, член правления Московского Соединенного банка. А его брат В. Р. Менжинский – революционер, будущий руководитель ЧК [154].

Готовя новую атаку на Россию, закулисные политические силы и иностранные спецслужбы предприняли попытку снова объединить в общий фронт перессорившуюся российскую социал-демократию. Сплотить ее осколки предполагалось вокруг Троцкого. Ко всем прочим «достоинствам» он выглядел наиболее «нейтральным» из лидеров. Занимал промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками. И казалось, что к нему можно будет «подтянуть» тех и других. От лица Троцкого и его сторонников в августе 1912 г. в Вене была организована партийная конференция. Она получилась куда более представительной, чем ленинская, Пражская. К участию в ней удалось привлечь часть меньшевиков – группировки Мартова и Дана, часть большевиков – группировку «впередовцев». Провозглашалось объединение социал-демократических сил, создание так называемого «Августовского блока».

Но затея оказалась пустой. Распад социал-демократии зашел слишком глубоко. От большевиков отказались присутствовать на конференции «цекисты» (ленинцы), «примиренцы», от меньшевиков – плехановцы, отвергли ее поляки и ряд других национальных групп. На самой конференции, когда один из главных докладчиков Б. Горев (Гольдман) объявил, что старой партии по сути не существует и сборище должно стать «учредительным», образовать новую партию, многие делегаты обиделись. Они-то считали себя ветеранами, собственные заслуги могли измерить только стажем в «старой» партии. И каждый видел именно в своей группировке вполне «существующую» партию. Попытка найти компромиссы между программами большевиков и меньшевиков вызвала нападки со стороны тех и других. Переругались пуще прежнего. А Троцкий проявил себя отнюдь не лучшим образом. Организаторских талантов за ним не водилось. Взять под свое влияние социал-демократическую мешанину или сколотить пусть маленькое, но реальное партийное ядро он не сумел. И Августовский блок остался только на бумаге, никакого объединения не произошло.

Ленин, кстати, в это время ни на какое объединение не нацеливался. Наоборот, он пытался делать упор не на количество, а на качество. Внутри партии вел борьбу с махизмом, «богостроительством», ликвидаторством, национал-сепаратизмом. И в рамках этой борьбы впервые близко сошелся с Иосифом Джугашвили. Коба успел несколько раз побывать в ссылках, откуда быстро убегал. Начал уже писать теоретические работы, хотя искал истину интуитивно. Например, считал нужным поделить помещичью землю в частную собственность крестьян. Но во многом переменял взгляды под влиянием работ Ленина. Они понравились Джугашвили своей четкостью, ясностью, твердым слогом. Иосиф Виссарионович воспринял Владимира Ильича как единственного верного партийного теоретика и взял ориентир на него, признал себя его учеником. Они несколько раз виделись на съездах, а в декабре 1912 г. Джугашвили приехал к Ленину в Краков.

Владимир Ильич как раз сцепился с Бундом, провозглашавшим «культурно-национальную автономию» внутри партии и в будущей России. И Коба становится его ценным союзником. Ленин сообщает Горькому: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью... Той мерзости, что в Австрии (партийный национал-федерализм. – *В. Ш.*) у нас не будет. Не пустим! Да и нашего брата, великорусов, здесь побольше...» Ленин лично проталкивает статью Джугашвили «Марксизм и национальный вопрос» в журнал «Просвещение», несмотря на противодействие членов редакции Трояновского и Розмирович. Он пишет Каменеву: «Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». Джугашвили почти сразу вернулся на родину, где был опять арестован. И Ленин отмечает: «У нас аресты тяжкие. Коба взят... Коба успел написать большую... статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов» [78,93]. Кроме удара по Бунду и его «культурно-национальной автономии», статья «Марксизм и национальный вопрос» имела еще одну особенность. Она впервые была подписана новым псевдонимом – Сталин.

9. Как нагнеталась напряженность

«Железный канцлер» Бисмарк никогда не был другом России. Он был не прочь перехитрить ее в политических играх, подложить ту или иную дипломатическую «свинью». Строил различные антироссийские комбинации с австрийцами, англичанами, турками. Но все это Бисмарк допускал только до определенной степени. И внушал германскому руководству правило: «Никогда не воевать с Россией». Указывал, что победить ее невозможно, потому что Россия – это не территория, не правительство, а весь ее народ. Все русские в своей совокупности – это и есть Россия. Она в душе каждого русского. Можно выиграть боевые действия, занять некоторые земли, но это вызовет вражду со стороны народа, и результат будет однозначным. Однако опыт 1905 г. показал, что победить нашу страну все-таки можно. Если расколоть народ и натравить людей друг на друга. Надо сказать, способ получался очень выигрышным, позволяя свалить убийство России на самих русских. Так сказать, инсценировать самоубийство под тяжестью собственных «грехов» и «ошибок».

Но тот же опыт 1905 г. показал и другое. С катастрофой России рухнет все равновесие в Европе. И на лидирующую роль неизбежно выйдет Германия. Страна сильная, динамичная и воинственная. Так что от ее соседей только пух и перья полетят. Мало того, подрыв и ослабление России позволит немцам перетянуть ее под свое влияние. А альянс Германии и русских с их неисчерпаемыми ресурсами даст такое могущество, с которым не смогут соперничать ни Британская империя, ни США. Вывод – Россию следовало не просто свалить. Требовалось предварительно столкнуть ее с немцами. Чтобы подорвать силы обеих держав. И развернулось систематическое стравливание. В Германии внедрялись антироссийские и антиславянские теории, проекты мирового господства. Облегчала задачу натура кайзера Вильгельма II – неуравновешенная, крайне честолюбивая, тщеславная, склонная к крайностям. Идеи пангерманизма ему нравились, кулаки чесались...

Правда, Николай II являлся родственником Вильгельма. А семейное чувство было кайзеру не чуждо. Он испытывал определенные симпатии к царю, делал попытки к сближению. Например, в трудном для России 1904 г. при встрече в Бьерке предложил заключить военный союз. Однако в окружении Николая нашлись советники, сумевшие сразу заблокировать инициативу. В ужасе стали доказывать, что это будет союз против «дружественной» Франции. Царь тоже не испытывал вражды к «кузену Вилли». Мягкая и миролюбивая натура Николая Александровича была полной противоположностью кайзеру, могла несколько компенсировать его заскоки. И русский император, в свою очередь, несколько раз предлагал урегулировать противоречия, договориться о взаимных уступках, заключить соглашение о ненападении. Вильгельм соглашался с ним. Но и в его окружении находились советники, спускавшие реальное сближение на тормозах. Преподносили кайзеру миролюбие царя как доказательство слабости русских. Подзуживали продолжать прежнюю линию.

В войне были заинтересованы слишком многие. Крупному капиталу она сулила сверхприбыли. Она была подарком и для революционеров. Раскачать государство в мирных условиях было слишком сложно. А когда начнутся боевые действия, революционеры уже представляли – у них, как и в 1905 г., найдутся могущественные союзники, деньги. И Европа все более явно скатывалась к войне. После первого марокканского кризиса кайзер спровоцировал еще один. И останавливали немцев отнюдь не мирные конференции, а неготовность их флота [47]. Вильгельм считал, что без этого Германия не сможет в полной мере воспользоваться плодами побед. Разгромишь противников, а колонии, которыми они владеют, уведут из-под носа другие державы. Нарастивание германского флота заставляло готовиться к войне Англию. Она являлась «владычицей морей» и готова была сражаться, нести жертвы, только бы не нарушилось ее первенство. Все богатство и могущество Англии зиждилось на

колониях. А морское соперничество угрожало связям с ними, ставило под удар целостность колониальной империи. Франция и сама была не прочь подраться. Считала, что с помощью русских легко разгромит Германию, расквитается за позор франко-прусской войны, вернет себе Эльзас и Лотарингию. Италия раскатывала губы на африканские колонии, на берега Адриатики. Австро-Венгрия мечтала прибрать к рукам земли на Балканах. Россия войны не желала. Она не имела территориальных претензий к соседям, а мирное развитие сулило ей куда большие выгоды, чем гипотетические победы. Но нарастание угрозы заставляло и ее вооружаться.

К войне готовились не только правительства и армии. Разведки тоже. А в плане разветвления сети спецслужб лидировала Германия. Она подключила к работе своей разведки немецкие фирмы, имевшие филиалы по всему миру. Еще в 1902 г. германский имперский банк открыл через банк «Дисконт-Гезельшафт» специальный кредит для частных предприятий в разных странах – чтобы они наряду с коммерческой деятельностью выполняли поручения правительства. В том же году гамбургский банк «М. М. Варбург и Ко» по соглашению с правительством Германии начал оказывать широкое покровительство и финансовую поддержку «Комми-ферейну» – «Союзу приказчиков и коммивояжеров». Эта организация объединяла, наподобие профсоюза, немцев-приказчиков не только в Германии, но и в других государствах, правление союза, «Централь», располагалось в Гамбурге. Было установлено, что все члены «Комми-ферейна» обязаны ежегодно посылать в «Централь» отчеты. А в 1904 г. специалисты военного министерства разработали для них подробную форму отчетов, которые превращались в полноценные разведсводки. Банкир Макс Варбург, курирующий эту деятельность, стал фактически одним из руководителей германской разведки. И если в период русско-японской войны Вильгельм II демонстрировал дружбу к России вплоть до предложений союза, то немецкие спецслужбы в это же время передавали разведанные японцам и помогали революционерам типа Красина.

После войны их деятельность продолжала наращаться. 7 апреля 1908 г. германский генштаб издал циркуляр № 2348, который через консулов был доведен до руководителей крупных немецких фирм в России. Им предлагалось принять в число служащих лиц, командированных генштабом, и обеспечить им большое жалованье. Расходы на эти выплаты военное министерство брало на свой счет. Русская контрразведка сообщала: «В 1908 г. действительно во многих германских промышленных и торговых предприятиях появились приказчики и конторщики, совершенно не знающие русского языка и в качестве торговых служащих совершенно бесполезные для фирм, обслуживаемых ими» [118]. (22 июня 1913 г. тот же самый циркуляр № 2348-бис будет разослан повторно). Создавались каналы для будущего финансирования подрывной работы. Для этого в 1912 г. в Стокгольме был образован «Ниа-банк». Возглавлял его Олаф Ашберг, за которым стоял Макс Варбург.

Принц Генрих Прусский, шеф германского флота, совершил поездку по Тихоокеанскому региону, где также предполагалось ведение боевых действий. Его интересовали возможные базы для немецких эскадр, пункты их заправки углем. В США, как узнала русская разведка, он провел совещание с Яковом Шиффом и его партнером Отто Каном. Речь шла о возможности получить в распоряжение Германии единственные на североамериканском западном побережье угольные копи на о. Ванкувер [118]. После этого Генрих Прусский посетил Владивосток, где встретился с германским консулом Даттаном и директором фирмы «Артур Коппель» – разговор шел об угольных месторождениях на Северном Сахалине. После визита принца банк «Кун, Лоеб и Ко» попытался заарендовать копи Ванкувера, но потерпел неудачу. Тогда вызрел план сосредоточить в данном районе группы американских немцев, в нужный момент поднять восстание и захватить Ванкувер. А торговый дом «Артур Коппель» предпринял попытку заарендовать на 90 лет месторождения Сахалина. Получил отказ. Но консул Адольф Даттан числился российским подданным! Он сам и через

подставных лиц – Ранкевича, Хитрово, Бринеров – сумел оформить аренду лучших угольных площадей. Правда, в итоге оба проекта, американский и сахалинский, провалились. Заговор в Ванкувере был своевременно раскрыт и ликвидирован канадскими властями. А план захвата Северного Сахалина впоследствии сорвало вступление в войну Японии, которая неожиданно для немцев приняла сторону Антанты.

Однако главный клубок противоречий и интриг спецслужб завязался на Балканах. Напряжение здесь копилось давно. С 1878 г., когда Россия разгромила Турцию, принесла освобождение балканским народам. Но вмешались Англия, Франция, Австро-Венгрия, Италия, угрожая войной. На Берлинском конгрессе их поддержала Германия. Территории балканских государств, предлагавшиеся Россией, были значительно урезаны, границы перекроены, что создало между здешними странами массу взаимных претензий. Часть земель вернули Турции. А Боснию и Герцеговину, которые царь хотел отдать Сербии, конгресс выделил под временный мандат Австро-Венгрии. Первой миной, подорвавшей хрупкое равновесие, стала революция в Турции. Организована она была масонскими кругами и западными спецслужбами. Партия турецких либералов «Иттихад», запрещенная у себя на родине, провела в Париже совещание с армянской радикальной партией «Дашнакцутюн». Между ними было заключено соглашение о союзе, и в 1908 г. они подняли восстание против султанской власти.

Этим сразу воспользовалась Австро-Венгрия. Объявила о присоединении подмандатных Боснии и Герцеговины в полное подданство. Сербия, которая все еще считала данные территории своими, возмутилась, объявила мобилизацию. Но Россия еще не оклемалась от революции, поддержать ее претензии не могла. А за Австро-Венгрию вступилась Германия. Заявила, что готова вмешаться на стороне австрийцев «во всеоружии». Сербам пришлось смириться с тем, что Босния и Герцеговина уплыли в чужие руки, и конфликт не состоялся.

Междоусобица в Турции шла своим чередом. И любопытно, что при повстанческом правительстве очутился не кто иной, как Парвус. Уж конечно, не случайно. Причем прибыл он в Турцию в качестве корреспондента российской газеты «Киевская мысль». Спрашивается, неужто солидное либеральное издание не нашло профессиональных журналистов? С какой стати газета приглашает стать ее репортером на Востоке коммерсанта и революционера, проживающего в Германии и к России уже не имеющего прямого отношения? Впрочем, как и к Турции. И почему Парвус соглашается? Бросает налаженный бизнес и едет невесть куда заниматься чуждой ему работой...

Ответы на все эти вопросы не столь уж сложны. Газета-то была киевской. Стало быть, подконтрольной Бродским и Животовским. Кроме того, она издавалась для украинской интеллигенции, имела националистический «душок». И, как все подобные организации, была связана с австрийскими спецслужбами. Парвус в своих корреспонденциях восхвалял революцию, якобы несущую народам Османской империи освобождение от «кровавой тирании Абдул-Гамида». В таких публикациях нетрудно было увидеть прозрачные намеки – а не пора ли и России «освободиться»? Работа Израиля Лазаревича как «русского корреспондента» позволяла пускать пыль в глаза. Вовлекать в борьбу армян, симпатизирующих России. Изображать и для них, и для мировой общественности, будто революцию тайно поддерживают русские.

В действительности Парвус работал на германскую разведку. И не только на нее. Он был связан с неким Бэзилем Захаровым. Это был довольно темный тип, выходец из России, обосновался в Лондоне, стал крупным оружейным торговцем. Поставлял винтовки и револьверы для революции 1905 г. А теперь поставлял на Балканы. Всем подряд. И революционерам, и анархическим, и криминальным группировкам. Вдобавок Захаров возглавлял сеть английской разведки на Балканах. Шли ему донесения и от Парвуса, который создал собственную сеть. В Румынии на него работал Раковский, в Австрии – Троцкий, Радек... Масон-

ские связи помогли Лазарю Израилевичу неплохо устроиться при революционном правительстве – большинство руководителей партии «Иттихад» принадлежало к ложе «Молодая Турция». «Русский корреспондент» получает доступ в высшие круги иттихадистов, становится их консультантом и советником. И, разумеется, заводит здесь собственный бизнес. Очень даже крутой, революция – дело выгодное. Очевидно, хорошо грел руки и на оружии, и на финансировании.

Гражданская война завершилась свержением Абдул-Гамида. Победители-младотурки возвели на трон марионеточную фигуру Мехмеда Решада V и провозгласили конституционный режим. А Парвус обосновался в Стамбуле, стал крупной фигурой в турецком деловом мире, официальным финансовым и политическим советником нового правительства. В отношениях Османской империи и Германии наметилось было серьезное охлаждение. Революционеры помнили, что кайзер покровительствовал Абдул-Гамиду, обиделись на аннексию Австрией Боснии и Герцеговины – ведь и Турция считала их своими территориями, лишь временно отданными под мандат Вены. Однако под влиянием Израиля Лазаревича и других подобных советников разногласия удалось замять, и Стамбул снова взял курс на сближение с немцами.

Но внутренняя смута в Османской империи с победой революции не утихла. Разные народы, разные слои населения тоже вспоминали о своих правах. Новые восстания вспыхивали то в Албании, то в Македонии, усилились сепаратистские настроения среди арабов. И ослабевшую империю стали клеветать все кому не лень. Итальянцы вторглись в принадлежавшую туркам Триполитанию (Ливию). Быстро сложилась Балканская лига – военный союз Сербии, Черногории, Греции и Болгарии. Предлогом был выбран очередной межнациональный конфликт с резней славян в нескольких македонских деревнях. Союзники объявили Турции войну и развернули на нее наступление с нескольких сторон.

И та же самая «Киевская мысль» вдруг обратилась к Троцкому с предложением быть ее корреспондентом на Балканах. А он сразу соглашается. Только что, в конце августа 1912 г., проводил в Вене партконференцию, претендовал на роль лидера объединенной социал-демократии, а уже в сентябре, стоило лишь получить приглашение из Киева, почему-то забрасывает к шутам всю свою политику, забрасывает свою «Правду» и отправляется кочевать по балканским дорогам, писать репортажи о боевых действиях... Ясное дело, функции Льва Давидовича, как ранее Парвуса, не органичивались журналистикой. В расположении сербов и болгар он появляется как сотрудник российской – а значит, дружественной, «родной» газеты. Его всюду принимают с горячим радушием, оказывают любую помощь, от него нет секретов. Офицеры не считают чем-то преступным поделиться с ним планами и замыслами, приглашают на товарищеские пирушки, где разговаривают еще более откровенно. А уж солдаты, крестьяне, местная интеллигенция вообще раскрывают перед «русским» души нараспашку... Шеф Троцкого в разведотделе австрийского генштаба полковник Таковский, надо думать, был доволен, получая столь обширную информацию.

Один из руководителей русской жандармерии генерал А. И. Спиридович впоследствии писал: «Бронштейн-Троцкий прекратил печатание своей «Правды». Состоя на службе у австрийской полиции, он занимается другим делом, которое питало его» [151]. Правда, известно, что австро-венгерские спецслужбы своим агентам платили скупое. У них считалось, что информатор должен сохранять постоянную денежную зависимость от начальства, иначе «зажрется», начнет своевольничать, поставлять некачественные сведения. Но Троцкий поддерживал контакты не только с австрийцами. Он по-прежнему был связан с Парвусом. А стало быть, через него, и с немцами, турками, англичанами. И в целом, очевидно, «гонорары» набегали неплохие.

Но до конца он своей роли не выдержал. Пропагандист в нем взял верх над агентом. И в своих статьях он принялся на полную катушку клеймить «руку царизма», идеи пан-

славизма. В его корреспонденциях проявляются явные симпатии Османской империи, он в самых мрачных тонах расписывает «зверства славян». Это вызвало шквал возмущения у читателей «Киевской мысли» – вся русская общественность, наоборот, горячо сочувствовала Балканской лиге. Собирала средства в помощь южным славянам, множество добровольцев ехало воевать в их армиях. И вдруг «Киевская мысль» выдает такие материалы! На статьи Троцкого обрушились и провинциальные, и столичные газеты. Негодование поднялось и в балканских странах, Болгария лишила Льва Давидовича аккредитации, запретила допускать его в прифронтовую полосу. Но этого уже и не требовалось. Война быстро шла к концу. В октябре армии Балканской лиги перешли в наступление, а в ноябре турецкие части были совершенно разгромлены.

Однако внимание спецслужб различных стран было приковано к Балканам не случайно. Потому что, по замыслам Германии, именно эта война должна была перерасти в общеевропейскую. Разбитая Турция обратилась к великим державам с просьбой о посредничестве. Австро-Венгрия тут же объявила мобилизацию и двинула войска к сербской границе. Готовность поддержать ее выразили Германия и Италия (мечтавшая под шумок хапнуть Албанию). Вот тут-то и пригодились антиславянские статьи Троцкого – они перепечатывались австро-германскими газетами для настройки «общественного мнения». А Франция подталкивала Россию выступить на стороне Сербии. Президент Пуанкаре советовал царя занять жесткую позицию, парижская биржа предлагала ему большой военный заем. Но Николай II на крайности не пошел. По его инициативе, которую поддержали англичане, в Лондоне была созвана конференция для мирного урегулирования кризиса. Сербия и Черногория успели занять часть Албании, претендовали на адриатические порты. Австрия и Италия объявили, что это будет означать войну. И Россия повела себя сдержанно, призвала сербов согласиться на уступки. Франция была очень этим разочарована. А Англия, по своему обыкновению, принялась «маклячить», устраивая компромиссы.

Но решающей была позиция вовсе не России или Англии. Как будет дальше развиваться ситуация, определяли Берлин и Вена. Австрия закусил удила, уже ни на какие компромиссы не соглашалась. А Вильгельм II 8 декабря 1912 г. созвал совещание военного руководства. Тема была сформулирована предельно откровенно: «Наилучшее время и метод развертывания войны». По мнению кайзера, начинать надо было немедленно. Сценарий предлагался следующий: Австрия должна предъявить Сербии такие требования, чтобы принять их было невозможно. И чтобы Россия уже не могла не вступить за сербов. Начнется заваруха, в нее вступит Германия – и нанесет удар по Франции. Начальник германского генштаба Мольтке соглашался, что «большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше». Но указывал, что надо провести пропагандистскую подготовку: «Следует лучше обеспечить народный характер войны против России». Однако гросс-адмирал Тирпиц возразил, что моряки еще не готовы: «Военно-морской флот был бы заинтересован в том, чтобы передвинуть начало крупномасштабных военных действий на полтора года». В конце концов, с его мнением согласились. *А полтора года – это получалось лето 1914-го.* И германский МИД направил ноту австрийцам: «Попытка лишения Сербии ее завоеваний означала бы европейскую войну. И потому Австро-Венгрия... не должна играть судьбами Германии». Вена тут же сбавила тон и компромисс был достигнут [178].

Но западные державы опять так перекроили границы балканских государств, что перессорили их. Сербов, черногорцев и греков лишили части приобретений, и они потребовали переделить завоевания болгар. Те отказались. И вчерашние союзники вместе с присоединившимися к ним турками и румынами навалились на Болгарию. Началась вторая балканская война. Троцкий, кстати, опять писал фронтовые корреспонденции. И на этот раз выражал симпатии... болгарам, которых еще недавно поливал грязью. Но в итоге подобная направленность его статей оказалась вполне логичной. Болгария за месяц была разгромлена, запро-

сила мира. Уступила и то, что раньше завоевала, и часть собственных земель. Очень обиделась на Россию, что не помогла ей. А австро-германская агентура подсутилась, подогревая эти настроения. Берлин и Вена теперь сочувствовали Софии, выражали готовность взять ее под покровительство. И Болгария стала склоняться к переходу в их лагерь.

10. Как была развязана мировая война

У пороховой гари запах характерный. Его трудно с чем-либо спутать. Он какой-то «кисловатый» и одновременно «сладковатый», не неприятный, но тяжелый, устойчивый. Когда фигурально говорят, «в воздухе пахло порохом», это тоже трудно не заметить. Германия и Австрия усиленно вооружались. Возникали и пропагандировались грандиозные планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. У России предполагалось отобрать Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ, Крым. Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» – из португальских, бельгийских, французских, британских колоний, которые в результате войны сменят хозяев. Предусматривалось создание обширных немецких владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку. Одна за другой выходили книги идеологов пангерманизма: профессора г. Дельбрюка – «Наследство Бисмарка», генерала П. Рорбаха – «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика», Т. фон Бернгарди – «Германия и следующая война» [47, 168].

Уже тогда говорилось о «превосходстве высшей расы». А начальник генштаба Мольтке писал: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту». Аналогичными были взгляды самого кайзера. Он утверждал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы». Были популярны книги германского идеолога Бернгарди, поучавшего: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». Ему вторил другой официальный идеолог, Рорбах: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Причем подобные идеи в полной мере разделялись германской социал-демократией. Ее лидеры А. Бебель и В. Либкнехт выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от разложения ее примитивной Россией».

К германским проектам добавились мечты союзницы-Турции. Лидеры правящей партии «Иттихад» вынашивали планы создания «Великого Турана», который включал бы Крым, Кавказ, Поволжье, Среднюю Азию – при содействии немцев это казалось реальным [5]. А Германия разыгравшимся фантазиям младотурецких идеологов не препятствовала. Напротив, поощряла их. Пусть мечтают. Главное, чтобы дивизии формировали и солдат обучали. А потом все, что они сумеют завоевать, все равно попадет под контроль немецких фирм, банков, политиков.

Конечно, к столь сильным пороховым запахам не могли оставаться безучастными те, в чью сторону они распространялись. Франция в 1913 г. приняла закон о переходе армии с двухлетнего на трехлетний срок службы – это позволяло к 1916 г. увеличить состав вооруженных сил в 1,5 раза. Россия в 1912 г. приняла судостроительную программу, а в марте 1914 г. программу перевооружения армии. Завершение обеих программ было рассчитано к 1917 г. Но немцы не намеревались дожидаться этого срока. В 1912–1913 гг. донесения русских военных агентов в Германии и Швейцарии Базарова и Гурко сходились на том, что война начнется в 1914 г., и начнется со стороны Германии. Гурко сообщал: «Насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 г., настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел без войны».

И к подобным выводам были все основания. Германия пересмотрела сроки своих военных программ – сперва они рассчитывались до 1916 г., теперь было решено завершить их

к весне 1914 г. Мольтке писал, что «после 1917 г. мощь России окажется неодолимой», она будет «доминирующей силой в Европе». Австрийский посол в США впоследствии также проговорился: «Русских надо было опередить» [6]. В мае 1914 г. в Карлсбаде состоялось совещание между начальниками генштабов Германии и Австро-Венгрии. На нем окончательно согласовывались военные планы. А насчет сроков войны Мольтке заявил своему австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу: «Всякое промедление ослабляет шансы на успех».

Но вообще глыба истории чем-то напоминает айсберг. Небольшая часть сверкает на поверхности, а основная масса скрыта в глубинах вод. Например, о подготовке к войне немцев, австрийцев, турок, французов, русских написано довольно много. И очень трудно найти материалы о том, что к предстоящей схватке готовились не только они. Готовилась и Америка. Несмотря на то, что вступать в войну на первом этапе вовсе не собиралась. Однако речь шла о других формах подготовки – дипломатических и финансовых. До начала XX в. США традиционно придерживались политики изоляционизма. Отстаивали свои интересы на Американском континенте и в прилегающих регионах, принципиально отказываясь от вмешательства в европейские дела. Теперь этот принцип был нарушен. Сам президент, как ранее было принято в США, еще не покидал своей страны. Другое дело – его теневой советник полковник Хаус. Перед войной он несколько раз посетил Европу, встречался с Вильгельмом II, завел дружеские связи в высших кругах Австро-Венгрии. Британские и французские политики не считали предосудительным обсуждать с ним самые сокровенные секреты своих государств, министр иностранных дел Англии Грей даже установил персональный шифр для связи с Хаусом. Ведь этим человеком фактически определялась политика США.

И, напомним, за ним стояли крупнейшие банковские корпорации. Современные западные исследователи прямо указывают, что Хаус сделал Вильсона «марионеткой Ротшильдов» [150]. Поэтому вряд ли стоит удивляться его успехам в европейской дипломатии. А одновременно Хаус предпринимал колоссальные усилия по реорганизации банковской системы США. Америка после своей гражданской войны развивалась семимильными шагами, но при этом стала крупнейшим в мире должником. Ее внешний долг составлял 3 млрд. долларов (напомню, тогдашних – курс доллара был примерно в 20 раз выше нынешнего). Свободных капиталов постоянно не хватало, и действовал особый закон, запрещающий вывоз американских капиталов за рубеж, пусть их вкладывают на родине.

Теперь возникали другие требования. И с 1912 г. велась подготовка к созданию Федеральной резервной системы (ФРС). А в конце 1913 г. Вильсону и Хаусу удалось провести соответствующий закон через конгресс. ФРС представляет собой довольно оригинальную структуру, «кольцо» из ряда крупнейших американских банков. По своим функциям она соответствует нашему Центробанку, имеет право печатать доллары. Но является не государственным органом, а системой частных компаний. И в своих решениях не зависит от правительства. Напротив, как нетрудно понять, при такой специфике руководство Федеральной резервной системы получило возможность определять финансовую (а значит, косвенно, и внешнюю, и внутреннюю) политику правительства.

И не лишне отметить, что на пост вице-президента ФРС знакомый нам Яков Шифф протолкнул своего родственника и компаньона Пола Варбурга. Протолкнул, надо думать, не без помощи Хауса (хотя бы потому, что Пол Варбург все еще оставался гражданином не США, а Германии – но эта «мелочь» выяснилась лишь в 1918 г.). А глава клана Варбургов, Макс, направил еще одного брата, Фрица, в Стокгольм [139]. В центр будущих денежных «отмывок». Таким образом, семейка Варбургов распределилась очень удачно. Старший брат в Германии работает со спецслужбами, один в Швеции и двое в США, все «при деле»...

В преддверии войны создание ФРС сулило банкирам грандиозные выгоды от ожидаемых заказов. Отменялся и запрет на вывоз капиталов. Америка-должник заранее готовилась

стать заимодавцем. Заранее знала, что противоборствующие стороны увязнут, будут разоряться, нуждаться в деньгах, вот тут-то их можно будет ловить на крючок. Хотя сами потенциальные участники затяжной войны не предполагали! Если бы предполагали, то, может, призадумались бы. Нет, ее видели скоротечной. И немцы, и австрийцы, и французы, и русские заготовили боеприпасов только на одну кампанию. В Германии верили в «войну до осеннего листопада», существовало и выражение «*frischfröhlicher Krieg*» – «освежающая веселая война». По плану Шлиффена предполагалось сосредоточить огромный перевес против Франции, раздавить ее молниеносным ударом, а потом быстро перебросить силы против России, навалиться на нее вместе с австрийцами и турками. Неужели выдержит? В скоротечную победную войну верили и французы. Опрокинуть неприятеля дружным встречным ударом, прорваться за Рейн, а с востока покатится русский «паровой каток». Неужели немцы удержатся?.. Как видим, за океаном ход грядущих событий оценивали более точно.

Повод к началу всеобщей драки проще всего было найти на Балканах. После войн и переделов территорий здесь все государства остались недовольными, все имели зуб на соседей. Множились экстремистские организации – «Черная рука», «Млада Босна», «Народна одбрана» и др. Еще в 1913 г., когда германский канцлер Бетман-Гольвег представил кайзеру доклад о балканской ситуации, Вильгельм II на полях написал, что требуется хорошая провокация, дабы иметь возможность нанести удар. «При нашей более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессе таковую (*провокацию*) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой».

Устроена была провокация через радикальную организацию сербских офицеров «Черная рука». Ее руководитель Драгутин Дмитрович, начальник военной разведки Сербии, как раз и считал главной своей задачей развязать войну с австрийцами. Заговорщики были искренними патриотами, верили, будто их страна от этого выиграет. С помощью России Австро-Венгрия, без всякого сомнения, будет разгромлена, Сербия получит желаемые территориальные приращения, станет лидером южных славян... Но эти заговорщики-офицеры принадлежали к масонским структурам. Через которые и осуществляли их настройку западные спецслужбы и «финансовый интернационал». Точно так же, как в XIX в. латиноамериканские масоны желали блага для своей родины, так и их сербские собратья в XX в. Но истинные режиссеры знали, что все будет несколько иначе.

Непосредственными исполнителями теракта стали несовершеннолетние мальчишки из организации «Млада Босна». Офицеры из «Черной руки» подготовили их, обучили, вооружили. Правительство Сербии к их действиям не имело никакого отношения. Но оно и не могло ничего поделать с заговорщиками, их сеть была разветвленной, они занимали высокие посты в вооруженных силах. Премьер-министр Пашич, узнав по своим каналам о подготовке теракта, пытался предотвратить его, но безуспешно. 28 июня 1914 г. в Сараеве бомба террориста Габриновича полетела в машину наследника австрийского престола Франца Фердинанда. Кстати, сторонника улучшения положения славян в составе Австро-Венгрии и одного из главных противников войны с Россией. Габриновича постигла неудача, взрыв переранил только сопровождающих и прохожих. Но террористы были расставлены по всему городу. Когда эрцгерцог после визита в ратушу решил проведать пострадавших в больнице, грянули выстрелы Гаврилы Принципа, сразившие Франца Фердинанда и его жену Софию Хотек...

Использовали провокацию те самые силы, которые ждали ее. Вильгельм II узнал об убийстве эрцгерцога во время празднования «Недели флота» в Киле. Казалось бы, преступление совершено на территории Австро-Венгрии, австрийскими подданными. Но кайзер уже явно представлял, что повод для придирки будет, и на полях доклада начертал: «*Jetzt oder niemals*» – «Теперь или никогда». Сценарий разыгрался тот же, который предлагался в декабре 1912 г.: предъявить такие требования, чтобы Сербия не могла их принять, а Рос-

сия не могла не вступить. И Австро-Венгрия выставила Белграду ультиматум, где был, в частности, пункт, требующий допустить австрийские власти для расследования на сербской территории и наказания виновных.

Пункт был беспроязвительным, даже если бы Сербия согласилась. Австрийцы после ареста и допросов террористов знали, что виновных они найдут. И смогут предъявить новый ультиматум. Но и сербское правительство знало, что следы приведут к офицерам из «Черной руки», и повод к войне найдется в любом случае. Белград пробовал лавировать и принял все пункты ультиматума, кроме этого. А раз так, Австро-Венгрия объявила сербам войну. Россия попыталась сдержать Вену демонстрацией силы, начала мобилизацию в западных округах. И тут же придрался кайзер. Завопил об угрозе со стороны России и 1 августа объявил ей войну. Не считаясь даже с тем, что его действия выглядели совершенно не логичными. Шум-то был поднят, будто угрожает Россия, а немецкие армии двинулись в противоположную сторону, на Францию – как уже отмечалось, по плану Шлиффена французов и русских предполагалось разгромить по очереди. Ну а попутно германские соединения раздавили нейтральные Люксембург и Бельгию. Началась мировая война. Антанта – против Центральных держав.

Характерной была и сама последовательность всех этих событий. Ультиматум был предъявлен не сразу после теракта, прошел почти месяц. Немцы и австрийцы в это время готовились, проводили взаимные консультации, вели скрытую мобилизацию – однако их шаги предпринимались тайно. А Европа успокаивалась, поверила, что все обойдется. Но дальше, от ультиматума до начала войны, пружина раскрутилась стремительно, за неделю. Многих людей катастрофа застала за границей, в других государствах. Причем германские подданные, служившие на различных фирмах в России, в большинстве успели загодя уехать – что, кстати, говорит само за себя. В других странах подданных враждебных государств арестовывали и интернировали.

В Германии вообще началась безобразная охота на русских. Их убивали на улицах, подвергали всяческим глумлениям. Мужчины призывного возраста были объявлены военнопленными. Женщин, пожилых людей, детей держали под арестом в полиции и в военных казармах. Потом все же отпустили в нейтральные страны, но после долгих мытарств и издевательств. Режиссер Станиславский, которого война застала в Германии, описывал, как массу измученных и голодных людей гоняли с поезда на поезд, высаживали на станциях. При этом лупили, подгоняли пинками, заставляли ходить строем. Офицеры развлекались «обысками» дам, требуя от них раздеваться догола. Ржали, ощупывали. «Обыскивали только женщин, и притом наиболее молодых. Один из лейтенантов так увлекся обыском молодой барышни, что ее отец не вытерпел, подбежал к офицеру и дал ему пощечину. Несчастному отцу командир полка приказал схватить, и тут же, на глазах русских пассажиров его расстреляли». Жена Станиславского актриса Лилина, когда ей велели обнажаться для обыска, не сразу выполнила приказ, пыталась возражать – офицер разбил ей лицо рукояткой револьвера...

Но в Европе находилось и большое количество русских эмигрантов. И для них начало войны обернулось совершенно разными последствиями. В Париже колония «политических» раскололась. Более 80 социал-демократов и эсеров вступили волонтерами во французскую армию, и Плеханов благословил их напутственной речью. Добровольцы заявляли: они остаются врагами царизма, но данное противоречие снимается тем, что они будут драться за Россию в рядах республиканской армии. А в это же время в том же Париже газетенка Мартова «Голос» принялась поливать грязью и Плеханова, и примкнувших к нему «оборонцев», и Россию, желая ей поражения. Надо сказать, что во Франции отношение к собственным пораженцам было предельно жестким. Главный из них, Жорес, был сразу убит возмущенными патриотами. Были введены законы военного времени, и за враждебную агитацию без

долгих разговоров отправляли на расстрел. Но... Мартову и иже с ним почему-то никто не препятствовал, агитация против союзной державы оказывалась вполне допустимой...

К эмигрантам, очутившимся на территории Центральных держав, отношение также было не одинаковым. 1 августа, в день объявления войны, Виктор Адлер самолично подхватил своего протеже Троцкого и явился вместе с ним к начальнику венской политической полиции Гейеру. Несмотря на горячку и занятость в столь напряженный день, Гейер нашел время немедленно принять гостей. И принял крайне любезно. На вопрос, имеет ли смысл для Троцкого покинуть Австро-Венгрию, разъяснил, что лучше уехать, и чем раньше тем лучше. Потому что готовится публикация закона об интернировании русских и сербов, к населению будут обращены призывы выявлять шпионов. Мало ли что? Гейер оказал Льву Давидовичу всяческое содействие в организации отъезда и оформлении документов. И спустя всего лишь 3 часа после визита семья Троцкого уже сидела в поезде, весело стучавшем колесами по направлению к Швейцарии. Утром 2 августа газеты вышли с аршинными заголовками, раздувавшими волну шпиономании. Однако Лев Давидович благополучно и без хлопот успел пересечь границу.

Ленин подобного внимания не удостоился. Он проводил лето в горном селе Поронино рядом с курортом Закопане. И попал под шквал этой самой шпиономании. Его связи с Россией, периодическое появление курьеров были у всех на виду. Посыпались доносы от местных жителей, 7 августа Владимира Ильича арестовала сельская жандармерия и препроводила в Новы Тарг, в распоряжение военных властей. Тут уж всполошились товарищи по партии – как бы в горячке и неразберихе до беды не дошло. Ганецкий (Фюрстенберг) отбил телеграммы в Закопане социал-демократическому депутату Мареку, во Львов депутату Диаманду, в краковскую полицию. Подключили другую «уважаемую публику», вроде проживавшего в Польше на покое старого народовольца Длусского. Обратились и к Адлеру.

После того, как в захолустный Новы Тарг пришли депеши от Марека и из краковской полиции, что подозревать Ленина в шпионаже нет оснований, ему улучшили условия содержания. А потом и у Адлера дошли руки вступиться. Он посетил министра внутренних дел и на вопрос «уверены ли вы, что Ульянов враг царского правительства?» скаламбурил: «О да! Более заклятый враг, чем вы, ваше превосходительство». 19 августа Ленина выпустили из тюрьмы. Потом еще неделю ждали разрешения выехать в Краков. Наконец, в дирекцию краковской полиции дошло распоряжение министерства внутренних дел от 23.8.1914 г.: «По мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях» [94]. И было получено разрешение на выезд за границу. Добирались со всякими трудностями. Провели в поездах целую неделю, поскольку дорога была забита воинскими эшелонами. Пришлось останавливаться в Вене, хлопотать, чтобы дал поручительство кто-то из швейцарских депутатов, без этого в Швейцарию не пускали.

Впрочем, Ленину в какой-то мере просто не повезло. Некоторые видные революционеры – Зиновьев (Радомысльский), Бухарин, Рязанов (Гольдентах) и другие еще оставались в Австро-Венгрии, и никто их не трогал, не арестовывал. Рязанов, например, в этот период постоянно околачивался в приемной у Адлера, выполнял его мелкие поручения. Но их основная деятельность оказалась парализованной. Не будешь же через фронт пересылать статьи для «Правды». Да и жизнь в Австро-Венгрии быстро ухудшилась – исчезали товары, росли цены. И эта публика также стала перетекать в Швейцарию. Появились там и эмигранты иного сорта, такие, как Карл Радек. Он был австрийским подданным, членом польской и германской социал-демократических партий, мелким агентом Парвуса. Но, получив повестку о призыве в австрийскую армию, удрал за рубеж и присоединился к российским «коллегам». Хотя его дезертирство, судя по всему, было лишь легендой. В Австро-Венгрии многие были не прочь улизнуть от фронта. Да только легко ли дезертиру перемахнуть за гра-

ницу? Очевидно, Радек стал одним из агентов, которых австрийская и германская разведки прикрепили к большевикам.

Однако и Швейцария стала для революционеров не очень уютным прибежищем. Она оказалась «островом», со всех сторон окруженным воюющими державами. Въезд в них теперь был под контролем военных властей, обставлен массой сложностей. Пути перекрыты, информация – только из швейцарских газет, связь с другими странами – только по почте. Эмигрантов в Швейцарию поналезло много, найти заработок стало трудно. Хватались за подработки переводами, статейками для энциклопедий, справочников. Но кое-кому продолжали покровительствовать «силы неведомые». Допустим, Троцкий в здешней дыре не задержался. Едва было отражено германское наступление на Париж, он получил предложение... ну конечно же, от «Киевской мысли». Быть ее военным корреспондентом во Франции. Куда и отправился в ноябре 1914 г. по такой же схеме, как раньше на Балканы – все честь по чести, корреспондент газеты союзной державы. Правда, в Париже он стал сотрудничать не только с «Киевской мыслью». Вместе с Мартовым принялся изливать яд на Россию на страницах «Голоса». Но таких «мелочей» ни киевская редакция, ни французские власти упорно «не замечали».

11. Кто погубил наших солдат?

Великий русский философ И. А. Ильин писал: «Россия была клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма... Движимая враждебными побуждениями Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она делала все возможное, чтобы это осуществилось». Но к ударам в спину приложила руку не только Европа. Американский «серый кардинал» Хаус был очень озабочен раскладом сил в начавшейся войне. Он писал президенту Вильсону: «Если победят союзники, то это будет означать господство России на европейском континенте». Но и победу немцев он считал крайне нежелательной. Поскольку в подобном случае США придется противостоять Германии, потребуется милитаризация американского общества, и это будет вредно для «демократии» [6]. Отсюда следовал вывод – победить должна Антанта, но... без России. *Писалось это еще летом 1914 года!*

А вот французским и британским правящим кругам сперва пришлось забыть о неприязни к России, слишком уж требовалась ее помощь. Лавина германских армий чуть не стерла с лица земли Францию и экспедиционные силы англичан. Спасли союзников русские. Блестящая победа Ренненкампа под Гумбинненом. Наступление, пусть и неудачное, Самсонова в Восточной Пруссии. Полный разгром австрийцев в Галиции... И план Шлиффена был сорван. Немцам пришлось срочно снимать войска с Запада и перебрасывать на Восток, а результатом стало «чудо на Марне». Дойти до Парижа противнику не удалось [178].

Если сравнить, как обстояли дела у тех или иных участников войны, то итоги первого ее этапа выглядели красноречиво. Западные союзники потеряли Бельгию и Северную Францию, после чего на здешнем театре установилась позиционная война. А все попытки англо-французского командования вернуть утраченные территории захлебывались в морях крови. Русские в это же время нанесли два жестоких поражения Гинденбургу в Польше. У Австро-Венгрии отобрали всю Галицию и уже проникали за Карпаты. А австрийские вооруженные силы так измочалили, что они уже не могли самостоятельно, без помощи Германии, вести крупных операций. На Кавказе наши войска вдребезги разбили турок, уничтожив под Сарыкамышем три корпуса. Когда же англичане и французы сочли, что османы – слабый противник, и устроили Дарданелльскую операцию, те же самые турки всыпали им по первое число.

Однако успехи нашей страны (не поражения, нет! а именно успехи!) вызвали новую волну тревоги в закулисных кругах Запада. Получалось – если Россия внесет главный вклад в победу, она сможет диктовать свои условия при дележке ее плодов. Выйдет из войны не ослабленной, а наоборот, еще больше усилившейся. А вдруг и впрямь начнет претендовать на роль мирового лидера... И западные державы принялись вести «подкоп» под свою союзницу. Условия для этого сложились даже более благоприятные, чем в 1905 г. В период между войнами яд либерализма и «западничества» продолжал активно разъедать российское общество. Им оказалась уже заражена практически вся интеллигенция, студенты, гимназисты, служащие коммерческих предприятий, значительная часть дворянства, офицерства, чиновничества. Бурному распространению разрушительных идей способствовали введенные в России конституционные «свободы». Мощным центром оппозиции являлась Дума. От нее старались не отставать земства, клубы, дворянские и купеческие организации. Газета, в той или иной форме не критикующая власть, рисковала лишиться читателей.

Россия по-прежнему выглядела могучей стеной, но вот теперь-то, в отличие от конца XIX в., эту стену и впрямь разъедала гниль. В «образованных» слоях общества оппозиционность царю и правительству отождествлялась с «прогрессивностью». Позиции Православия ослабевали. Многие стали считать его в лучшем случае «красивыми народными обычаями»,

в худшем – «реакционным» институтом, препятствием для мнимого «прогресса». Что уж говорить о прочности устоев веры и церковном авторитете, если, например, весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии принять священнический сан решили лишь двое, а из 15 выпускников Красноярской семинарии – ни одного! Предпочли пойти по мирской линии – учителями, служащими, чиновниками. Часто восхищаются предреволюционным «серебряным веком» русской культуры. Бальмонт, Брюсов, Ходасевич, Блок, Андрей Белый, Соллогуб... Однако и эта культура была уже насквозь гнилой. Брюсов устраивал и служил «черные мессы», Соллогуб отвергал Бога и в своих стихах взывал к нечистому, Белый погряз в теософии и антропософии, мечтая о постройке «антропософского храма», Блок был членом ложи розенкрейцеров. Другие декадентствовали, коллекционировали любовниц, эпатировали эффектными формами и выворачиванием духовной пустоты. А ведь они владели умами, за их стихами гонялись юноши и девушки, переписывая друг у друга.

Правда, начало войны вызвало высочайший патриотический подъем. Люди понимали, что не Россия развязала драку, что с нашей стороны война справедлива, и речь идет о самом существовании державы. Множество крестьян, рабочих шло на призывные пункты, не дожидаясь повесток – поэтому мобилизацию удалось осуществить быстрее, чем планировалось. Добровольцами отправлялись на фронт студенты, интеллигенция. Уходили в армию даже мастеровые оборонных заводов, имеющие броню от призыва. А Дума провозгласила «национальное единение» перед лицом опасности, торжественно объявила, что поддерживает правительство, а все политические разборки откладывает до конца войны. Но нет, до конца не хватило...

Конструктивно работать либеральные политики попросту не умели, весь их авторитет держался на фрондерстве. Впрочем, даже и в недолгий период «национального единения» думская оппозиция держала камень за пазухой. Ей очень импонировало именно то, что Россия воюет в союзе с Англией и Францией. Строились прогнозы, что в подобном альянсе и наша страна должна будет реформироваться, ориентируясь на союзников. И в кулуарах выдвигался лозунг, что победа в войне, должна стать «победой не царизма, а демократии». Французам и англичанам либеральные деятели в рот заглядывали, считали своими «учителями». А Запад деятельность оппозиции откровенно поощрял. Политики и дипломаты Антанты стали поддерживать «демократические» настроения, брать под крыло лидеров, исподтишка подталкивая к возобновлению раскачки. Опять пошла информационная война. Победы России замалчивались и принижались, поражения всячески раздувались – как было с разгромом двух корпусов Самсонова в Восточной Пруссии. Для пущего эффекта думские либералы, западные деятели и газетчики подхватывали германские, чисто пропагандистские цифры русских потерь, ничего общего не имеющие с действительностью. Повторяли германские версии развития событий – что позволяло делать глубокомысленные выводы о недостатках «царизма» и «отсталости» нашей армии.

Но если у России были нечестные союзники, то ведь имелись и противники, которые сразу же развернули подрывную деятельность, причем по нескольким направлениям. Как уже отмечалось, немецкие спецслужбы широко использовали для своей деятельности коммерческие предприятия. А они, благодаря договору 1904 г., внедрились в Россию повсеместно. Только в одной Москве действовало свыше 500 германских фирм. К началу войны некоторые из них благополучно переоформились на фиктивных российских владельцев. В других руководители-немцы выехали за границу, оставив вместо себя доверенных лиц. По данным нашей контрразведки, с немцами были прочно связаны или контролировались ими Внешнеторговый банк, Сибирский, Петроградский международный, Дисконтный и Азовско-Донской банки, несколько крупнейших страховых компаний. Германские подданные были хозяевами «российско-американской» резиновой компании «Треугольник», обувной

фабрики «Скороход», транспортных компаний «Герхардт и Хай», «Книп и Вернер», филиала американской компании «Зингер». Ну а русские электротехнические фирмы даже сохранили названия тех, чьими дочерними предприятиями они являлись – «Сименс и Хальске», «Сименс Шуккерт». Обо всем этом контрразведка знала. Но ничего не могла поделать в рамках существующего законодательства! [118]

Русские управляющие выезжали в нейтральные страны, встречались там с германскими шефами, получали от них указания для дальнейших действий. Да и сами управляющие подбирались, естественно, не из случайных людей. Например, в фирме «Сименс Шуккерт» этот пост занял большевик Красин. Главными гнездами закулисных контактов были Стокгольм и Копенгаген, где еще перед войной немецкие спецслужбы создали соответствующую базу. Важную роль играл возникший при участии Варбургов «Ниа-банк». Его владелец Олаф Ашберг был связан с перечисленными выше Сибирским, Внешнеторговым банками, с российским банкиром Дмитрием Рубинштейном, директором «Русско-французского банка в Петрограде» и «Второй Российской компании по страхованию жизни». Ашберг установил прочные контакты с Путиловым, владельцем крупнейших военных заводов и «Русско-Азиатского банка». Ими была создана совместная «Шведско-Русско-Азиатская компания» [154]. В ней участвовал и Абрам Животовский, дядя Троцкого, возглавивший специальный консорциум «Русско-Азиатского банка». В общем сеть получалась не слабая.

Неприятельские спецслужбы делали ставку и на сепаратистов. Заместитель министра иностранных дел Германии Циммерман провозглашал задачу – «расчленение России и отбрасывание ее к границам, существовавшим до Петра I с последующим ее ослаблением». И в рамках этой задачи привлекались все, кто мог оказаться полезен. В Германии возникли «Лига вызволения Украины» под руководством пангерманиста Хайнце, особый штаб для контактов с украинцами, который возглавил регирунгс-президент Шверин, «Комитет освобождения евреев России» во главе с профессором Оппенхаймером [168]. Появились также польские, финские, прибалтийские, грузинские шовинистические организации. Была создана Лига инородческих народов России под председательством барона Экскюля.

Развернулась работа и через радикальных революционеров. Особенно тех, кто считал свои политические цели выше патриотических. Ленин, например, не был непосредственно связан с чужеземными разведками. Но полагал, что нужно воспользоваться удобным моментом. И, едва перебравшись в Швейцарию, созвал совещание, принявшее Бернскую резолюцию: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России». Выдвигались лозунги пропаганды революции, гражданской войны, «беспощадной борьбы с шовинизмом и патриотизмом», борьбы с монархией за республику, «за освобождение угнетенных великорусами народностей» и т. д., и т. п. [86]. И это несмотря на то, что сам Ленин еще недавно боролся с сепаратизмом Бунда. Несмотря на то, что лично успел убедиться – украинцам, полякам в составе Австро-Венгрии приходится куда хуже, чем в составе России (а то, что он убедился в этом, признает в своих мемуарах даже Крупская). То есть резолюция носила явно конъюнктурный характер. Подыграть противникам. Что ж, немцы и австрийцы подобные шаги оценивали, брали на заметку.

А уж большевистская фракция Государственной Думы не только демонстрировала антипатриотическую позицию (скажем, отказавшись голосовать за военные кредиты), но и стала натуральной «крышей» подрывной работы. В ноябре 1914 г. фракция в полном составе была арестована. В прокламациях, распространявшихся «народными избранниками», открытым текстом писалось: «Для России было бы выгоднее, чтобы победила Германия». При обысках обнаружили полные наборы шпионских аксессуаров – наборы подложных паспортов, шифры, листовки. В феврале состоялся суд. Очень мягкий, приговорил к ссылке. Но возмущенно завопила вся Дума! Дескать, какое безобразие, из-за такой мелочи,

как шпионаж и деятельность в пользу противника, «самодержавие» нарушило депутатскую неприкосновенность!..

И все же на первом этапе войны прогерманская «пятая колонна» успеха не имела. Украинцы, например, на агитацию сепаратистов не поддавались, никак не хотели считать себя «угнетенной нацией». Пораженческие лозунги тем более не находили почвы ни среди солдат, ни среди рабочих. Рискнувшего выступить с такими призывами просто убили бы! Кстати, стоит подчеркнуть, что «отсталость» нашей армии была не более чем мифом. По оснащенности артиллерией, пулеметами, аэропланами, автомобилями русские войска в 1914 г. значительно превосходили французскую и британскую армии – хотя и уступали германской и австрийской (но ведь они целенаправленно готовились к войне). А по уровню тактической подготовки даже и немцы в этот период отставали от русских – ходили в атаки в плотных колоннах, что вело к огромным потерям, не учились переползанию и перебежкам, не имели ручных гранат [178].

Но у России было другое уязвимое место. Военное министерство во главе с В. А. Сухомлиновым вместо того, чтобы развивать отечественное производство вооружения и боеприпасов, предпочитало заказывать их за рубежом. Причем и собственные мощности имелись – тульские, уральские, питерские заводы. Но дело не обошлось без крупных взятков «заинтересованных лиц». И министерство не затрудняло себя программами наращивания российских мощностей, их перепрофилирования и модернизации, а передавало военные заказы английским, французским, даже немецким фирмам. В результате русская армия попала в зависимость от иностранцев...

Уже осенью 1914 г. во всех воюющих государствах проявилась общая «болезнь». Расход вооружения и боеприпасов оказался гораздо выше, чем было предусмотрено. Сама же война приняла не скоротечный, как планировалось, а затяжной характер. Заготовленные запасы таяли. Кризис с боеприпасами разразился и во Франции, и в Германии, и в Австрии, и в России. Но европейские державы преодолевали его срочными мерами по мобилизации собственных ресурсов. А русское военное министерство опять пошло по накатанному пути – купить за границей. Для чего требовалась валюта... Вот тут-то англичане и французы отыгрались! На фронтах их достижения были сомнительными, но, как только зашла речь о деньгах, принялись кочевряжиться и возить русских мордой по столу. Ах, мол, так вы оказались не готовы к войне? О чем же вы раньше думали? Союзники ломались, увязая в обсуждениях, на какие русские заказы стоило бы выделить кредиты, а на какие нет [168].

А в Америке Яков Шифф снова развернул усиленную агитацию против предоставления кредитов России. Называл такие займы «аморальными», призывал бойкотировать русские ценные бумаги. Например, когда в западной прессе пошли публикации о зверствах немцев в Бельгии, о массовых расстрелах мирного населения, он объявлял, что это сущая мелочь по сравнению с «жестоким обращением царя с еврейским населением в Западной России и Польше». Отметим, что и англичане с французами, плохо подготовившиеся к войне, крайне нуждались в поставках вооружения, боеприпасов и имущества из-за рубежа. А чтобы закупать все это в США, им также требовались кредиты. Но Шифф соглашался выделять их только в том случае, если правительства Британии и Франции дадут письменное обязательство – ни копейки из этих сумм не давать русским. Такую же политику попытался провести в Федеральной резервной системе Пол Варбург. Хотя успеха он не добился. Для других банкиров кредиты и поставки державам Антанты были слишком уж выгодным делом.

В результате нескольких раундов переговоров российскому министру финансов Барку удалось достичь соглашения с британцами. Но на чудовищных условиях! Из запрашиваемых 100 млн. руб. Англия согласилась выделить 40 млн. Под 6 % годовых. При этом банкиры Сити и британский министр финансов Ллойд Джордж потребовали обеспечить кредит русским золотом, которое требовалось доставить в Англию. Даже соображения, что золото

перевозить по морю опасно, и не лучше ли отложить расчеты до конца войны, были отменены [168]. То есть фактически получились не займы, а сногшибательная спекулятивная сделка! Россия покупала оружие за собственное золото (по заниженному, навязанному ей курсу), с нее еще сдирали годовые проценты, и еще наворачивали ряд дополнительных условий!

Правда, теперь наше военное министерство получило возможность выправить кризисную ситуацию. В британской компании «Армстронг и Виккерс» оно разместило заказ на 5 млн. снарядов, были подписаны контракты на поставку 1 тыс. аэропланов и моторов, 250 тяжелых орудий, 27 тыс. пулеметов, 1 млн. винтовок, 8 млн. гранат, 200 тыс. тонн взрывчатки. Заказали и оборудование, чтобы довести отечественное производство снарядов до 40 тыс. в день. Заказ был принят с отгрузкой в марте [168]. Этого должно было хватить на летние сражения 1915 г. Но на самом-то деле Россия не получила ничего!

Так, еще до войны (в рамках программы перевооружения) во Франции на заводах «Шнейдер-Крезо» были заказаны тяжелые орудия и аэропланы – однако они ушли на оснащение не русской, а французской армии. Потому что она к началу войны вообще не имела тяжелой артиллерии, а авиацией практически не занималась [63]. Точно так же не был выполнен и стратегический заказ фирме «Армстронг и Виккерс». Виккерс, кстати, был партнером Шиффа в никелевых рудниках и ряде других предприятий. Но тут явно сработала не только рука Шиффа. Катастрофическое для России решение было принято правительством Великобритании. Оно распорядилось – все, что было изготовлено компанией «Армстронг и Виккерс» для русских, передать английской армии [168]. Как бы и серьезная причина нашлась. Свои-то войска в первую очередь вооружать надо. Хотя заслуживают внимания некоторые «частности». Ведь необходимость вооружения английской армии была очевидной еще осенью 1914 г. – однако британские производители приняли русский заказ! И в течение зимы военное ведомство России не получало никаких предупреждений, пребывало в полной уверенности, что все будет в порядке. А потом войска остались вдруг ни с чем.

Ну а британский военный министр лорд Китченер развел руками и порекомендовал передать заказ фирме «Канадиен кар энд фаундри Ко». С ней были перезаключены контракты на 5 млн. снарядов, 1 млрд. патронов... И опять с нулевым результатом. Ждали-ждали... Лишь в ноябре 1915 г. генерал В. А. Сапожников, посланный в Америку проверить, что же творится с заказом, доложил, что фирма, выбранная по совету англичан, не в состоянии выполнить ничего, поскольку «находится накануне банкротства» [154]. По сути историю с невыполненным русским заказом можно расценить только как крупнейшую диверсию, подрывавшую боеспособность нашей армии.

А Германия и Австрия как раз весной и летом 1915 г. решили перенести главный удар на Восток, перебросили против русских основную часть своих дивизий. У наших войск не было снарядов, не хватало винтовок, патронов. Под шквалами артиллерийского огня порой отбивались штыками. Началось «великое отступление». Были оставлены Галиция, Польша, Литва, часть Латвии и Белоруссии. В неравных схватках погибли сотни тысяч наших воинов. Еще больше было ранено или попало в плен... Кстати, из истории факт того, как англичане подставили Россию, почему-то выпал. Поражения 1915 г. дружно свалили на гипотетическую «отсталость».

12. Как политические страсти мешались со шпионскими

Факты говорят однозначно – первые серьезные удары в спину Россия получила отнюдь не от противников, а от союзников. Нашей стране требовались оружие и боеприпасы? Ну что ж, ее втянули в новые витки переговоров. И навязали создание центральной закупочной комиссии в Лондоне. Подписали соглашение, что все поставки будут осуществляться только через нее. Эта комиссия будет определять, что покупать, где, по какой цене. А председателем стал лорд Китченер. Русские представители в комиссию тоже вошли, но решающее слово оставалось за англичанами. И теперь уже они решали, на что Россия будет тратить выделенные ей кредиты и собственное золото! [168]

Восточной союзнице стали слать всякую заваль. Во Франции закупили 250 тыс. винтовок «гра» – однозарядных, валявшихся на складах полвека с франко-прусской войны [63]. Закупили итальянские винтовки – бракованные, они выходили из строя после нескольких выстрелов. Непригодной оказалась и часть приобретенных для России орудий. Многие заказы разместили в США, но лучшие американские заводы англичане застолбили для себя, а русские заказы размещали в тех фирмах, которые только отлаживали военное производства и могли выдать продукцию лишь через полгода-год. Причем любые поставки доставались втридорога. И не только за счет естественного подорожания во время войны. Центральная закупочная комиссия создала отделения в разных странах. Которые стали обычными посредническими конторами, распределяя заказы и имея с этого собственный жирный «навар». Например, себестоимость пулемета «кольт» составляла 200 долларов, рыночная цена достигала 700, а России они доставались по 1250.

Впрочем, и российские дельцы неплохо грели руки на войне. Не только дельцы, «общественность» тоже! Чтобы выправить положение со снабжением армии, царь обратился к промышленникам, земствам, Думе – помочь фронту. Откликнулись широко и горячо. Были созданы «Союз земств и городов» («Земгор»), Особое совещание по обороне, Особые совещания при министрах путей сообщения, топлива и промышленности, земледелия, внутренних дел. Возникли военно-промышленные комитеты (ВПК), куда вошли представители банковских кругов, заводчиков, политических партий. Но, во-первых, все эти организации становились легальными «крышами» и рассадниками оппозиции. А во-вторых, сытными «кормушками», где деляги-«общественники» наживались на посредничестве. Скажем, 3-дюймовая пушка, произведенная на казенных заводах, обходилась государству в 7 тыс. руб., а через ВПК – 12 тыс. Барыши русских промышленников на поставках достигали 300–1000 %. И если в 1914 г. один день войны обходился российской казне в 9,5 млн. руб., то в результате махинаций зарубежных и отечественных бизнесменов эта цифра подскочила до 60–65 млн. руб.

А с кредитами по-прежнему было туго. Иностранные банкиры пытались обставлять их тяжелыми условиями. Получению кредитов мешала и кампания против «русского антисемитизма», развернутая с подачи Шиффа. К ней подключились те же самые силы, которые в 1912 г. решили «ставить Россию на колени» – видный американский сионист Луи Маршалл, британский банкир Мильнер, Ротшильды и т. д. Были задействованы и соответствующие круги внутри России. А надо сказать, что к «угнетенной нации» принадлежала львиная доля российской адвокатуры, банкиров, владельцев средств массовой информации, тузов торговли – словом, ох какой «ущемленной» и «гонимой» была эта нация. Она имела свою фракцию в Думе. А в 1915 г. при Думе была создана «Коллегия еврейских общественных деятелей», позже получившая неофициальное название «Политбюро». Ключевой фигурой в

этих структурах был А. И. Браудо, он считался «дипломатическим представителем русского еврейства», через него осуществлялись связи с зарубежными центрами. В «Коллегию» входили также Л. П. Брамсон, М. М. Винавер, Я. Г. Фрумкин, О. О. Грузенберг (защитник Бейлиса на процессе о ритуальном убийстве мальчика) [139] и др.

При «Коллегии» было организовано «информационное бюро». Собранные им «Документы о преследовании евреев в России» были впоследствии опубликованы И. В. Гессеном, с ними может ознакомиться любой желающий [53]. И любой желающий может убедиться – несмотря на то, что «информбюро» ухитрялось доставать даже секретные военные приказы, там нет *ни одного* упоминания о фактах действительных расправ, погромов, репрессий. Фигурируют такие документы о «преследованиях», как, скажем, приказ командира пехотной дружины – не покупать для солдат карамель местечкового еврейского производства, сделанную из суррогатов и вредную для здоровья. Ну конечно, это был махровый антисемитизм! Информацию, собранную думской «Коллегией», раздувала западная пресса. В июле 1915 г. министр финансов Барк указывал – пока не будет решен «еврейский вопрос», «западный рынок закрыт, и мы не получим ни копейки» [195]. Вмешивался даже британский военный министр Китченер: мол, вы сами виноваты, что вам денег не дают, как же воевать будете без снабжения? Настаивал, что «для успеха войны одним из важных условий» является «смягчение режима для евреев в России» (как будто на самом деле существовал какой-то «режим»!) Что ж, царское правительство пошло на демонстративные уступки. 17 августа 1915 г. совет министров отменил пресловутую «черту оседлости» – существовавшую чисто формально, с ней давно уже никто не считался. Но и этого шага «не заметили»! Вопли насчет «антисемитизма» ничуть не ослабели.

А российские либералы использовали неудачи на фронтах и кризис со снабжением для первой попытки захватить власть. Летом 1915 г. вся «прогрессивная» пресса обрушила шквал нападок на правительство, его принялись поливать с думских трибун. Провозглашалось, что существующая власть не в состоянии довести войну до победного конца. Образовался Прогрессивный блок, выдвинувший программу «реформ». Создать «ответственное министерство» (оно же «правительство общественного доверия») – подконтрольное Думе и состоящее из думских лидеров. В программу входили также общая политическая амнистия, обновление администрации, решение «польского вопроса», «финского вопроса»...

В нашу и зарубежную историческую литературу было внедрено представление, будто царь не пошел вовремя на реформы, что и привело к революции. Все это – полная чепуха. Достаточно вспомнить, к чему привели реформы октября 1905 г. – как раз к революции. Столыпину еле-еле удалось выправить ситуацию «контрреформами». Да и в феврале 1917 г. к власти пришли именно те лица, которые предлагались в «ответственное министерство» – Львов, Гучков, Коновалов, Рябушинский, Милюков и др. И осуществили они именно те реформы, которые предлагали раньше. Но привело это к катастрофическому развалу страны. Тогда почему же историки с умным видом повторяют явный абсурд о гибельном упрямстве царя? Да потому и повторяют, что эта версия была внедрена преднамеренно. Внедрена самими либералами и их зарубежными покровителями.

Но первая атака грядущих «реформаторов» не удалась. Царь занял твердую позицию, пригрозив распустить Думу, и оппозиция поджала хвосты. Тем временем и положение на фронтах удалось выправить. Русские войска, даже отступая, измотали и повыбили части противника, нанесли им огромные потери. Уничтожить наши армии враг не смог. Они сохранили боеспособность, целостность фронта. Постепенно улучшалось снабжение. И осенью фронт стабилизировался, установившись на новых рубежах.

Однако в это же время активизировались другие антироссийские силы – прогерманские. Первый год войны у них ничего толком не получалось. Кого-то пересажали в России, а эмиграция выглядела беспомощной. Ленин выпускал «центральный орган» большевист-

ской партии, газету «Социал-демократ» – тиражом 500 экз. Парижская газетенка Мартова и Троцкого «Голос» больше походила на листовку – клочок бумаги, пригодный только для известных гигиенических надобностей. За отсутствием реального дела пуще прежнего перегрызлись между собой. Пишет, например, Пятаков (Киевский) статью «Пролетариат и право наций на самоопределение» – Ленин в ответ строчит целую разгромную брошюру «О карикатуре на марксизм». Пишет статью Радек – Ильич разделяет под орех и его: дескать, недооценил роль демократии. Пишет статью Бухарин – и он получает по первое число: недооценил роль государства. А уж когда Троцкий выдвинул идею «Соединенных Штатов Европы», на него обрушились все вместе.

Изменил положение Парвус. В Турции он поработал весьма успешно. Помог подтолкнуть ее к войне на нужной стороне. Сколотил миллионные капиталы. Поучаствовал в подготовке армянского геноцида. Эта тайная операция западных спецслужб и масонских организаций была направлена не только против армян. Но и против России и против... Турции. Армяне являлись главными проводниками пророссийских настроений на Ближнем Востоке. Они господствовали в ближневосточной торговле, банках, промышленности. В результате их уничтожения, с одной стороны, подрывались позиции России на Ближнем Востоке. А с другой, разрушалась экономика Османской империи. Что впоследствии предопределило ее поражение и расчленение. В выигрыше остались англичане – урвавшие Ирак, Сирию, Палестину. Кое-что урвали французы, хапнув Ливан. Место армянского капитала занял не турецкий, а американский. И создались предпосылки для создания Израиля.

Но Парвус результатов операции дожидаться не стал. Свернул столь выгодные дела в Турции и перенацелился на другое поприще. Ведь Израиль Лазаревич и те, кто стоял за ним, хорошо знали, что скоро в Османской империи станет очень неуютно и прежнему бизнесу так или иначе придет конец. Весной 1915 г. Парвус представил правительству Германии свой меморандум: «Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор, пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров» [168].

Прилагался план тайной войны, который очень понравился канцлеру Бетман-Гольвегу, министру иностранных дел Ягову, военному командованию и самому кайзеру. Министерство иностранных дел сразу же выделило Парвусу 2 млн. марок, потом еще 20 млн., а осенью 1915 г. еще 40 млн. Предусматривалась консолидация и координация действий всех сил, способных вести раскачку и разрушение России – большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов, сепаратистов, националистов всех мастей.

Чтобы объединить между собой враждующие группировки социал-демократов, Парвус в сентябре 1915 г. собрал их на конференцию в швейцарском местечке Циммервальд. Она была объявлена как бы «международной», прибыло 38 делегатов от 11 стран. Но в основном съехались российские большевики и меньшевики пораженческой ориентации. А из других государств – те, кому предстояло обеспечивать их деятельность. Правда, не дробиться социал-демократы не умели, на конференции особняком обозначила себя «циммервальдская левая» группа. Но в целом оказалось, что даже такие враги, как Ленин и Троцкий, вполне могут работать сообща. Заседать вместе, составлять резолюции о «поражении собственного правительства» и «превращении империалистической войны в гражданскую». Потому что у Парвуса были деньги. А деньги всем требовались, приходилось преодолевать взаимные счеты.

И дела революционеров сразу вышли на новый уровень. В Копенгагене под эгидой германского посольства был создан штаб, координирующий деятельность различных антирос-

сийских сил и распределяющий средства. Были организованы каналы финансирования через нейтральные страны. Главный шел через Швецию. Деньги от банковской фирмы Макса Варбурга переводились в стокгольмский «Ниа-банк» Ашберга А отсюда перекачивались в российские банки. Для этого партнерами Ашберга, компаньонами фирм, связанных с «Ниа-банком», стали большевики Красин и Ганецкий (Фюрстенберг). Контакты между Стокгольмом и Россией курировал Шляпников. В нашу страну потекли средства на организацию стачек, выпуск листовок. Тематику пропаганды подкорректировали. Вместо открытых пораженческих лозунгов стали пристраиваться в струю думской агитации, «патриотической». Дескать, в правительстве измена, и с такой властью войну не выиграть.

С новыми возможностями Ленин в Швейцарии смог резко увеличить тираж «Социал-демократа», число «подписчиков» у него заметно прибавилось. При участии Крупской была создана «Комиссия помощи военнопленным», а заключалась «помощь» в том, что газета стала распространяться в германских и австрийских лагерях военнопленных. Продуктовые посылки, пересылаемые из России через Красный Крест, русские пленные не получали никогда, их жрали немцы. А вот «Социал-демократ» приходил во все крупные лагеря с завидной регулярностью. Уж конечно, не сама Крупская выясняла по почтовому справочнику адреса этих лагерей, не сама договаривалась с комендантами. Парвус организовал и другие финансовые каналы. Эсеры стали получать деньги от Германии через Цивина-Вайса и Левинштейна-Блау, от Австрии – через Марка Менделя Зайонца. Еще один канал действовал через Румынию, его курировал Раковский. Этим путем пошли деньги во Францию. И Троцкий в Париже смог издавать новую, уже полноформатную газету «Наше слово». В ней стали сотрудничать Урицкий, Лозовский, Антонов-Овсеенко, Луначарский, Чичерин. Дружным хором поливали грязью свою родину, получали за это неплохие редакционные оклады, гонорары.

Заметной сотрудницей сети Парвуса стала и Коллонтай. К началу войны она жила в Берлине. Арестовали как русскую, но уже через день выпустили по ходатайству социал-демократических депутатов рейхстага. И Александра Михайловна совершает очередной крутой поворот в жизни. Точно так же, как раньше предала мужа, сына, семью, так теперь она предает родину, Плеханова, соратников-меньшевиков. Становится кадровой немецкой шпионкой. Хотя с ее персональной точки зрения шаг выглядел вполне оправданным. Она ведь уже выходила на уровень «звезды», колобродила по свету в свое удовольствие, сверкая на сборищах социалисток и феминисток... Война это перечеркнула. Так что же, прозябать в каком-нибудь Цюрихе? Терять годы? А ей уже 42... А новое амплуа раскрывало перед ней даже большие возможности, чем прежде...

Коллонтай порывает с плехановцами, переходит к большевикам, перебирается в Копенгаген и начинает работать при штабе Парвуса. А следующим ее любовником становится Шляпников. Официальным «фаворитом», кратковременные связи были не в счет. Александра Михайловна была привлечена к ответственной операции германских спецслужб по пропаганде в США, проводившейся осенью 1915 г. Все более явно стало намечаться сползание Америки в лагерь Антанты, опасались ее вступления в войну. И целью операции было повлиять на общественное мнение американцев, чтобы не допустить этого. Заказывались нужные материалы в печати, подкупались конгрессмены. В рамках этих мероприятий было устроено и грандиозное пропагандистское турне Коллонтай по США. «Русская революционерка», умевшая хорошо говорить и преподнести себя, должна была произвести впечатление.

Ехала она, кстати, по путевке не российской, а Германской социал-демократической партии. А организатором и распорядителем турне был Людвиг Лоре, секретарь Немецкой федерации социалистической партии Америки – и резидент германской разведки в Нью-Йорке. Но обращает внимание тот факт, что на пути Александры Михайловны появился

вдруг еще один человек, который неоднократно встретится на страницах этой книги. Джон Рид. Официально – журналист (и довольно хороший), корреспондент журнала «Метрополитен». Но он был известен и в администрации Белого Дома, в документах Госдепартамента округло указывалось, что он «оказывал некоторую помощь в мексиканских делах». А если не округло, а прямо, то Рид был шпионом. В 1915 г. он отправился в Россию «для подготовки статей о восточном фронте». Нашей контрразведкой он был арестован – при нем нашли письма, которые он вез из Румынии «галицийцам антирусских настроений», и ряд других улик. Но не только журнал «Метрополитен», а и Госдепартамент США тут же вздыбились в его защиту. Конфликтовать с Америкой наше правительство не желало, и Рида отпустили [139].

Домой он возвращается через Норвегию. И попадает на один пароход с Коллонтай. Такая повышенная концентрация сотрудников спецслужб сама по себе вызывает подозрения. Тем более что германская шпионка и американский шпион мгновенно нашли общий язык. И не только язык, но и все остальное, что обычно находят друг у друга в постели. Неслучайность их встречи видна и из того, что Рид, взяв Коллонтай под опеку на судне, остался при ней и в Америке, всюду сопровождал ее во время турне. Оно продолжалось 4 месяца. Александра Михайловна объехала 80 крупных городов США. В каждом из них устраивались митинги, лекции, вечера для рабочих, и гостя гневно обличала Антанту за то, что она натравила на «культурную» Германию «дикарей и варваров»: «Тут и русские казаки, и дикари иных видов: и индусы, и алжирцы, и нет им числа» [72].

Но если уж говорить об играх спецслужб, то можно обратить внимание и на такое обстоятельство. Все турне Коллонтай по США освещала, рекламировала и пропагандировала «рабочая» нью-йоркская газета «Новый мир». Несмотря на то, что ее владелец Вайнштейн был связан не с германской, а с британской разведкой. Впрочем, когда речь идет о России и русских, подобным «загадкам» можно уже не удивляться. Ведь и французские спецслужбы (а они в Первую мировую работали очень квалифицированно), не могли не знать о Циммервальдской конференции и принятых там решениях. Но целая делегация эмигрантов во главе с Троцким и Мартовым проследовала через границу из Франции в Швейцарию, без препятствий вернулась обратно в Париж и продолжила там орудовать. Ну а Александру Коллонтай по возвращении из Америки Парвус направил в Норвегию, где она организовала и стала курировать запасной канал пересылки в Россию денег, снаряжения, литературы. Очевидно, это означало повышение. К финансам не каждого допустят.

13. Чьим было «германское золото»?

В начале 1915 г., после побед, одержанных Россией, с ней заигрывали, старались улаживать. Так, в период подготовки Дарданелльской операции было заключено соглашение Сайкса-Пико о будущем разделе английских и французских сфер влияния в Турции – в нем предусмотрели, что русским надо бы отдать под контроль Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы. (Правда, это был не договор, а лишь «рабочее» соглашение. Россия окончательного ответа не дала, ее МИД и Генштаб полагали, что Стамбул брать нельзя, проблем возникнет больше, чем выгод). Французский посол Палеолог по поручению Парижа вежливо выспрашивали у царя, какими он видит будущие границы в Польше, на Балканах, Кавказе? [120]

Но как только наша страна понесла тяжелые поражения, с ней вообще перестали считаться! О спасении Франции и Сербии в 1914 г., о том, что Россия приняла на себя главные удары в 1915 г., было мгновенно забыто! Беспардонно объявлялось, что она «не вносит достаточный вклад в победу»! Заговорили уже о «неэффективности» союза с русскими [168]. И речь пошла не о вознаграждении, а вообще... о расчленении России! В марте 1916 г. тот же Палеолог не без злорадства писал: «Если русские не будут напрягаться до конца с величайшей энергией, то прахом пойдут все громадные жертвы, которые в течение 20 месяцев приносит русский народ. Не видать тогда России Константинополя: она, кроме того, утратит и Польшу, и другие земли». «Если Россия не выдержит роли союзника до конца, ...она тогда лишит себя возможности участвовать в плодах нашей победы; тогда она разделит судьбу Центральных держав». И раздел российских территорий исподтишка уже начался! Франция заключила тайный договор с поляками о восстановлении их самостоятельного государства – причем поляки претендовали на старинные владения Речи Посполитой: Украину, Белоруссию, Литву.

С русскими представителями при союзном командовании теперь обращались по-хамски, маршал Жоффр «цукал» наших генералов, как собственных проштрафившихся подчиненных. Стратегические решения западные державы принимали без учета мнения царского правительства и командования. С кредитами и поставками норовили облапошить. Начальник штаба Ставки генерал Алексеев в январе 1916-го писал российскому представителю в Париже Жилинскому: «За все, нами получаемое, они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хотя немного обоюдные, а не односторонние». Англия дошла до того, что потребовала отдать ей «весь русский торговый флот, находящийся в свободных морях» – в виде компенсации даже не за поставки, а за прикрытие перевозок британскими крейсерами [133]. Столь наглое требование отвергли – что ж, тогда Англия стала сокращать поставки. В 1916 г. в Париже состоялась торговая конференция, где союзники дружно принялись вырабатывать «экономическую программу для России» – не особо интересуясь, что об этом думает сама Россия. По сути, начались споры о послевоенных разделах русского рынка. Британия, как «главный кредитор», претендовала на львиную долю. Франция тоже хотела урвать свое, навязывала льготные таможенные тарифы для своих товаров.

Либеральную оппозицию Запад брал под покровительство уже неприкрыто. Для переговоров в Россию приехали французские министры Вивиани и Тома. Посетили Думу, и там было громогласно заявлено: «Французы горячо и искренне относятся к Государственной Думе и представительству русского народа, но не к правительству. Вы заслуживаете лучшего правительства, чем оно у вас существует». А председателю Думы Родзянко Тома «дал полномочия» при необходимости обращаться лично к нему или к французскому главнокомандующему Жоффру «с указанием на происходящие непорядки» [133,134]. Это что, в порядке

вещей? Министры одной страны клеймят правительство другой, союзной державы, и дают «полномочия» спикеру ее парламента?

Но нет, Россию слишком рано списали со счетов. Она вдруг снова проявила свою мощь! К весне 1916 г. проблемы со снабжением удалось полностью преодолеть. Причем без западных «друзей»! Видный британский историк И. Стоун писал: «Нечестность и авантюризм иноземных бизнесменов разрушили веру русского народа в иностранных капиталистов. В Петрограде, в отталкивающей атмосфере ожидания обогащения один за другим паразиты въезжали в отель «Астория»... Кризис с военным оборудованием и боеприпасами длился до тех пор, пока русские не оказались способными обеспечить себя сами» [168]. Да, сами, опираясь на собственные силы и ресурсы. В годы мировой войны Россия совершила промышленный рывок, по масштабам своего времени сопоставимый с рывком Великой Отечественной. По подсчетам академика Струмилина ее производственный потенциал в 1914–1917 гг. вырос на 40 %. Возникло 3 тыс. новых заводов и фабрик, а старые расширялись и модернизировались.

Позиционная оборона помогла накопить и подготовить резервы. И на фронтах снова стояли великолепно обученные и вооруженные армии, возглавляемые опытными и грамотными полководцами. Первыми начали активные операции войска Юденича в Закавказье. В феврале они взяли неприступную крепость Эрзерум. Затем ударили на приморском фланге, овладев Трапезундом. И устремились вглубь Турции, уничтожив две неприятельских армии... А в июне нанесли удары основные фронты. Впервые в ходе войны была взломана многополосная позиционная оборона. Ни англичанам, ни французам этого еще не удавалось, а армиям Брусилова удалось. Наши части продвинулись на 200–400 км, снова заняли большую часть Галиции, захватили огромные трофеи, потери противника составили 1,5 млн. солдат и офицеров. Австро-Венгрия была практически разгромлена, Германии тоже крепко досталось. У союзников дела обстояли куда более плачевно. В бесполезных мясорубках под Верденом и на Сомме они понесли колоссальные потери при продвижении на 5–10 км. Италия потерпела катастрофическое поражение под Трентино. Англичане пытались наступать в Ираке – турки окружили и уничтожили их экспедиционный корпус.

Да, Россия снова поднялась во весь рост, развернулась в полную силу. И... что бы вы думали? Отношение к ней западных союзников снова развернулось на 180 градусов! О, теперь с нашими представителями за рубежом разговаривали совсем не так, как до Брусиловского прорыва. И желающих выделить кредиты на приемлемых условиях нашлось предостаточно. «Друзья» всячески спешили загладить свое вчерашнее хамство. Англичане наградили царя орденом Бани I степени и произвели в британские фельдмаршалы. А французы свернули тайные соглашения с поляками. Вместо этого Палеолог по поручению своего правительства быстренько разработал и предложил договор Николаю II – Франция признает, что Россия имеет полное право сама установить свои западные границы, пусть берет все, что захочет, а за это пусть поддержит претензии Франции на Эльзас и Лотарингию.

Однако в целом получалась парадоксальная вещь. Проигрывала сражения наша страна – плохо, а выигрывала... тоже плохо! Ее не только снова зауважали, но и снова боялись ее усиления. А средством «исправить» это опять были удары в спину. Активизировалось сколачивание заговоров. Прямое участие в их организации приняли западные дипломаты. И Палеолог, и британский посол в Петрограде Бьюкенен. Посольства стали крышами для заговорщиков не только в переносном, но даже и в прямом смысле. Под этими крышами устраивались сборища оппозиции, звучали антиправительственные речи, строились планы. Кроме думских кругов, давно уже связанных с послами, в заговоры втягивалась часть придворных, военных, аристократии, даже родственников царя. В октябре 1916 г. сессия Думы вылилась во вторую атаку на власть. Через военно-промышленные комитеты либералы вели раскачку рабочих, чтобы создать нестабильность, обеспечить действиям заговорщиков мас-

совую поддержку. Агитация принимала все более крайние формы: дескать, в правительстве – изменники, царица – шпионка, ведут Россию к поражению. Но с другого направления эту же самую раскачку вела сеть Парвуса. Под теми же самыми лозунгами.

Нет, Россию губила не «реакционность», не самодержавный «деспотизм», а наоборот, слабость власти. Во всех других воюющих государствах тыл был мобилизован, действовали законы военного времени, суровая цензура. И только Россия позволяла себе воевать с вполне «мирным» тылом. Рабочие могли бастовать сколько им вздумается, оппозиционеры – поднимать парламентские бури, газеты – печатать то, что им закажут и оплатят. Нерешительный царь хотел добиться гражданского мира, шел на поводу у «общественности», снимал министров, которые раздражали либералов, а получалось еще хуже. Потому что новые министры тоже становились объектом атак, и получилась настоящая свистопляска, всего за год в стране сменилось 4 премьера, 4 министра внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военных министра, 3 министра юстиции... Не успевали войти в курс дела, как катились в отставку.

Проблемы усугублялись тем, что произошло обычное для войны расслоение. Патриотические рабочие, интеллигенты, крестьяне, военные стремились на фронт, а в тылу скапливались шкурники. На заводы вместо тех, кто ушел в армию, хлынула «лимита», желающая получить броню от призыва. Офицеры и унтеры, опасаясь попасть на передовую, правдами и неправдами пристраивались в тыловых запасных батальонах. «Земгусары» – служащие «Земгора», тоже защищенные от призыва, деляги, нувориши погрязали в махинациях и прожигали легкие деньги. На фронте шли тяжелые бои, а в «мирных» городах сверкали огнями и гремели музыкой рестораны, кафешантаны, варьете. В конце 1915 г. лидеры легальных социалистических групп устроили в Петрограде тайный съезд под председательством Керенского. Была принята резолюция: «Когда наступит последний час войны, мы должны будем свергнуть царизм, взять власть в свои руки и установить социалистическую диктатуру». Обо всем, что происходило на съезде, было хорошо известно не только Охранному отделению, но и иностранным послам! И никаких репрессивных мер не последовало.

Россию буквально наводнили шпионы. В Финляндии граница оставалась «прозрачной», через нее проникали все кому не лень. Почти в открытую велась вербовка финских добровольцев в германскую армию. Особенно массовой обработке подвергся Балт-флот, базирующийся в Гельсингфорсе (Хельсинки). В октябре 1915 г. произошел бунт на линкоре «Гангут». В результате была вскрыта крупная большевистская организация на флоте, арестовали более 100 человек. Но лишь двоих приговорили к смертной казни, да и то царь помиловал, заменил каторгой. Остальные отделались заключением и ссылками. А большинство арестованных и заподозренных свели в матросский батальон и отправили на фронт искупать вину. Но батальон отказался воевать, не выполнял приказы и стал разлагать соседние части. И как думаете, судили? Расстреляли? Нет. Батальон расформировали, а матросов вернули на свои корабли. Вот и судите сами, может ли выиграть войну государство, действующее подобным образом?

Контрразведывательное отделение Генштаба располагало списком из 58 фирм, чьи связи с немцами были установлены достоверно и 439 фирм, подозревавшихся в таких связях. Но ничего не могло поделать с ними! Существующие законы не позволяли! Например, контрразведка прекрасно знала, что центром шпионажа в столице является гостиница «Астория». Знала, что руководят этой работой сотрудники гостиницы Рай, Кацнельбоген и Лерхенфельд. Но целых 2 года понадобилось... не для того, чтобы арестовать и покарать их. А лишь для того, чтобы закрыть гостиницу, лишив противника удобной «крыши» [118].

И все звенья подрывной работы взаимодействовали между собой – если не прямо, то косвенно. Банкиры и торгаши обваливали рубль, что вызывало рост цен. Организовывали дефициты промышленных и продовольственных товаров то в одних, то в других районах. Это использовали думцы и газетчики для нападок на правительство. Подорожанием были

недовольны рабочие, и агитаторы подталкивали их бастовать, требовать повышения заработной платы. Аресты агитаторов влекли за собой возмущенные протесты все той же Думы. А разогнать Думу царь не решался – ее поддерживали правительства союзных Англии и Франции. Разорвать этот заколдованный круг попытался начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев, предложил ввести диктатуру тыла. Нет, провалили! К царю в Ставку примчался председатель Думы Родзянко и убедил не делать этого – дескать, это «бесполезно и опасно», как бы пуших беспорядков не вызвало [133].

Единственное, чего смог добиться Алексеев, – учреждения особой следственной комиссии генерала Н. С. Батюшина для борьбы с саботажем и экономическими диверсиями. В нее вошли лучшие специалисты и следователи контрразведки: Резанов, Орлов, Барт, Логвинский, Малофеев и др. И работать начали очень результативно. Да еще бы не результативно, ведь оперативных материалов у контрразведки уже было полным-полно. Знали, кого надо за жабры брать. А теперь наконец-то полномочия на это получили. Одними из первых были арестованы родственники Троцкого, Абрам Животовский с братом. Загребел за решетку банкир и медиамагнат Дмитрий Рубинштейн, тесно связанный с немцами через «Ниа-банк» Олафа Ашберга – летом 1916 г. в докладе кайзеру о развертывании подрывной работы канцлер Бетман-Гольвег назвал Рубинштейна «самой многообещающей личностью» [139]. Также арестовали юриста Вольфсона, промышленников Шапира, Раухенберга, Шполянского, сахарозаводчиков Бабушкина, Гепнера, Доброго. Контрразведка копнула фирму Нобеля, Внешторгбанк, Международный банк. При обысках нашли предвоенные циркуляры германского генштаба № 2348 и 2348-бис, хранившиеся наряду с другими деловыми бумагами. В Международном банке обнаружили и инструкции Макса Варбурга [118].

Под удар попали еще не самые крупные фигуры – от них нити вели к настоящим «китам»: Бродскому, Цейтлину, Терещенко, Гинзбургам, Манусу. Но все это кончилось... ничем. Против комиссии подняла вой вся «общественность», обыски и изъятия документов объявлялись вопиющими «беззакониями», «разгулом реакции». Комиссию Батюшина очень быстро и умело посадили в лужу. Нашли в ней слабое звено, некоего Манасевича-Мануйлова, при проверке очередного банка спровоцировали его взять «отступного» – мечеными купюрами. Поймали на взятке, и все газеты растрезвонили, что комиссия просто занимается вымогательством. Что же касается арестов, то иностранная пресса квалифицировала их как... «еврейский погром». В защиту «пострадавших» дружно выступили англичане, французы, американцы. А российские банкиры и промышленники вышли напрямую на царя, очень прозрачно намекая, что не время ссориться с их кастой. И добились своего, Николай II повелел закрыть дела. Причем даже это было использовано против него! Теперь распускались слухи – ага, дескать, сами видите, царь с царицей покрывают изменников и шпионов!

Между тем подрывная работа наращивалась. Министр внутренних дел Щербатов докладывал на заседании правительства: «Агитация идет вовсю, располагая огромными средствами из каких-то источников...». Морской министр Григорович сообщал: «Настроение рабочих очень скверное. Немцы ведут усиленную пропаганду и заваливают деньгами противоправительственные организации. Сейчас особенно остро на Путиловском заводе». Впрочем, тут есть одно «но». И очень немаловажное «но». На которое давно уже обратили внимание некоторые иностранные исследователи [139, 150]. Кстати, тоже любопытно получается, зарубежные историки обратили, а отечественные упорно не замечают очевидного факта. Повторяют рассуждения о «германском золоте» для Ленина, абсолютно не задумываясь – а откуда же у Германии могло взяться «лишнее» золото? И в таких количествах? Перед войной она тратила колоссальные средства на подготовку своей промышленности, армии, флота, очутилась из-за этого на грани дефолта [47]. Потом у нее было два года тяжелых сражений на нескольких фронтах. При этом Германии приходилось многое покупать за грани-

цей – продовольствие, сырье. В Скандинавии – железную руду, никель, в Румынии скупали весь урожай, пока она не примкнула к Антанте, многое завозилось через Швейцарию. Сама же Германия в годы войны не продавала ничего. Да еще и оказывала большую финансовую поддержку Турции. Так откуда же могли взяться сотни миллионов для российских революционеров и сепаратистов?

Но тут надо учитывать, что финансовая система Германии обладала определенными особенностями. В рейхе поручения правительства выполняли частные банки. В 1915–1916 гг. государственная казна была уже пуста. А задача финансировать систему Парвуса была возложена на компании «М. М. Варбург», «Райте-банк» и «Дисконт-Гезельшафт». Теоретически предполагалось, что государство со временем выплатит им долг или рассчитается иными способами – выгодными подрядами, концессиями, льготами. Банки согласились принять на себя поручение, а за счет чего его выполняют, правительство не интересовало. Но, разумеется, и Макс Варбург со товарищи расходовали не какие-то свои личные сбережения. Суммы больно уж значительные. А капиталы германских банков уже и перед этим использовались для других заказов правительства, они вкладывались в военное производство, закупки, займы союзникам. «Лишних» миллионов у банкиров тоже не было.

И ни у одной воюющей державы их не было. Зато избыточные наличные средства имелись за океаном! Они хлынули в США как оплата военных заказов, оплата промышленных и продовольственных товаров, которые поставлялись в разоренную Европу. Америка-должник превращалась в Америку-кредитора. Теперь уже она ссужала займы Англии, Франции, которые до войны считались «мировыми банкирами». И основным источником «германского золота» могли стать только США.

Доказательства есть. В 1919 г. американская военная разведка представила в так называемый комитет Овермана (созданный конгрессом для расследования закулисной деятельности окружения Вильсона) сведения о займах, которые американские банкиры выделяли Германии. Согласно показаниям агента-посредника Хайнена, немцы получали деньги от фирмы «Кун и Лоеб» через банк Макса Варбурга начиная с сентября 1914 г. – первый транш составил 400 тыс. долл. Всего же через «Кун и Лоеб» было депонировано в «М. М. Варбург» 25 млн. долл. [139]. Почему бы и нет, если партнерами «Кун и Лоеб» были два брата Макса? И один из них – вице-президент Федеральной резервной системы США?

Но деньги, несомненно, переводились и через другие каналы, через нейтральные государства. Финансирование и отмывка шли под разными прикрытиями. Так, Присцилла Робертс упоминает, что Яков Шифф переводил крупные суммы Максу Варбургу для «благотворительных» целей – на оказание помощи евреям, пострадавшим в Польше и Галиции (о том, чтобы хоть один еврей, разоренный в ходе боевых действий, получил материальную компенсацию, история скромно умалчивает). Позже внук Якова Шиффа оценил вклад своего деда на революцию в Россию в 20 млн. долл.

Но ограничиваться только фигурой Шиффа, только банком «Кун и Лоеб», нет оснований. Просто он был наиболее одиозной личностью. Сионист, масон, открыто декларировавший свою вражду к России, бизнесмен германского происхождения – вероятно, для «мировой закулисы» и требовался такой тип, чтобы на нем сосредоточивалось все внимание. Однако, например, американский историк Э. Саттон приводит многочисленные доказательства причастности к революции другого крупнейшего банкира США, Дж.-П. Моргана. Не еврея. Не поддержавшего призывы Шиффа о финансовом эмбарго для России, а наоборот, предлагавшего ей займы, выражавшего симпатии [139]. Подрывную работу в России оплачивали не только американцы. Известно, скажем, что владелец лондонского банка «Джойнт-сток» Мильнер вложил в революцию 21 млн. руб (10,5 млн. долл.) [105]. Германия была только перевалочным пунктом для «отмывки» денег. Как видим, система была сложной, но хорошо продуманной, и действовала безотказно.

Между прочим, точно так же, как это было в 1904–1905 гг., проявлялись немалые «странности» и в российском руководстве. И очень много вопросов вызывает не кто иной, как министр финансов Петр Барк. В самом начале войны – один из главных инициаторов введения «сухого закона», нанесшего сильнейший удар по финансовой системе государства. Потом Барк творит «чудеса», раскатывая по свету и добывая займы у западных держав, – но займы на кабальных условиях, за обеспечение золотом. В Америку министр финансов направляет своего представителя. И им оказывается Г. А. Виленкин, родственник Шиффа, который уже исполнял ту же самую роль в японскую войну. Мало того! Еще одним доверенным представителем Барка стал... Олаф Ашберг [154], креатура Макса Варбурга и Парвуса. Ездил по разным странам то вместе с российским министром, то один, помогая добывать для России кредиты, обеспечить поставки. В 1915 и 1916 гг. в Нью-Йорке вел переговоры с банкирами от имени Барка.

При таких «странностях» очень даже не трудно предположить, что на разрушение России шло... русское золото. То самое, которое из подвалов нашего казначейства отправлялось в Англию за предоставление займов. Которое отправлялось в Америку для оплаты поставок. Ну а потом становилось «германским» и обеспечивало революционеров.

14. В какие игры играла Америка

То, что лежит на поверхности, не всегда является истиной. Например, анализируя анти-российскую деятельность Шиффа, некоторые историки указывают на его германское происхождение, сохранившиеся родственные и деловые связи с Германией и делают вывод, что он работал в пользу немцев. Но все отнюдь не так просто. Напомним, что в Белом Доме ставленником Шиффа, Ротшильдов и связанных с ними кругов был полковник Хаус. Он, по сути, подмял под себя Госдепартамент, рулил внешней политикой США. И Америка, хоть и сохраняла нейтралитет, с самого начала войны подыгрывала Антанте. Как уже отмечалось, Хаус в 1914 г. настраивал Вильсона, что победа Центральных держав опасна для Америки. Но нежелательна и победа Антанты, если в числе победителей будет Россия.

Это была позиция не только Хауса и Шиффа. Такова была позиция «финансового интернационала». И если Макс Варбург стал одним из руководителей спецслужб Германии, если Фриц Варбург выполнял секретные поручения Берлина в Швеции, то и они предавали свою родину! Работали в ее пользу лишь до определенного предела. Монархия Гогенцоллернов, контролирующая и регулирующая деятельность бизнесменов, была для них неудобной обузой. Как и монархия Габсбургов для австрийских Ротшильдов. Куда лучше демократия, при которой все продается и все покупается. Поэтому Центральным державам, в конце концов, предстояло проиграть, чтобы пали короны. Но потом. А до поры до времени их поддерживали, чтобы сперва пала Россия. Хаус в одном из писем Вильсону отмечал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны» [6]. Это писалось ох как задолго до аналогичного плана Збигнева Бжезинского!

Ну а самой Америке требовался нейтралитет, чтобы участники войны как следует измочалили друг дружку, а американский капитал собрал достаточную прибыль. В том числе и за счет России. Деловые связи США с нашей страной в период войны чрезвычайно активизировались. За океан ехали представители российских предприятий, коммерческих компаний. В Петроград двинулись американские бизнесмены. Но в связи с этим исследователи уже обратили внимание на явно не случайный факт. В июне 1914 г., едва прозвучали выстрелы в Сараева, из совета директоров крупного «Нэшнл Сити банка» внезапно, без объявления причин, вышли два самых весомых американских финансиста, Морган и Шифф. А через пару месяцев, когда загремели пушки, именно «Нэшнл Сити банк» стал главным каналом по наведению финансовых мостов с Россией.

Его управляющий г. Мезерв в августе 1915 г. прибыл с широкими полномочиями в Петроград, и с этого момента до февраля 1917 г. в книге посетителей министра финансов П. Барка имя Мезерва встречается чаще всех других имен! Но, разумеется, представитель американского капитала контактировал не только с министром. Он установил прочные деловые связи с председателем правления Русско-Азиатского банка А. И. Путиловым, Сибирского банка Э. К. Грубе, Азовско-Донского банка Б. А. Каменкой, нефтепромышленником Э. Л. Нобелем, управляющим Московским Соединенным банком братом будущего чекиста А. Р. Менжинским. Да и российская «общественность» горячо ринулась развивать отношения с американцами. Появляется Русско-Американская торговая палата – инициатором ее создания и председателем стал один из главных оппозиционеров и заговорщиков А. И. Гучков. Петроградское отделение палаты возглавил товарищ председателя Думы прогрессист А. Д. Протопопов [154]...

В России появились и другие влиятельные гости из Америки. В качестве советника Вильсона приезжает Чарльз Крейн, руководитель компании «Вестингауз Электрик». Приезжает вице-президент банка Моргана «Гаранти траст» М. П. Мэрфи. Кстати, не только

банкир, но и организатор сепаратистского путча в Панаме в 1903 г. Специалист. А сопровождает его в поездке по России – Олаф Ашберг. Один за другим вырабатывались и предлагались самые «заманчивые» проекты займов. Берите сколько надо! Но под обеспечение акций железных дорог, предприятий, месторождений золота, платины... Однако царское правительство строго блюло национальные интересы и подобные предложения признавало неприемлемыми. Что ж, западные бизнесмены все равно в накладе не оставались. Находили общий язык напрямую с русскими банкирами, с лидерами «общественности».

Казалось, дружба действительно должна укрепляться, Америка – без пяти минут союзница. Сама она, правда, преодолеть эти «пять минут» еще не спешила. Но ориентацию проявляла все более определенно. Американские поставки и кредиты странам Антанты шли не в пример более широким потоком, чем Центральным державам. Предпринимались и усилия, чтобы подтолкнуть США к активным действиям. В мае 1915 г. британские спецслужбы организовали провокацию с «Лузитанией». Это был английский пассажирский пароход, на борту находилось 2 тыс. человек (в том числе около 100 американских граждан). Но на лайнер загрузили еще и снаряды, взрывчатку, была допущена широкая утечка информации, что «Лузитания» везет военные грузы. Распространялась даже версия, будто она является вспомогательным крейсером [168]. А когда ее потопила германская подводная лодка (а может, и не лодка, может, мина сработала), был раздут скандал на весь мир. Правительство США подыграло англичанам, выступило с гневным осуждением...

Аналогичные истории повторялись еще несколько раз. Немцы топили какое-нибудь «мирное» судно, на котором англичане перевозили войска и вооружение, и тут же гремели ноты Вильсона, требующие от Германии прекратить «варварскую» подводную войну – под угрозой разрыва отношений... На самом-то деле Америка воевать не могла. У нее не было армии, кроме морских пехотинцев (для карательных акций в «банановых республиках»). Пока она призвала бы в строй, обучила солдат, сформировала соединения, перебросила их в Европу, германские подводные лодки давно успели бы задушить Англию блокадой – она же на своем острове не могла существовать без подвоза извне. Но и в окружении кайзера действовали агенты «финансового интернационала». Стращали Вильгельма американской опасностью, и он отдавал приказ прекратить подводные операции. Таким образом, благодаря нотам Вильсона англичане избежали губительной для них блокады. А общественное мнение США исподволь готовилось к войне против Германии.

Но для России за американской пазухой приберегался и наращивался здоровенный камень. О русских революционерах в 1914 г. был снят даже художественный фильм «My Official Wife» – он прошел с большим успехом, популяризируя борцов с царизмом и вызывая к ним симпатии. Революционеров в США оседало много. Бежали сюда после революции 1905 г., приезжали и позже. Их брали под опеку местные социалистические, благотворительные организации. Все получали возможность устроиться. Кадры революционеров не только накапливались и приберегались, они и специально отбирались – кто кажется подходящим. Коллонтай во время своего турне явно понравилась американским закулисным силам, и ее пригласили снова, дали работу – читать лекции, писать статьи.

Еще одной важной и очень не простой фигурой был Юрий Александрович Ларин (Михаил Зальманович Лурье). Он был близок к масонским и сионистским кругам, являлся одним из ближайших сотрудников Парвуса. В 1906–1907 гг. руководил областной социал-демократической организацией в Киеве. Но после этого почему-то отошел «в тень». На лидирующие роли больше никогда не выдвигался и не стремился, но влияние имел огромное. В 1912 г., когда враги России попытались объединить социал-демократов вокруг Троцкого, Ларин участвовал в создании Августовского блока. А потом очутился в США. Или взять такую личность как Николай Бухарин. Партийный теоретик второго разряда. Жил в Австрии. С началом войны вместе с Лениным застрял в Швейцарии. Но стоило ему жениться

на дочери Ларина, как и он быстро попал в Америку. И деньги на проезд откуда-то нашлись, и с визами никаких проблем не возникло.

Русская военная разведка сообщала, что в США первое крупное собрание революционеров состоялось 14 февраля 1916 г. «в восточной части Нью-Йорка. Присутствовало 62 делегата, из которых 50 являлись ветеранами революции 1905 года, а остальные – новыми членами». Обсуждались возможности «совершения великой революции в России, поскольку момент крайне подходящий». Некоторые делегаты высказывали сомнения. Дескать момент-то подходящий, но вряд ли что-то получится без больших средств. Однако их тут же заверили, что с финансами проблем не будет, – как только потребуется, нужные суммы поступят «от лиц, симпатизирующих движению за освобождение русского народа». В связи с этим многократно упоминалось имя Шиффа.

Кстати, революции, кроме политического аспекта, представляли собой очень выгодный бизнес. И американские тузы уже имели немалый опыт подобных операций. Как уже отмечалось, они организовали переворот в Панаме – после чего получили «на вечные времена» зону будущего Панамского канала. Банкиры США поддерживали китайскую революцию в 1912 г. Ее финансирование осуществлялось в основном через синдикат «Хант, Хилл энд Беттс». Активно поучаствовали и в мексиканской революции. Хотя отряды мексиканских повстанцев перебили многих ненавистных «гринго», вторгались на территорию США, компания Моргана через подставные фирмы поставляла им оружие, имея солидную прибыль [139].

К работе с русскими революционерами в Америке подключилась и британская разведка. Точнее, ее резидент Вильям Вайсман. До войны – банкир. И после войны он станет банкиром, причем в Англию не вернется, будет принят в компанию Шиффа. Он успел послужить во Франции на фронте, а в 1915 г. перешел в «Секрет Интеллидженс Сервис», секцию МИ-1с (позже МИ-6). Принял его в кадры разведки самолично шеф этой организации Мансфилд Каминг. Тот самый сверхсекретный шеф, который в мемуарах британских шпионов и в романах Флеминга о Джеймсе Бонде именуется только инициалом – сэр «К». В 1916 г. Вайсман был направлен в США, получив особые, очень широкие полномочия. Ему предоставлялась полная самостоятельность, независимость от других ветвей спецслужб и их руководства, подчинялся он напрямую только Камингу.

Главной задачей Вайсмана было установить связи в правительстве и деловых кругах Америки, чтобы всячески способствовать ее скорейшему вступлению в войну. «Крышей» резидентуры стала закупочная комиссия британского министерства вооружений – та комиссия, которая размещала в США военные заказы и для Англии, и для других стран Антанты, в том числе для России. А для Вайсмана подобное прикрытие позволяло выгодно сочетать разведку с коммерцией, получая комиссионные с каждого заказа. Контакты с воротилами Уолл-Стрита он навел очень быстро. Уж ясное дело, Каминг знал, кого посылать. Человека из банкирской среды, масона (как и сам Каминг).

Вайсман оказался и хорошим разведчиком, сформировал собственную сеть. Но занялся не только американскими, а еще и российскими делами. А главным его помощником и консультантом по нашей стране стал Соломон Розенблюм. Вам незнакомо это имя? Он больше известен под другим – Сидней Рейли. По одним источникам – уроженец Одессы, по другим русской Польши. Встречаются упоминания, что шпионить он начал еще в русско-японскую войну, добыв для противника планы Порт-Артура. Но это, скорее, легенда. Дело в том, что Рейли впоследствии создавал себе имидж супершпиона и отчаянно темнил, всякий раз выдавая разные версии своего прошлого. Что из этого было правдой, а что он напридумывал, остается загадкой. Доподлинно известно лишь то, что в 1906–1914 гг. он жил в Петербурге, занимался спекуляциями и маклерством. Потом его принял к себе на службу Абрам Животовский, дядя Троцкого. И послал за границу в качестве своего представителя. Рейли

побывал в Японии, основав там филиал синдиката Животовского, закупавший взрывчатку для русских снарядов. А затем приехал в США и обосновался в Нью-Йорке.

Рейли закупал для Животовского металл и другие стратегические материалы. Но он развернул и собственный бизнес, покупая и перепродавая оружие, военное снаряжение, сырье. И секреты тоже. Англичане завербовали его то ли в Америке, то ли еще раньше, в США он сперва работал под началом капитана Твейтеса. Однако сотрудничал и с другими разведками. Продавал немцам данные о русских военных заказах. Информацию о немцах продавал англичанам. Информацию об англичанах – снова немцам. Когда от эмигрантской, но патриотической газеты «Русский голос» поступили доказательства, что представитель российской миссии полковник Некрасов – немецкий шпион, и Твейтесу была поручена проверка, Рейли сумел выгородить Некрасова. Но если Парвус был революционером-бизнесменом, то Рейли – шпионом-бизнесменом. Разведывательные дела, если они не сулили личной наживы, его не интересовали. Он имел и собственную сеть агентуры – Бразол, Алейников, Колпачников, некоторые сотрудники русского генконсульства в Нью-Йорке. А от Твейтеса Рейли перешел к Вайсману, причем в двух качествах. С одной стороны, как деловой компаньон британской закупочной комиссии, с другой – как ценный агент [150].

В результате всех этих хитросплетений возникали такие «гадючьи гнезда», что порой просто диву даешься. Американские историки Э. Саттон и Р. Спенс уже обратили внимание на один весьма любопытный адрес – Бродвей, 120. Это был 35-этажный небоскреб, возведенный в 1915 г. В строительстве, кстати, принимал участие Вильям Шахт, папаша будущего «финансового гения» Гитлера Ялмара Шахта. На верхнем этаже размещался элитарный банкирский клуб, где собирались Морган, Шифф, Барух, Маршалл, Лоеб, Гугенгейм и прочие воротилы высшего ранга. Остальное здание заполнили своими офисами и представительствами множество фирм. «Дженерал электрик», «Вестингауз», «Морис Плэн», «Стоун энд Уэбстер»... Из девяти директоров Федеральной резервной системы США у четверых основные рабочие кабинеты располагались по адресу Бродвей, 120.

В этом здании разместился целый ряд фирм, делавших бизнес на экспорте революций, как упомянутая «Хант, Хилл энд Беттс». Активно играла на революциях и могущественная компания «Америкен Интернешнл Корпорейшен», специально созданная для эксплуатации отсталых стран. Главным ее акционером был банк Шиффа «Кун и Лоеб», базировалась она в том же здании, Бродвей-120. А ее директором являлся Отто Кан – и, кстати, именно через Кана связи с «Кун и Лоеб» поддерживал британский резидент Вильям Вайсман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.